

БЕЧЕ

БЕЧЕ

31

1988

31

Вече

Независимый русский альманах

31

Восьмой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1988

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилейное Послание Архиерейского Собора к пастве Русской Православной Церкви	5
К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ	
Е. Пашнин - Значение православия в жизни и исторической судьбе России	11
ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ	
К. Питорин - К 70-летию изуверского злодеяния на Урале	21
Трибуна «Вече»	
А. Б. Б. - Русско-еврейские отношения вчера, сегодня и предвидимое	49
Г. А. Стефанский - Забывшие Бога	79
ПЕРЕСТРОЙКА И ТЕАТР	
М. Назаров - Политический театр Михаила Шатрова	97
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
В. Вулич - Миф Бориса Хазанова	109
РУССКИЙ САМИЗДАТ	
В. Осипов - Гвоздь перестройки	137
Г. Анищенко - Выбор	147
Мысли и факты	178
Н. Гурко - Правда о встрече во Дворце культуры ЗИЛ	187

Юбилейное Послание Архиерейского Собора к пастве Русской Православной Церкви

„С нами Бог, разумеете безбожные и покоряйтесь Богу нашему“.

В Юбилейный 1988 Год, 1000-летия КРЕЩЕНИЯ РУСИ, мы – епископы Русской Православной Церкви, собравшиеся на Архиерейский Собор в Нью-Йорке, возвышаем голос, обращаясь ко всем чадам нашей Церкви, словами: „Христос посреди нас есть и будет“.

„Святися, святися, Церковь Русская, слава бо Господня на тебе возсия!“ Радуйтесь и веселитесь верные чада ея! Ныне Церковь наша явила истину слов Христовых: „созижду Церковь мою и врата ада не одолеют ее“.

Врата ада пытались и пытаются одолеть ее, вот уже 1000 лет. К нынешнему Юбилею ея, враг Божий употребил последния усилия, доступныя ему, чтобы стереть Церковь с лица русской земли, назначая вперед сроки полной ея ликвидации.

С 1917 года начались яростныя, беспощадныя, небывалыя гонения на верующих Русской Церкви. Десятки миллионов убитых, замученных, погибших в ссылках и лагерях епископов, священников, монашествующих, верующих мирян подверглись небывалым репрессиям со стороны воинствующих безбожников. Но Церковь устояла на крови мучеников.

Русская Церковь сегодня – это, прежде всего, необъятное море верующих нашей страны, скорбящих и гонимых Христа ради и правды Его, пастырей, ушедших в ка-

такомбы своих сердец, отцов и матерей, молитвами спасающих чад своих от безбожия и неверия, детей – исповедников, всех в немощи сильных, которых недостойн современный мир.

Это они и мы, любящие их, увы, за пределами отечества, являемся Русской Церковью, над которой сияет слава Господня в 1000-летний Юбилей ея бытия.

Верим мы, что недалек тот час, когда современные гонители, подобно Юлиану Отступнику, скажут Христу: Ты победил нас Галилеянин! Тогда восстанет Русская Церковь, очищенная гонениями, омытая кровью мучеников, как прекрасная невеста Христова, в одежде, сотканной из невыразимых страданий верных чад, которая воскликнут, вместе с апостолом: „Сия есть победа, победившая мир – вера наша!“

И только тогда кончится самостоятельное существование Зарубежной Церкви и Собора Русских Архиереев за пределами родины. Но пока исповедники веры Христовой томятся и умирают в тюрьмах и лагерях, пока церковное возглавление Московской патриархии поражено безгласностью и не может говорить правды, мы – русские епископы за границей чувствуем страшную ответственность, лежащую на нас, за ВСЮ Церковь.

Ведь мы, увы, единственные, в дни исторического Юбилея, епископы **СОХРАНИВШИЕ ВНУТРЕННЮЮ СВОБОДУ ЦЕРКВИ**, как Божественный Дар Духа Святого, без которого немислима Церковь. Управляя свободной частью ея, Зарубежной, мы ни от кого не зависим и никто не может принудить нас поступить против пастырской совести. Обладая Богом данной свободой, мы не знаем компромиссов с врагами Христовой Истины и рука безбожника не может дотянуться до нас.

Мы единственные русские епископы, голос которых может и должен быть и является **СВОБОДНЫМ ГОЛОСОМ** многострадальной Матери Церкви, в противовес ложной пропаганде поработителей родины и церковного возглавления Московской патриархии.

Мы единственные русские епископы, хранящие кано-

ническую чистоту рукоположения от великих святителей русских, не получавшие никогда разрешения или, тем более, приказания на это от врагов Церкви.

Мы единственные русские епископы, говорящие правду о положении верующих на родине, чем облегчаем их судьбу и в чем видим наш долг перед Церковью. Мы свободно свидетельствуем о мучениках и исповедниках нашего времени, об их страданиях и мужестве, не искажая, умолчанием о них, истории Церкви последних десятилетий.

Мы единственные русские епископы, сохранившие канонический строй управления Церковью, на основании указа святейшего патриарха Тихона от 20 ноября 1920 года. Руководствуясь исключительно пастырской совестью, мы созываем Архиерейские Соборы, видя в них **ВЫСШУЮ ВЛАСТЬ ЦЕРКВИ**, соборно и свободно избираем Главу Церкви – митрополита и правящих епископов, решаем все вопросы управления Церковью и ея епархий, находящихся во всех странах свободного мира, в которых трудятся самоотверженные и неподкупные пастыри, окормляя верную им паству.

Мы единственные русские епископы, дерзнувшие прославить мучеников и исповедников новых нашей Церкви, так как на родине никто не мог и не может еще сделать это. И в этом святом деле, мы получили полную поддержку, сочувствие и понимание, давно ждавших этого прославления священнослужителей и верующих.

Говоря таким образом о себе, мы не думаем хвалиться, так как это было бы безумием. Не своим умом и подвигом достигли мы свободы слова и действия в пасторском служении – но такова была о нас воля Божия, дабы мы сохранили за границей то, что невозможно было сохранить на родине. Мы же можем хвалиться только немощью своей.

Свобода Церкви немислима в стране, где атеизм является государственной религией, где все средства информации принадлежат только атеистам, где представители Московской патриархии остаются бесправными

рабами своих рабовладельцев.

„Чувство недоумения и горести“, – пишут священники и верующие на родине, – „вызвало у многих послание Патриарха московского и его Синода, по случаю 70-летия Октябрьской революции, изображающее историю отношений Церкви и государства в виде идеальной симфонии. Духом политического анахронизма веет от этого послания“. Как будто писано оно, добавим мы от себя, в жуткие времена страшных ленинских и сталинских гонений и террора.

И это теперь, когда „в стране“, как пишут те же верующие, „во всеуслышание говорится уже о преступлениях Сталина, о невинных жертвах произвола, о недопустимости предательства... памяти миллионов мучеников и исповедников веры, которыми славится не только Русская Церковь, но и все мировое христианство“.

И дальше – они же: „Мы опасаемся, что... и сейчас церковное руководство не использует исторические условия для улучшения положения Церкви и сведет празднование великого Юбилея 1000-летия крещения Руси к формально-помпезным мероприятиям, упустив возможность ознаменовать эту великую дату началом подлинного церковного возрождения“ (Обращение к патриарху Пимену от 18 ноября 1987 года).

Это говорим не мы из заграницы, то говорят священники и верующие на родине, находящиеся в тех же условиях несвободы и давления, как и возглавители Московской патриархии. Мы же должны и будем молиться за них, готовясь достойно встретить великий Юбилей. Нам больше дано, с нас больше спросится.

Мы – все чада Русской Церкви, мы плоть от плоти святых мучеников, мы должны быть достойны их. Будем же уклоняться от соблазнов явного и тайного зла, воюющего на нас, боясь продать первенство сынов Церкви и свободу во Христе, за чечевичную похлебку – скоропроходящих удовольствий и удобств жизни и греховных самоуслаждений. Будем уклоняться от гнева, осуждения, распрей и разделений, да будем, по слову

апостола, „в одном духе и в одних мыслях“ (1 Кор. 1;10).

Об этом молимся мы - пастыри на Архиерейском Соборе Юбилейного года, понимая всю нашу ответственность за Церковь. Молимся о полном нашем единомыслии, в котором заключается сила и правда Церкви и о твердом стоянии в Истине Христовой.

Дабы мы - пастыри, были достойны высокого служения, вверенного нам Промыслом Божиим и, уча других, сами бы не хромали на оба колена. Молимся о том, чтобы и вы - чада Церкви Русской, побеждали верою и молитвою искушения мира сего, в скорбях и гонениях, принятых во имя Христа, ждали торжества правды Его на земле и награды на небесах.

Митрополит Виталий, Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей.

Архиепископ Антоний, Лос-Анжелосский и Южно-Калифорнийский.

Архиепископ Антоний, Женевский и Западно-Европейский.

Архиепископ Антоний, Западно-Американский и Сан-Францисский.

Архиепископ Павел, Сиднейский и Австралийско-Новозеландский.

Архиепископ Лавр, Сиракузский и Троицкий.

Архиепископ Серафим.

Епископ Алипий, Чикагский и Детройтский.

Епископ Марк, Берлинский и Германский.

Епископ Иларион, епископ Манхэттенский.

Епископ Константин.

Епископ Григорий.

Нью-Йорк, 10 августа 1988 г.

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай неторопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую – удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный, помилуй нас! (три раза)

И. Ланской
Джорданвиль, С Ш А

Евгений Пашнин

Значение православия в жизни и исторической судьбе России*

Когда мне сообщили о семинаре, посвященном 1000-летию Крещения Руси, я срочно стал перебирать книги по данной теме, имеющиеся в моей библиотеке. К ужасу обнаружил, почти все эти книги содержат освещение истории и богословия России с точки зрения коммунистически-безбожной идеологии. Согласитесь, смешно говорить о христианском богословии устами безбожников или о тысячелетии истории России тезисами коммунистических догм.

К счастью, среди громады книг я обнаружил тоненькую книжечку профессора А. А. Царевского, написанную и изданную им почти век назад, в 1898 году. Я нашел мысли профессора Царевского созвучными нашим дням и решил познакомить вас с ними в сокращенном изложении.

*

История свидетельствует, что куда бы и когда бы ни

* Доклад, прочитанный на Семинаре православной общественности, который состоялся в Москве 7 - 9 июня с. г. по инициативе Александра Огородникова, редактора «Бюллетеня православной общественности», и Владимира Осипова, редактора журнала «Земля».

проникала вера Христова, всюду она является истинным и величайшим благодеянием Божиим, началом нового и лучшего порядка вещей, основанием всего, чем возвышались и благоденствовали народы. Но едва ли не самый величественный и поразительный пример благотворного воздействия христианства представляет именно наше отечество, земля святорусская.

Православие создало великое тело России и одухотворило его, стало поистине душою России. Оно послужило связующим и объединяющим началом, которое создало русское государство из хаоса хотя и родственных, но разъединенных, диких и враждующих между собою племен, памятных теперь только по именам древляне, поляне, северяне, вятичи, кривичи, родимичи и т. д., с принятием христианства объединившихся в нераздельном едином типе православного русского человека.

Есть сведения, что Владимир Святой еще до принятия христианства, стремясь к объединению разобщенных славян русских, пытался связать их узлом веры, и с этой целью собрал идолов, чтимых разными славяно-русскими племенами, в Киев, поставил их наряду с златоглавым Перуном. Но различное отношение племен к различным кумирам, а еще более того – внутренняя пустота и безжизненность язычества – не могли духовно сроднить и слить разъединенные члены хотя бы и единого, но не одушевленного одним духовным началом племени. Что не сделали бездушные идолы, сделало одухотворяющее христианство, которое обладает дивною силою объединять всех исповеданников своих в единое тесное и неразрывное братство. В этом духовном объединении исчезает обычная человеческая рознь, порожденная разноплеменностью, так как в христианстве – „нет иудея, нет эллина, нет ни раба, ни свободного, но все едино о Христе Иисусе“.

Православие легло краеугольным камнем великого здания России, и на нем зиждется наше национальное единство, целостность и самобытность. Столь тесного сближения и такого проникновенного взаимного сочетания веры

и народности, как в России, не представляет еще ни один известный истории народ. Поражаясь этой беспримерною связью национальности с исповеданием религиозным, известный исследователь России Леруа Болье совершенно справедливо приходит к выводу, что Русь больше всего сильна Православием, что последнее во всех разноплеменных обителях России освятило и укрепило любовь к общему для них русскому отечеству, что вообще „у русских невозможно отделять понятия церкви от понятия отечества“ („Чт. в Общ. любителей дух. просвещения“, 1893 г. № 6).

По принятии крещения св. Владимир повелел строить церкви как в Киеве, так и в других местах. Сооружен был византийскими мастерами великолепный Десятинный храм, первый образец изящного церковного зодчества на Руси. Византийскими же зодчими создается Киево-Софийский собор, представлявший точную копию Константинопольской св. Софии. Храм с его богослужением и всею священной обстановкой искони составляет насущную потребность русского человека и является предметом его самой внимательной заботливости и сердечной любви. Созидание храмов, а также монастырей, и украшение их имело всегда высокое религиозное значение в глазах православного русского народа. Кажется, невозможно найти ни одного древнерусского духовного завещания, в котором русский человек забыл бы про церковь, не сделал вклада в храм, не пожертвовал на монастырь и т. п. Зато совсем нередкость – все свое достояние отдать Богу и Его святой Церкви.

Пройдите мысленно по лицу земли святорусской: все необозримые пространства ее от края до края усеяны, украшены и освящены православными святынями. Храмы и монастыри, как звезды чистые на небе, покрыли всю землю русскую.

Бросьте хоть мимолетный взор на географическую карту России: вся она блистает светильниками русского Православия. Вот Москва златоглавая, средочение православной святыни, а потому и – сердце России, святой угол,

божница Русского царства. Вся она соткана из православных памятников о великих деяниях прошлого, совершенных духом и силами православного народа русского. Яркой звездой горит здесь кремль, святой Сион земли русской, и своими храмами – во имя Успения Богородицы, св. Иоанна Лествичника и Архангела Михаила – говорят о святых и благочестивых основателях Москвы. А далее того, что ни шаг по Москве, то новая страница из истории православной России: церковь Николая Гостунского – памятник удаления из Москвы татарских чиновников; Симонов монастырь – напоминание о Мамаевом побоище; Крутицкий монастырь – о падении орды; Новоспасский монастырь – о совершенном освобождении от татарского полона; величественный храм Покрова Богородицы у Спасских ворот – о взятии и просвещении Православием Казанского царства; Новодевичий монастырь – о возвращении от Литвы Смоленска в лоно православной России; Сретенский монастырь – о чудесном избавлении царствующего града от нападения Тамерлана; две церкви во имя Богоматери, в Китай-городе и на Арбате, – об избавлении Москвы от польско-католического нашествия, и т. д. и т. д.

Как могло случиться, что так легко с первых дней безбожной власти были нещадно разрушены и опоганены эти исторические святыни-памятники Руси, духовно питающие русский народ подвигами его предков, черпавших силу в Православной вере? Откуда такая ярость к духовной жизни русского народа, усилившаяся в наши дни особой изворотливостью?

Но если мы обратим свой взор за стены Москвы, сколько величия, красоты и святыни православной сияет на лице земли русской! Вот, например, Киев златоверхий – русский Иерусалим, святая купель народа русского, насильственно отнятая у православного люда и так же насильственно оскверненная ядом безбожия в наши дни. Может ли смириться православная душа перед столь наглым глумлением над христианской святыней, которую благоразумно щадили даже варвары половецких степей?

Вот Новгород Великий с его святой Софией – священная колыбель Православной России. Вот Ростов, Владимир, Ярославль, Казань, Воронеж, Задонск, Чернигов, Соловецк, Саров, Почаев, Валаам и пр. и пр. – да и можно ли сосчитать эти великие и яркие светочи русского Православия! Усилиями безбожной власти и врагами русского народа сейчас все эти святыни поруганы, осквернены и превращены в историческое кладбище, над которым тут и там могильными памятниками валяются эти разрушенные и опоганенные святыни русского народа. Ныне советские средства информации и правительственные трибуны любят говорить о благополучии советской церкви в советском государстве, о слиянии этой церкви и государства в едином порыве устройства социальной, экономической, гражданской и общественной жизни на миротворческих началах, забывая, что истинная Христова церковь не то же, что мир, что она даже не в союзе с миром, так как не от мира сего. Именно эти слова объясняют ту ярость и жестокость, с которой обрушиваются на истинно православный мир силы ненависти и вражды с Богом. Отсюда понятны те руины монастырей и Божиих православных храмов, которые напоминают русскому человеку о борьбе тьмы со светом, зла с добром, ненависти с любовью.

Впрочем, зачем указывать только звезды да светочи русского Православия, ссылаться только на очевидное и само в себе непререкаемое великое; заглянем в русские Назареты, где нет ничего казового, ослепительно светлого, пойдем в глубь наших захолустных, занесенных снегом сел и деревень. Обратим взор свой на убогие жилища и износный труд русского галилеянина, и, несомненно, увидим в нем безропотного страстотерпца – „трудника Христова“, который заслуженно назван „народом-богоносцем“, за великую веру Православную, за ту родовую иконку Спасителя или Богородицы, которая вдохновляет его безропотно нести ярмо жизни и исполнять урочное число кирпичей, налагаемых на его плечи безбожной властью. Участь русского Киринаянина оказалась еще более тяжелой в годы правления безбожия. Но имен-

но эта участь и есть путь Спасения, указанный Руси в Крещальной купели Киева. И когда возникают разговоры о русском благочестии, обязательно обращается внимание на русского крестьянина. Немецкий писатель XVII века Иоанн Гербениус писал: „Мы называем русских невеждами, но мы можем только мечтать о добродетелях, украшающих россиян“ („Сын Отечества“, 1808 г., 3 ч. 57 с.). И доселе свято блюдетсЯ в простонародье русском исконный обычай называть друг друга родственными именами: дедушка, дядюшка, сынок, сыночек, батюшка, детушки и т. д. „В русском человеке если и меньше света, зато очень много теплоты“ – сказал митрополит Филарет. Не питая ни к кому ни племенной, ни вероисповедной ненависти, русский человек, как никто в мире, способен не только мирно уживаться, но и искренне сближаться, преданно дружить и с татаринoм, и с немцем, и с евреем, если только эти последние – люди добрые и сами не обижают русского и не косятся на него. Нужно помнить, каким был русский славЯнин в до-христианский период своей истории: тогда новорожденному младенцу клался рядом меч, который сопутствовал ему всю жизнь, сеЯ на земле смерть и орошая ее человеческой кровью. Яркий пример благотворного воздействия Православия на русского человека, мы видим в равноапостольном великом князе Владимире. Из грубого и чувственного язычника он превращается в целомудренного ревнителя воздержания; из жестокосердого правителя превращается в благодушного и милосердного христианина. Не щадивший крови русской, он теперь не решается казнить даже злодеев. „Для чего ты не караешь злодейства?“ – спрашивали его современные пастыри церкви. – „Боюсь гнева небесного!“ И чего греха таить, и в наши дни находятся такие люди, которые готовы видеть в русском народе жестокого хищника, совершенно забыв, что с принятием христианства Русь начертала на своих знаменах слова: **любовь, мир и свобода**. Из насильника, хищника и угнетателя в языке Русь становится в христианстве навсегда заступником всех слабых и угнетенных, становится народом-

миротворцем, который во всю свою, теперь уже многовековую, жизнь пролил много крови своей на ратном поле, но при этом, однако, никогда не начинал войны по собственному почину, никогда не предпринимал кровопролития ради себя, ради своей выгоды, прибыли, а всегда только или для защиты оскорбляемой своей веры и отчизны православной, или – еще чаще – из-за других, ради меньших во языках людских.

Эта перемена в русском человеке разительно явилась даже в государственных деятелях. Например, знаменитый боярин Ордын-Нащекин под одеждой государственного сановника носил вериги и подчинялся всей строгости иноческого устава. Соображая величайшую перемену, произведенную верой Православной в русских людях, преподобный Иосиф Волоцкий справедливо сказал: **„Якоже древле русская земля нечестием всех превзыде, тако ныне, от того времени, как солнце евангельское землю нашу осия, – благочестием всех одоле“**. В дальнейшем мы встречаем для себя такой утешительный факт русского благочестия, который и в наши дни трудно встретить в других народах: **„А буде я не сдержу своего слова, да буде мне стыдно“**, – писал русский христианин в договорных грамотах, и это было авторитетнее и надежнее, чем самые предусмотрительные нотариальные расписки нашего времени. Английский наблюдатель славяно-русского мира Уашборн в статье „Славянин идет“ говорит, что великая сила русского человека отнюдь не во внешности, не в показном его поведении, которое изобилует грубостью, невежеством, пьянством и т. п. пороками, а **великая и имеющая весь мир победить сила его – в сокровенной, внутренней силе нравственной**: **„В дебрях России жив еще тот великий дух, который некогда вдохновлял Иоанна Гусса. Этот общий великий дух проникает все русские души. Это есть дух великого самопожертвования. Русский человек в этом отношении словно оторван от нашего материального века“**. Об этой силе духа, возвращенного Православием, говорит и католический патер Ваннутелли: **„Россия сильна не пушками, не многочис-**

ленными войсками и крепостями, основание ее могущества в одном – в Православии... Без сомнения, Россия призвана на восстановление во всем мире истинных принципов христианских“ („Историч. миссия России“, «Русское Дело», 1888 г., № 54).

Иноверный наблюдатель старорусской жизни, ревностный католик Яков Кобенцель (в XVI веке) так свидетельствует о благоговейной набожности русского человека: „Москвитяне больше нас преданы религиозным обрядам... Никогда не забывают они перед церковью или изображением креста, которое встречается на всяком распутьи, слезть с коня или выйти из саней, стать на колени, трижды оградить себя крестным знаменем, произнося молитву. Приближаясь к церкви, в которой совершалось богослужение, они никогда не проходили мимо, но вошедши, отслушивали обедню, становились на колени, клали земные поклоны. Не скрою истины, что богослужение их совершается с таким благоговением, что трудно изобразить словами. Во всех делах своих москвитяне чрезвычайно религиозны“ (Отзывы о Московии Я. Кобенцеля. Журн. Мин. Народного Просвещения, 1842 г., стр. 357).

Одним из самых видных и исконных проявлений русского благочестия является благоговейное отношение русского человека к иночеству, к монастырям и сохраняемым в последних святыням. Обилие уединенных обителей, скапливавших более или менее ценный и славный капитал святыни в виде святых мощей, чудотворных икон, прославленных подвижников, – породило на Руси особый и чрезвычайно распространенный подвиг религиозный – паломничество. Безбожие и на эту сторону святорусской жизни наложило свою когтистую лапу: разрушило монастыри и развеяло по музейным запасникам святыни – некуда стало паломничать. Но и в наши дни имеются истинно православные люди, которые берут в руки магнитофоны с богослужебными записями или катакомбного священника и бесстрашно совершают божественную службу в разрушенных храмах, своим присутствием воскрешая в них дух святости.

И когда православный русский народ стараются выставить кровожадным народом языческих времен, хорошо вспомнить, что русские, например, не сожгли и не разграбили Парижа. За реки русской крови, пролитой при защите многострадального Севастополя, Россия не воспользовалась удобным случаем отомстить французам и вконец разгромить их, примкнувши к Германии. Наконец, в турецкую войну, сражаясь, между прочим, с звероподобными башибузуками, которые своими жестокостями возбудили к себе самую крайнюю человеческую ненависть, русские солдаты, однако, не опозорили себя ни одним варварским делом: они не оскверняли религиозных, хотя бы и нехристианских алтарей, не бесчестили женщин, не избивали невинных младенцев. И в наши дни, когда русский православный народ умышленно губился поволжским голодом, когда латышские стрелки и интернациональные бригады безжалостно расстреливали лучших его представителей, когда в Ипатьевском доме совершалось величайшее злодеяние века, а православная иерархия и священство жестоко истязалось и уничтожалось богоборцами, когда ни в одном народе, как русском, и в наши дни укором смотрят в лицо мира тысячи разрушенных и оскверненных церквей и монастырей, **русский человек не упрекнул ни одного злодея в бедах святого отечества**, хотя мы слышим постоянный и настойчивый голос, обвиняющий русских в национальных бедах других народов. Мало того, можно привести многочисленных русских, которые будучи сами в тяжелых условиях, постоянно стараются помочь, и, где возможно, помогают другим народам выбраться из всеобщей беды, освободиться от навязанного всем безбожия и возродить самобытную культуру, социальную, экономическую и политическую независимость.

Конечно, это трагично для любого народа, что в наши дни Святой Лик Руси помутнен безбожной идеологией, насильственно навязанной русскому народу методами террора. Страх грубой силы породил отступничество, от которого так много „богоносцев“ смертно угорело в

духовном чаде, устремленном на Русь извне. Но нет сомнения в том, что пока русский народ будет прочно стоять на твердыне своего святого Православия и жить по заветам Ярослава Мудрого: „Аще будете ненавистно живуще, то погибнете сами и погубите землю отец своих“... до тех пор Россия всегда будет сильна и светла, физически и духовно, и какие бы ни встретились на ее историческом пути враги – нравственные, экономические, политические, – под сению Православия она не подвигнется во век!

*

Прочитав труд профессора А. А. Царевского, я нашел, что в свое 1000-летие от Крещения Русь вступает оплеванной, заушенной, в венце из терния, под улюлюканья и насмешки недругов, с разрушенной и огаженной святыней. Вступает на историческую Голгофу, укрепленную Православием, которое она свято хранит в чистоте и девственности, хранит в таежных лесах, пещерах и убогих Назаретах своих сел и деревень, в тех потаенных местах, которые благословлены первоиерархами Русской Зарубежной Церкви.

На свой последующий исторический путь она вступает ограбленной, плененной, но НЕПОКОРЕННОЙ, ибо ей надлежит явить народам очищенное в горниле испытаний ПРАВОСЛАВИЕ, – этого Моисея, приведшего русский народ через пустыню безбожия и приведшего его в торжество Православной Церкви Христовой!

СЛАВА ТЕБЕ, ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ!

Кирилл Питорин

К 70-летию изуверского злодеяния на Урале

Велик и неподделен был энтузиазм на родине (да и в Зарубежье) в связи с торжественным празднованием 1000-летия Крещения Руси. Впервые за многие годы – если не десятилетия – не только официально, публично-открыто было признано существование Русской Православной Церкви, но и засвидетельствовано ее присутствие в жизни общества – статьями в массовой прессе, телевизионными программами, выставками, не говоря уже о размахе и великолепии самих торжеств, с обилием духовенства православного и инославного. Нельзя, грешно этому не порадоваться – хочется думать, что легче будет дышать верующим, самой Церкви...

Но – с грустью и болью нельзя не видеть, что и на этот раз Московский Патриархат не смог обойтись без очередных компромиссов. Не будем говорить о выражении полной поддержки горбачевскому курсу – устами самого Патриарха, поддержке, подхваченной всеми архиереями: это неизбежно, и это даже далеко не худшее из изъятий верноподданничества, к каким принуждалась десятилетиями „пленная Церковь“ на родине. В конце концов,

Церкви были сделаны даже материально-существенные „уступки“ – такие, как возвращенные монастыри, включая Киево-Печерскую лавру и Оптинскую пустынь.

Болит душа о другом: получила Русская Православная Церковь эти знаки расположения сверху не в последнюю очередь ценою умолчания – о десятилетиях преследований, о десятках тысяч Новомучеников Российских, пострадавших в первые же дни, месяцы, годы того режима, который сейчас, в силу своих особых соображений, решил приостановить открытое наступление на религию, признать видимость „мирного сосуществования“ с нею.

Или „неуместным“ представилось московским иерархам „омрачать“ столь великое торжество воспоминанием о тех, верность коих до смерти и является одной из главных причин того, что Церковь наша, православная вера на русской земле не только устояла, „выжила“, но и дает сейчас новые всходы духовного возрождения?

Между тем в православных русских сердцах великий юбилей Крещения омрачен памятью страшного, изуверского злодеяния, совершенного 70 лет назад, на заре коммунистического режима, ныне будто бы „перестраивающегося“...

В сияющем венце 1000-летней Русской Церкви, слава которой – это прежде всего слава ее „святых и добродетельных мучеников“ – ярче всех горят лучи близких нам по времени Страстотерпцев. Прославленные формально пока только свободной Русской Зарубежной Церковью, Новомученики Российские свято чтутся на родине всеми верующими православными, – и в их числе злодейски убиенные члены Царской Семьи. Слава Церкви, наши небесные ходатаи и заступники, к которым можем мы возвышать молитвы о спасении душ наших и родины нашей России, – это вместе с тем и неутрачиваемая боль в душе, незаживающая рана в сердце, воскрешение в памяти чудовищного преступления, совершенного будто бы от имени народа, „от имени народа“ по сей день оправдываемого с беспримерной, бесстыдной наглостью, нагромождением фальсификаций на явную ложь.

Эта фальсификаторская работа началась буквально сразу же после совершенного преступления. Стремясь замести следы, убийцы из Областного Уральского Совета в официальном сообщении писали о „расстреле бывшего царя Николая Романова“, но утверждали, будто бы „семья Романовых, содержащаяся вместе с ним, эвакуирована из Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия“. Эту ложь повторил на заседании Президиума ЦИК его председатель Я. Свердлов, „один из отвратительнейших выродков XX века“ (по определению читателя из современной России – «Русское Возрождение» № 3, 1978), на котором висит до сих пор не снятое подозрение в главной ответственности за убийство Царской Семьи.

Из этого зерна лжи проросли – уже в наше время – обильные всходы: на Западе целая рать борзописцев до сих пор неутомимо „доказывает“ (подчас даже без элементарного знания русского языка), что Семья Государя, действительно, была спасена. Такова нашумевшая книга двух авантюристов, А. Саммерса и Т. Мангольда „Дело о Царе“, и другие подобные сочинения.

Впрочем, в Советском Союзе от этой версии довольно скоро отказались и, напротив, принялись всячески **оправдывать** это бессудное убийство, оправдывать нагло и вызывающе. Этим занят в своей книге „Двадцать три ступени вниз“ Марк Касвинов (Москва, 1979). В предисловии к этому, дышащему „классовой ненавистью“ сочинению некий В. Архипенко писал: „То, что Николая Романова судил и осудил на смерть Екатеринбургский Совет, – это лишь стечение обстоятельств. Намного раньше состоялся суд самого народа, который никогда не прощал и не мог простить царю пролитой им крови, преступлений, совершенных по его воле... Это и определило судьбу последнего самодержца в июле тревожного восемнадцатого года“.

Сам М. Касвинов, не вдаваясь в подробности, пишет об убийстве всех членов Царской Семьи: Государя Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы Александры Федоровны, Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Великих Княжен Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. Называет он и „четверо приближенных“. Это были доктор Е. С. Боткин, служители А. Демидова, И. Седнев и А. Трупп.

Автор „Двадцати трех ступеней вниз“ (для него это — не только ступени в подвал Ипатьевского дома, но и 23 года царствования Николая II) не может в этом месте обойтись без зловещей патетики: „Свершилось то, что на протяжении поколений, мучаясь и погибая, вызывали в своем воображении тысячи борцов за свободу России...“ Здесь речь идет уже не о „народе“, будто бы жаждавшем крови своего царя, но о неких „тысячах борцов“. Трудно представить себе, что все эти тысячи вызывали в своем воображении картину такого именно подлого „убийства из засады“ (как это было потом определено в материалах следствия). Впрочем известно, что **изуверы** и фанатики были и среди первых поколений „борцов“ против русских национально-религиозных устоев. Достаточно назвать убийцу Великого Князя Сергея Александровича — Каляева (увы, русского, хотя в этом кровавом деле были свои „инспираторы“, вроде Азефа). Есть и мрачная преемственность в поколениях этих профессиональных палачей: продолжатели „дела“, за которое „боролся“ Каляев, спустя тринадцать лет после убийства московского генерал-губернатора, в ночь на 18 июля 1918 года сбросили в шахту вдову Великого Князя: Великую Княгиню Елизавету Федоровну, вместе с другими жертвами, родственниками Царской Семьи. Упомянувший и об этом гнусном преступлении М. Касвинов приписывает его „группе рабочих“, пишет о „расстреле“ „в лесистой местности“. **Правда** об этих чудовищных злодеяниях столь страшна и неприглядна, что даже оправдывающие их избегают описывать душераздирающие сцены, какими они сопро-

вождались. И прикрывают словесным туманом, революционными фразами то жуткое, что совершалось тогда якобы от имени народа.

В более сдержанном „академическом“ тоне оправданием царубийства занимается и Генрих Иоффе в недавно вышедшем труде „Великий Октябрь и эпилог царизма“ (Москва, „Наука“, 1987). Любопытная рецензия на этот опус появилась в журнале «Новый мир» – в июльском номере за этот год. Статья Петра Черкасова в либеральном журнале, как и полагается, либеральна и „смела“ – в пределах дозволяемого ныне. Действительно, можно ли было вообразить себе еще недавно, чтобы в советском ежемесячнике появился такой вот пассаж – опровергающий „тезис“ М. Касвинова о „неизбежности и даже закономерности именно такого финала, который всем известен“: „Но ведь заодно с Кровавым и его злым ангелом Александрой Федоровной были расстреляны все их дети – четыре дочери и неизлечимо больной сын. В чем была их вина перед русским народом и революцией? Вспомним, что и английская, и еще более грозная Великая французская революция проявили естественную гуманность к детям казненных по приговору открытого суда монархов“.

Думается, что это „мнение“ – глухой отклик на высказанные неизмеримо сильнее и откровеннее **боль** и гражданское негодование Виктором Астафьевым, в его ответе другому советскому „историку“, Натану Эйдельману. Приводя строки стихотворения о прощении, написанные рукою „дочери нашего последнего царя“, современный русский писатель продолжает: „И она, и сестры ее, и братец, обезноживший окончательно в ссылке, и отец с матерью расстреляны... евреями и латышами, которых возглавлял отпетый, махровый сионист Юровский (см. «Вече», № 25). Однако этот вопрос – об **ответственности** за „расстрел“ **детей Царских** – не решается поднять автор рецензии в «Новом мире», при всем своем либерализме унизивший себя, как историка, употреблением плакатной клички „Кровавый“ по отношению к Государю-Мученику.

Нет, как видно, и новые либеральные времена не сулят много тем, кто хотел бы знать полную ПРАВДУ об убийстве Царской Семьи, о личности Царя, о русском самодержавии. Один из лидеров „перестройки“ в исторической науке, проф. Ю. Афанасьев – тот самый, который, не довольствуясь реабилитацией Бухарина, Зиновьева, Радека и прочих главарей **кровавой** революции, требует обеления Троцкого-Бронштейна, – ясно выразил свое отношение к русской монархии и последнему Самодержцу. Приглашая „приучать людей мыслить широкими и глубокими категориями, а не пробавляться анекдотами“, профессор Афанасьев в интервью газете «Советская культура» поучал: „Тогда бы стало ясно, что Николай II был не только недалеким, плохо или средне образованным человеком, но и вероломным, упрямым и жестоким, что отмечали близко знавшие его люди“ (21.3.1987).

Еще один „профессор“, доктор исторических наук Николай Ерошкин, выступил на страницах авангардно-перестроечного «Огонька» (сентябрь 1987) с хамской статьей „Дневник последнего самодержца“. Она ничуть не отличается – ни по тону, ни по содержанию – от первых послереволюционных пасквилей, авторы которых стремились „морально“ уничтожить Императора. Уже тогда были и „теоретики“, приучавшие „мыслить широкими и глубокими категориями“, – вроде эсера Мстиславского-Масловского, рассуждавшего о том, что мистика монархии в народном сознании может быть уничтожена... только унижением. Этим и занимаются вот уже 70 лет советские историки-смердяковы, сочинения которых к тому же нередко – по словам В. Астафьева – пропитаны „перекипевшим гноем еврейского 'высоко-интеллектуального' высокомерия“.

Оставляя в стороне ту жалкую карикатуру, какую Н. Ерошкин хочет выдать за „образ“ Николая II, приведем один только отрывок из его статьи, демонстрирующей научный **уровень** этого „доктора исторических наук“. Вот что он пишет на модную тему „распутиниады“: „При любом очередном наезде в Царское Село (в годы войны!)

царь спешил встретиться с Распутиным и проводил в беседах с ним целые вечера. Все его советы по вопросам управления государством воспринимались Николаем II как указания. Распутин и его окружение назначали и смещали министров, губернаторов, командующих фронтами, оказывали влияние на ход военных операций, на всю политику государства“. И такой-то вот **бред** преподносится миллионными тиражами советскому обывателю – в атмосфере „гласности“!

О каком **профессиональном достоинстве** историка может идти речь, когда имеешь дело с подобными **слепо-глухо-косноязычными** советскими „профессорами“? При том, что нельзя сказать, будто они страдают беспамятством: само их ремесло обязывает уметь ориентироваться в архивах; видимо, есть у них память на даты, имена. Но все это – при полном отсутствии **исторической памяти**, которая предполагает способность осмысления прошлого, не поддаваясь требованиям „злости дня“, и вообще **злобе**. Иначе „суд историка“ превращается в „суд Линча“: история становится пособием палача.

*

„Тайна личности Царя“ – так называется раздел замечательной работы архимандрита Константина (Зайцева) – профессионального историка, ставшего священником и богословом, и тем углубившим остроту исторического проникновения – „Памяти последнего Царя“. Мы отсылаем заинтересованного читателя к этому исследованию, неоднократно перепечатававшемуся в джорданвилльских изданиях: оно дает ключ к пониманию личности Государя и сущности русского самодержавия. **Тайна** эта до сих пор остается не раскрытой вполне; к величайшему сожалению, даже самые талантливые и добросовестные писатели и историки Зарубежья будто скованы широко распространившимися предубеждениями, они и близко не подступают к последним глубинам.

Наша Церковь дает единственно верный духовный

ориентир для постижения той эпохи и бесконечно оболганного Царя-Мученика. Вот что говорил о нем в слове перед богослужением об упокоении душ Царской Семьи епископ Иоанн Шанхайский.

„Царь-Мученик, – говорил Владыка (еще до прославления Русской Зарубежной Церковью Новомучеников Российских, и Царской Семьи в их числе) – более всего походил на Царя Алексея Михайловича, Тишайшего, но превосходил его своей непоколебимой кротостью. Его внутренний духовно-нравственный облик был так прекрасен, что даже большевики, желая его опорочить, могут упрекнуть его только в одном – в набожности.

Доподлинно известно, что он всегда начинал и заканчивал свой день молитвою. В великие церковные празднества он всегда приобщался, причем смешивался с народом, приобщившись к великому таинству, – как это было при открытии мощей преп. Серафима. Он был образцом целомудрия и главою образцовой православной семьи, воспитывал своих детей в готовности служить русскому народу и строго подготавливал их к предстоящему труду и подвигу. Он был глубоко внимателен к нуждам своих подданных и хотел ярко и близко представить себе их труд и служение... Говорят, что он был доверчив. Но великий Отец Церкви св. Григорий Богослов говорил, что, чем чище сердце, тем оно доверчивее.

Чем же воздала Россия своему чистому сердцем, любящему ее более своей жизни, Государю?

Она отплатила ему клеветой. Он был высокой нравственности – стали говорить о его порочности. Он любил Россию – стали говорить об измене. Даже люди близкие повторяли эту клевету, пересказывали друг другу слухи и разговоры. Под влиянием злого умысла одних, распущенности других, слухи ширились, и начала охладевать любовь к Царю. Потом стали говорить об опасности для России и обсуждать способы освобождения от этой несуществующей опасности и, во имя якобы спасения России, стали говорить, что надо отстранить Государя. Расчетливая злоба сделала свое дело: она отделила Рос-

сию от своего Царя, и в страшную минуту в Пскове он остался один... Страшная оставленность Царя... Но не он оставляет Россию, Россия оставляет его, любящего Россию больше своей жизни. Видя это и в надежде, что его самоумаление успокоит и смирит разбушевавшиеся страсти народные, Государь отрекается от престола... Наступило ликование тех, кто хотел низвержения Государя. Последовал арест Государя и дальнейшие события были неизбежны... Государь был убит, Россия молчала...

Великий грех – поднять руку на Помазанника Божия... Не остается и малейшая причастность к такому греху неотмщенной...“ (цит. по тексту: Архимандрит Константин. „Памяти последнего Царя“, Св.-Троицкий монастырь, Джорданвилль, 1963).

Так говорит Церковь – о грехе цареубийства, призывая всех виновных к самому глубокому покаянию, „без всякого самооправдания, без всяких оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого его начала“.

Чтобы приступить к столь полному покаянию, необходимо знать по возможности полно все обстоятельства дела. Необходимо воскрешение памяти о совершенном „злом деле“...

*

Расследование обстоятельств убийства Царской Семьи началось сразу же после вступления в Екатеринбург белых частей – не сумевших, увы, предотвратить преступления и упустивших его материальных исполнителей. Решающее значение имело следствие, проведенное со всей возможной тщательностью и скрупулезностью следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколовым, при содействии и под руководством генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, и при активной помощи тогдашнего корреспондента лондонской газеты «Таймс» Р. Вильтона. Результаты этого следствия были обобщены тремя названными лицами в книгах, которые и были до настоящего времени главными источниками

объективной информации о екатеринбургской трагедии.

Это, прежде всего, книга Николая Алексеевича Соколова (1882 - 1924) „Убийство Царской Семьи“, вышедшая в Берлине в 1925 году (тогда же вышли ее немецкое и французское издания) - наиболее известная, если и не часто цитируемая, то все же нередко упоминаемая даже советскими авторами.

Далее, два тома (предполагалось издать также и третий; неизвестно, был ли он написан) вышедшего в 1922 году во Владивостоке - тогда еще свободном от большевиков - труда Михаила Константиновича Дитерихса (1874 - 1937) „Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале“; книга, гораздо менее известная широкой публике и, можно сказать, усиленно замалчивавшаяся. Упомянутые выше Саммерс и Мангольд пишут в своем очерке: „Книга Дитерихса о Романовых, когда она вышла в 1922 году, была воспринята в Англии, как слишком ханжеская, чтобы быть опубликованной, и сегодня она звучит отчасти, как фашистский памфлет. Одержимый присутствием красных и евреев под кроватью белых, Дитерихс постарался всех их извлечь для общего обозрения...“ Эта характеристика достаточно объясняет, почему труд Дитерихса не был переведен ни на один иностранный язык; да и русский ее оригинал практически был недоступным для рядового читателя.

И, наконец, первая по времени, вышедшая в Лондоне уже в 1920 году книга Роберта Вильтона „Последние дни Романовых“ (по-английски; в следующем году появилось ее французское издание, несколько отличавшееся от оригинала). Эта книга - в переводе кн. А. М. Волконского - была опубликована в Берлине в 1923 году (издание книжного магазина „Град Китеж“). Хронологически она стала первым важнейшим **свидетельством** об убийстве Государя и Его Семьи.

Нужно ли говорить о том, что названные издания в настоящее время представляют собой исключительную редкость (хотя формально и неверно было бы называть их **библиографической редкостью**). Дело в том, что - при

отсутствии на Западе периодических тотальных „чисток“ библиотек, общественных и частных (как это делается в Советском Союзе даже и по сей день), – здесь к настоящему времени исчезли, или исчезают на глазах, целые категории книг определенного содержания: невозможно приобрести их даже у антиквара, нелегко получить их для пользования в библиотеках. Конечно, это не Советский Союз, и за „хранение“ подобной литературы лагерный срок вам не угрожает, но... „достать“ эти книги очень и очень нелегко. При всем том, что никак нельзя сказать, будто на них „нет спроса“ – скорее наоборот...

По счастью, усилиями тогдашнего Начальника Имперского Союза-Ордена Н. И. Сахновского, основавшего в Аргентине издательство „Русское Слово“, фототипическим способом были **переизданы** – в 1969 и 1978 годах книга Н. А. Соколова (к изданию 1978 года приложена „краткая сводка“ других показаний, опубликованных за истекшие к тому времени 60 лет со времени Екатеринбургского убийства, составленная Н. И. Сахновским), и в 1979-м – труд генерала М. К. Дитерихса. Имеется новейшее фототипическое воспроизведение и русского перевода книги Р. Вильтона.

Для „широкой“ публики названные книги и приведенные в них сведения долго оставались не только самыми авторитетными, но и единственными **документами** об убийстве Царской Семьи. Пока в 1976 году не появилась упомянутая выше широко разрекламированная книга Саммерса-Мангольда „Дело о Царе“, в которой авторы сообщили сенсационную новость: они обнаружили „семь томов оригинальных свидетельств, полицейских донесений и показаний под присягой, – все это по-русски – которые десятки лет исследователи считали утраченными“. Речь шла об экземпляре следственного дела, переданного Соколовым Р. Вильтону; после смерти последнего вдова продала его с аукциона, и в результате долгих странствий материалы попали в библиотеку Гарвардского университета, где их и „открыли“ предприимчивые журналисты.

Сенсация была явно раздутой. Один из немногих русских авторов (если не единственный вообще!), выступивших с заслуженной резкой критикой „тезиса“ Саммерса-Мангольда о „спасении“ членов Царской Семьи, проф. П. Пагануцци („Правда об убийстве Царской Семьи. Историко-критический очерк“. Джорданвилль, 1981; см. рецензию Е. Вагина, пожалуй, излишне придирчивую, на эту книгу в «Вече» № 4, 1982), по его словам, „смог воспользоваться оригинальными материалами „предварительного следствия“ в копиях ген. Дитерихса и полковника Роберта Вилтона“. „Копия Вилтона“, хранящаяся в Хаутонской библиотеке Гарвардского университета, и была главным источником сенсаций Саммерса-Мангольда. „Копия генерала М. К. Дитерихса“ – о которой впервые, кажется, упомянул проф. Пагануцци, – в настоящее время опубликована издательством „Посев“, к 70-летию изуверского злодеяния в Екатеринбургe.

*

Что можно сказать об этой тяжелой и дорогой книге в темно-бордовом переплете с вытесненным золотом названием: **Гибель Царской Семьи** — носящем издательскую марку „Посева“?

Издательство это нечасто обращается к подобным сюжетам. В 1973 году, правда, была им „переиздана“ – в урезанном виде – брошюра с текстом воспоминаний о последних месяцах жизни Царской Семьи Пьера Жильяра, воспитателя Цесаревича: „Трагическая судьба Русской Императорской фамилии“. В этом году, в июльском номере журнала «Посев» 70-летие убийства Царской Семьи было отмечено двусмысленной статейкой В. Сендерова (из Москвы!) „Монархисты в России“, – где автор восторгается „ребятами“, объединившимися в... „Союз Благоденствия“, и их „пестелевским радикализмом“. Простительно советским „ребятам“ не знать о царубийственных замыслах декабристов, и прежде всего Пестеля, – но редакция журнала могла сделать хотя бы примечание к

этой неуместной фразе!.. Печать известной двусмысленности, увы, лежит и на рецензируемом роскошном издании.

Издательство „Посев“ не нашло ничего лучшего, как воспроизвести во вступительной заметке обширный фрагмент статьи Г. Адамовича, написанной к 17 июля 1968 года. Этот свободно владевший пером и небесталанный литературный критик **здесь** – как-то странно косноязычен. „При наличии малейшего беспристрастия(?) человек любых политических взглядов, даже самых враждебных (?!), должен бы признать, что Государь всей душой желал добра России(!) и, по мере сил и разумения (!!), старался служить ей, как можно успешнее(!!!)“. И это писалось – к 50-летию изуверского злодеяния... Осторожничающий сверх меры автор „предвидит возможные возражения“: „в революционные годы погибли сотни тысяч неповинных людей, отчего же придавать особое значение тем, которые в конце концов **были такими же людьми, как и все другие.** Автору явно хочется угодить всем – „любимым политическим взглядам“ – и он „тонко“ и **скользко** продолжает: „Совершенно верно, царь, царица и их дети были такими же людьми, как и все другие. Но по самому положению своему, и без всякого с их стороны умысла (?!), они как бы символизировали народ и страну(!!)...“ И вот конец этой, по меньшей мере, неуместной в подобном издании длинной цитаты – увы, столь созвучной нашему бесхребетному времени: „Их убийство предстает именно как всенародный грех, а не как дело отдельных преступников“.

Следует ли принимать эту фразу об убийстве Царской Семьи – как „всенародном грехе“ – лейтмотивом всего издания?

Издательское вступление представляется, помимо всего прочего, бестактным и по отношению к памяти генерала М. К. Дитерихса – материалы которого и собраны в этом томе, и который дал в свое время их интерпретацию. Нам эта интерпретация представляется гораздо более убедительной и – пусть это не покажется парадоксальным –

более соответствующей „генеральной линии“ «Посева» в целом...

*

Автор скромно назвал свой труд – „мои записки“. В нем (часть I), действительно, излагается подчеркнуто личная интерпретация следственных материалов, но вместе с тем предлагается читателю и нечто большее...

Преступления такого типа не могут интерпретироваться изолированно от исторического контекста: сами документы следствия (за исключением, разве что, результатов чисто технических экспертиз) уже несут на себе отпечаток эпохи. В советских сочинениях на эту тему авторы – журналисты и историки – вполне сознательно, не боясь „широких обобщений“, вставляют „дело“ в раму „событий“ исторического плана, да так, что момент „личный“ вообще „смазывается“, отходит далеко на задний план, отступая перед расплывчатыми обобщающими фразами. При этом их толкование – нескрываясь тенденциозно: сугубо партийное, враждебно-пристрастное, намеренно фальсифицирующее события, клеветнически очерняющее жертвы. Такова книга М.Касвинова.

Идейно, генерал Дитерихс, естественно, стоит на противоположной стороне. И писал он, можно сказать, в самый разгар событий, когда неясен еще был окончательно их исход, оставалась надежда... Писал – не бесстрастное историческое исследование. Его книга – документ, показание, свидетельство той эпохи, к которой непосредственно относится злодеяние, и страшная память о нем еще так свежа!

М. К. Дитерихс выразил надежду, что „настанет время, когда воскресшая Россия и возрожденный искренним раскаянием русский человек скажут свое последнее и окончательное слово о трагически погибших бывших Государе Императоре и Государыне Императрице“. Он писал с горечью: „Русский человек до-революционного периода сказать этого слова не может: он жил и знал Царя и Царицу

не такими, какими Они были в действительности, а теми, которыми Их представляли ему кошмарная интрига, продажная печать и грязные слои общества, и своя извращенная и притупленная мысль. Общество России питалось сведениями о Царской Семье не от тех, кто знал или мог знать правду о Них, – а от тех, кто умышленно не хотел знать правды и умышленно искажал ее, если и знал“.

Принадлежа сам к этому „до-революционному“ поколению, генерал М. К. Дитерихс был, однако, одним из немногих, кто оказался способным подняться над подобными измышлениями и гнусностями, ему современными, дать **свидетельство** – пристрастное, но пристрастное из страстной любви к Истине и негодования против Лжи...

Однако при всей страстности тона и его невозможной для наших дней резкости, „сумбурности“, в какой его обвинил Н. Росс, нет и в помине – в этой композиционно очень стройно построенной книге. Составляющие I часть три главы продуманы до деталей, отличаются строгой точностью (порой – беспощадностью) формулировок, суровой определенностью общей концепции.

В первых двух главах, фактически, автор дает изложение содержания следственных материалов, извлекая из них самое важное для понимания того, **что и как** произошло в подвале Ипатьевского дома в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Глава третья – самая важная, ибо ведет читателя к „вдохновителям“ преступления и разбирает вопрос о „центральной власти и преступлении“.

Читатель этой книги должен постараться не преувеличивать степень „идеологической ослепленности“ ее автора. Уже в предисловии он говорит: „Не ради возбуждения чувства мести, не ради новых жертв, крови и проявления низкой, жестокой и бесцельной злобы хочу я поделиться мыслями, выводами и чувствами, вызванными во мне изучением и исследованием этой трагической страницы нашей истории. Пусть каждый, читая мои записки,

помнит великие слова Иисуса Христа: 'Милости хочу Я, а не жертвы'. И как величественна в царстве Православной Церкви была смерть Членов Царской Семьи, так пусть и народ русский, руководимый и просвещенный Божиим Промыслом, найдет в себе мудрость и величественное решение не для осуждения и мести, а для приведения к Великому Воскресению тех, кто были прямыми виновниками, вдохновителями и руководителями страшных преступлений против народа и заповедей Христа“.

Здесь и поставлен тот вопрос, который неизбежно возникает у всех, принимающих на себя нелегкий душевный труд – проследить по документам все этапы страшной Голгофы, пройденной Царской семьей: **кто** был „прямыми виновниками, вдохновителями и руководителями“ этих поистине **страшных** „преступлений против народа, веры и заповедей Христовых“.

*

В показаниях полковника Е. С. Кобылинского следствию есть такая фраза о Государе: „Не любил он евреев и называл их 'жидами'“ (*Гибель...*, с. 308; то же повторяет в своих показаниях его жена – К. М. Битнер, с. 422). О нелюбви русского Императора к евреям говорят и некоторые другие мемуаристы. На основании подобных фраз и родился миф об „антисемитизме“ Николая II.

С такою же легкостью объявили „антисемитом“ и генерала Дитерихса (например, Саммерс и Мангольд), за его настойчивые указания в тексте книги на **национальность** упоминаемых и описываемых персонажей. Генерал был убежден: „Эти детали исключительно важны для будущей истории советской власти в России, почему не отметить их – нельзя“.

Но позиция автора книги в „еврейском вопросе“ далеко не однозначна. Конечно, есть в книге Дитерихса и такие места, в которых нельзя не видеть как бы „зеркального“ отражения той ненависти, которая и по сей день клопочет в отзывах некоторых современных авторов о Государе и

Его Семье. Таково рассуждение об объективных трудностях следствия по делу об убийстве Членов Императорской Фамилии: "...Когда главарями являются изуверы и исчадия еврейского племени... или когда хотя бы один из них был причастен к преступлению против христианской веры, то истина не дается так легко людям. Здесь будет пущено в ход, для сокрытия следов и участия изувера, все: и ложь, и правда, и золото, и нож, и искусство, и провокация, и честь нации, и фальшивый патриотизм. Все можно, все допустимо, все оправдывается миром, если надо скрыть истинное лицо и цели Янкеля Юровского, Исаака Голощекина, Янкеля Свердлова, евреев Сафарова и Войкова, Бронштейна-Троцкого, Нахамкеса-Стеклова, Розенфельда-Каменева, Апфельбаума-Зиновьева, Гиммера-Суханова, Цедербаума-Мартова, Собельсона-Радека и многих прочих вершителей советской власти, исчадий несчастного Израильского племени..."

Обратим внимание – речь идет об **отдельных** „изуверах“. Здесь же М. К. Дитерихс твердо заявляет – и это заявление снимает с него обвинение в антисемитизме: „Огульное презрение и неприязнь ко всему еврейскому народу не позволяют пробудиться справедливому сознанию, что Бронштейны, Апфельбаумы, Собельсоны, Сафаровы, Голощекины, Юровские **не представляют собой всего еврейского народа**, а являются в действительности такими же исчадиями его, исключительными изуверами, **сынами Лжи**, как и российские Ленины, Красины, Парские, Черновы, Керенские, Белобородовы, Ермаковы, – в отношении русского народа“.

И дальше следует вывод, который обладает несомненной актуальностью: „Большой вред приносят те россияне, которые затемняют истинное ужасное зло, скрывающееся в мировом „еврейском вопросе“ под оболочкой навязываемых всему еврейскому народу ритуальных преступлений, фантастических сионских протоколов и различных учений сектантских изуверов. Это вызывает в христианских народах только огульное и искусственное озлобление, а озлобление родит преступную слепоту и

предоставляет **сынам Лжи** скрываться за спиной всего народа Израиля, беспрепятственно продолжая сеять зло и умножая тем своих сторонников в других народах мира“.

Нам кажется, что под этими словами и сегодня охотно подпишутся все те, кто хочет **жить не по лжи**, независимо от их национальности. Жаль, что издатели „Посева“ – которым, казалось бы, должна быть особенно близка такая позиция – не выбрали именно эти слова генерала М. К. Дитерихса в качестве предисловия к сборнику материалов о Гибели Царской Семьи...

Книга М. К. Дитерихса – со всеми ее тяжелыми словами, тяжелыми обвинениями – остается документом эпохи. Документы почти такой же ценности, как и опубликованные ныне следственные материалы. И как к показанию свидетеля, без которого будет неполон тяжелый том, изданный „Посевом“, следует отнести и к следующему заявлению генерала Дитерихса, которое могло бы стать **ключом** к пониманию Екатеринбургского убийства:

„Когда внешние и внутренние противники сдавили советскую власть со всех сторон, когда социалистические эксперименты Ленина грозили довести массы до наступления, – вся энергия, предприимчивость, дьявольская жестокость и безумное изуверство Бронштейна и его последователей сосредоточились не на сопротивлении надвигающейся политической и социальной опасности, а главным образом на борьбе с Богом, с Богом русского народа, с его верой, со всем тем, что в исторически воспитавшемся представлении русского народа было связано с его идеологическим мировоззрением – Божественностью происхождения, или Божественностью освящения: Помазанник Божий, Православная вера, Богохранимая Держава и Патриархальная Семья“.

*

Основное содержание книги „Гибель Царской Семьи“ – „протоколы“ следствия; однако, указывает Составитель,

„не было никакой возможности опубликовать все дело целиком; пришлось поэтому отобрать лишь часть из наличных сотен документов“.

Подобные декларации всегдастораживают – особенно тех, кто имеет опыт знакомства с **советскими** публикациями, всегда **намеренно** неполными, с тенденциозным подбором документов и нередко извращающими их подлинный смысл „научными“ комментариями. Факт публикации названных „протоколов“ в свободном мире, известным антикоммунистическим издательством, казалось бы, снимает и тень подозрения. И все же – чрезвычайная острота и, не побоимся сказать так, политическая злободневность вопроса о судьбе Царской Семьи (вопрос об ответственности и ответственных за это изуверское злодеяние) не могли не отразиться на **позиции** как Составителя, так и Издательства. Как мы видели, издательское предисловие уже порождает определенный скептицизм...

Итак, опубликовано не „все дело целиком“, но „лишь часть“. Снова встает вопрос: на кого преимущественно рассчитана эта „волюминозная“ публикация? Какого читателя она предполагает? Одно дело, если книгу берет в руки человек, знакомый с книгами Соколова, Дитерихса, Вильтона, в которых чисто документальная часть, даже если в изложениях, занимает львиную долю текста. Совсем другой подход будет у читателя, впервые знакомящегося с обстоятельствами „Гибели Царской Семьи“.*

Знаток предмета – скажем прямо – мало что нового найдет в рецензируемом томе, разве что **полные** тексты документов, приводившихся названными авторами в существенных выдержках, с опущением повторений и ненужных деталей.

Следует заметить, что – хотя Составитель и уверяет: „мы стремились избежать повторений и утомительных для читателя длинных перечней“ – с этой „задачей“

* Можно задаться вопросом – почему в качестве названия было выбрано это нейтральное слово „гибель“ вместо пусть „привевшегося“, но неизменно более точного и беспощадного: убийство.

(„одной из самых трудных (?!!) наших задач“) он справился явно неудовлетворительно. Непонятно, почему это представлено таким невероятно трудным делом, – ведь во многих публикуемых документах сделаны купюры, опущены, без всякой мотивировки, места обозначаемые отточием в прямых скобках. Не проще ли было бы – повторяющиеся длинные перечни просто опустить?

Материалы расследования Кирсты – который „посвятил всю свою энергию нахождению следов якобы спасенных Государыни и Великих Княжен“ – впервые публикуемые здесь в таком объеме, позволяют читателю составить более полную картину о всех направлениях следственной работы. Но, думается, принципиального значения они все же не имеют и, в каком-то смысле, только отвлекают внимание от главного направления следствия, ведущего к исполнителям преступления и идейно ответственным за него. Все же для „рельефности“, объективности, полноты публикуемой „части дела“ – они на своем месте.

Видимо, правильнее всего искать „новое“ – в интерпретации предлагаемых документов: ведь за истекшие годы накопилась целая библиотека о „Гибели Царской Семьи“, и находки, предположения, выводы и толкования множества исследователей и писателей (в значительной части – зарубежных) с необходимостью должны были бы найти отражение в комментариях Составителя, в его вступительной статье. К сожалению, Н. Росс ограничился самым минимумом „критической литературы“ и даже не дал достаточно полной **библиографии** – если не считать десятка известных названий. Предельно лаконично и его введение.

Несомненный интерес представляет, цитируемое во введении, частное письмо следователя Н. А. Соколова (июнь 1922 года), в котором он излагает „концепцию“, положенную в основу впоследствии изданной книги. К сожалению, цитируются лишь отрывки из этого письма, – так что это мешает связности изложения и затрудняет понимание (особенно о Распутине). Главное убеждение Соколова: „Вопрос о жизни или смерти членов Дома

Романовых был, конечно, решен задолго до смерти тех, кто погиб на территории России“.* Это, в сущности, и составляет главную проблему, выходящую, однако, за рамки следствия в узком смысле этого слова. Актуальность ее подтверждается тем, что и сейчас новейшие советские авторы (вышеупомянутые Г. Иоффе и П. Черкасов) всячески стремятся оспорить убеждение Соколова (а также Дитерихса и Вильтона) в прямой ответственности „центральной власти“ за убийство членов Дома Романовых, и прежде всего – Государя и Наследника Цесаревича.

Автор введения дает ряд сведений, которые о многом рассказывают читателю, впервые прикасающемуся к этой сложной и ответственной теме. Любопытна сама история материалов следственного дела. Как явствует из статьи, было всего три экземпляра „дела“, которое было решено вывезти в Европу (на совещании в начале 1919 года в Харбине, у генерала Дитерихса): один – с Соколовым; другой был поручен для хранения Р. Вильтону; и один остался у М. К. Дитерихса, который долго не соглашался на отправку всего „дела“ за границу.

Небезынтересно знать, что британское Министерство иностранных дел, к которому обратились за помощью через английского комиссара в Харбине, отказалось содействовать вывозу „дела“ в Европу. Чрезвычайно любопытна вся вообще история отношения Великобритании к судьбе членов Императорской Фамилии, восстановленная в свое время в деталях С. Мельгуновым („Судьба Императора Николая II после отречения“, Париж, 1951) и теперь

* Это же самое письмо – генералу Лохвитскому – цитирует и проф. П. Пагануцци на стр. 30 своего „историко-критического очерка“. И что же оказывается? В *своей* цитации Н. Росс *пропускает* (впрочем, „академически“ отметив это отточием в прямых скобках) весьма важную фразу Н. Соколова, в которой, собственно, и сконцентрирована самая суть его „концепции“. Вот эта выпущенная Н. Россом фраза: „*За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии*“. Подобный метод цитации – и речь-то ведь идет всего лишь о идеях Н. А. Соколова! – способен подорвать доверие к добросовестности Издательства „Посев“ и Составителя книги.

„ревизуемая“ отчасти А. И. Солженицыным в очередном „узле“ его „Красного колеса“. Помог французский генерал Жанен. Уже во Франции Великий Князь Николай Николаевич (тот самый, который в свое время телеграммой „коленипреклоненно молил“ Государя отречься от Престола...) не только отказался от следственных материалов, но даже не пожелал принять Жанена и Соколова...

Н. А. Соколов, отдавший всего себя продолжению следствия и работе над книгой, скончался при невыясненных обстоятельствах в 1924 году. Собранные им материалы (к семи первоначальным томам копии дела прибавилось еще семь) хранились у его вдовы. Н. Росс сообщает: „Теперь они, по непроверенным данным, находятся во владении частного лица – эмигранта из России и хранятся в одной из западноевропейских стран“.

Нельзя не отметить, что Составитель не удержался от „критического“ выпада против покойного автора знаменитой книги: „Способный следователь, Соколов оказался менее одаренным писателем. К тому же, его труд лишен строгого построения, и не всегда в нем достаточно точно воспроизведены следственные материалы... Увлекаясь своей концепцией, Соколов часто уводит читателя в зыбкую область широких и мало обоснованных построений...“ „Концепция“ же самого Н. Росса постепенно вырисовывается из подобных уничижительных отзывов о своих предшественниках, пропусков и умолчаний, двусмысленных характеристик убийц Царской Семьи.

Вот он излагает – весьма пространно для столь небольшого введения – содержание рассказа „о екатеринбургских событиях“ бывшего председателя Екатеринбургского Совета П. Быкова, следуя тексту редкого советского издания. В этом изложении есть такой фрагмент: „Организация расстрела и уничтожения трупов поручена была одному надежному революционеру... рабочему В.-Исетского завода – Петру Захаровичу Ермакову“.

Скрупулезно-придирчивый во множестве других мест, Составитель в данном случае не счел нужным хотя бы сделать примечание к этой заведомо провокационной

фразе, поддерживающей **ложную** версию преступления, – и это в самом начале книги, в статье, дающей читателю определенную ориентацию! Ложную ориентацию! Всеми приводимыми далее материалами следствия подтверждается совершенно недвусмысленно, что действительным „организатором“ убийства и всего последующего был – Янкель Юровский. Это он лично застрелил Государя и Наследника Цесаревича. Он занимался и „организацией“ „уничтожения трупов“.

В комментариях же Н. Росса находим осторожные и двусмысленные фразы о „Якове Михайловиче Юровском“: „Он сыграл решающую роль в судьбе (!) Царской семьи... лично участвовал (!) в расстреле (!) обитателей дома Ипатьева“. Будто цитируя Саммерса-Мангольда, „объективный“ Составитель внешне бесстрастно констатирует: „Став комендантом дома Ипатьева, Юровский прекратил творившиеся в нем безобразия. Внешне он относился корректно (!) к Царской семье, но при нем тюремный режим стал еще строже“.

Конечно, небезынтересно было бы „заглянуть в психологию“ этого – по определению В. Астафьева – „отпетого, махрового сиониста“. Тем более, что есть один момент, никак не проясненный Составителем. В своих комментариях Составитель отмечает, будто Юровский в Германии, куда уехал после 1905 года, „из иудейства перешел в лютеранство“. Между тем в показаниях трех свидетелей, приводимых в рецензируемом томе, утверждается, что Юровский „крещеный еврей“ (как можно понять – в православие). „По национальности он был еврей, перешедший в православие“ – показывает еще один свидетель, В. С. Котенов. Каким же **оборотнем** был на самом деле этот зловещий персонаж той кровавой эпохи?

Однако сейчас вопрос не в этом. Возвращаясь к изложению Н. Россом „версии“ П. Быкова, хотим выразить подозрение, что делаемый им акцент на Ермакове – как „организаторе расстрела и уничтожения трупов“ – вместо реального руководителя убийства Янкеля Юровского. – не случаен, а „концептуален“. Эта, условно говоря

„переакцентировка“ подкрепляется им и в Комментариях: „По свидетельству нашего знакомого, учившегося в Свердловске в 1940-х годах, Ермаков посещал местные школы и рассказывал ребятишкам, как он собственными руками убивал членов Царской семьи“. Но никакая пьяная похвальба несомненного изверга, пусть и русского по крови, как и никакие показания – со слов некоего „латыша“, будто Государь был сражен „пулей, выпущенной из револьвера Петром Ермаковым“, – не могут отменить установленного следствием факта, истинной роли Юровского.

Между тем такого рода „переакцентировки“, кажется, направлены во вполне определенную сторону. Полемизируя с „излишне широкими“ концепциями своих предшественников, обвинявшими главным образом „евреев“, „немцев“ и „латышей“ – Н. Росс, кажется, клонит в противоположную крайность. Он как будто задался целью подтвердить изложенный в издательском Предисловии „тезис“ о „всемирном грехе“, об ответственности **русского народа** в грехе Цареубийства.

Не может не остаться в памяти – или в подсознании? – читателя, даже бегло перелиставшего книгу, настойчивое повторение списков с почти исключительно русскими фамилиями: рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, в первое время составлявших охрану Ипатьевского дома. А известно, что весь почти этот состав был сменен накануне совершения злодеяния, и само злодеяние было совершено руками „не заводских, а приезжих“; „стреляли не красноармейцы, а какие-то главные, приехавшие из Совета“.

„Суперкритицизм“ Н. Росса весьма односторонен. Так, он предлагает читателю поверить его совершенно произвольным домыслам, будто известная „каббалистическая“ надпись в комнате, где было совершено убийство, „была начертана после осмотра комнаты Сергеевым (первым следователем, производившим первоначальный осмотр места преступления и „не заметившим“ этой надписи – К. П.), то есть после 14 августа 1918 года“. Это „соображе-

ние“ никак не доказано. Разве что для пущей убедительности Комментатор добавляет: „Скорее всего, она являлась „пробой пера“ человека, затем использовавшего подоконник для каких-либо(?) расчетов“.

Видимо, для Н. Росса и приведенная по-немецки строка из стихотворения Г. Гейне – на стене в этой же комнате: „В ту же самую ночь Валтасар был убит своими слугами“ – „проба пера“? Невинное развлечение какого-то „рабочего“ из числа „русской“ охраны?

Нельзя не заметить, что порицая „назойливые антинемецкие и антиеврейские рассуждения“ Р. Вильтона, Н. Росс охотно следует за этим автором в очень субъективной характеристике личностей Государя и Государыни.

Вообще же **позиция** автора введения и комментариев остается – таково наше впечатление – принципиально двусмысленной. Печать этой двусмысленности лежит на всем юбилейном издании.

Сама композиция книги такова, что в ней почти невозможно отделить главное от второстепенного, „протагонистов“ от „статистов“ – в массе **сырого** материала „тонут“ самые существенные, основополагающие показания и свидетельства.

Таким „сырым“ материалом предстают и повторяющиеся излишне часто перечни вещественных доказательств и результаты некоторых экспертиз (с почти комическим педантизмом замечаний, типа – „опускается описание исследования лопаты, описанной в пункте 'б' док. № 140...“).

Нельзя не признать, что при подготовке к печати материалов следствия по делу об убийстве Царской Семьи была проделана большая работа. Однако назвать это издание образцовым вряд ли возможно.

*

Нельзя не сказать еще об одной книге, вышедшей к 70-летию изуверских убийств на Урале членов Императорской Фамилии: **Любовь Миллер** любовно воссоздала

жизнеописание „Святой мученицы Российской Великой Княгини Елизаветы Федоровны“ (напечатанное в типографии „Посева“). Знаменательно само ее посвящение: „Эта книга выпускается в ознаменование 1000-летней годовщины Крещения Руси и посвящается всем гонимым и страждущим за веру Православную на нашей родине России“.

Книга Л. Миллер – не историческое исследование в строгом смысле слова, хотя автор использовала многочисленные архивные материалы, воспроизвела редкие фотографии, достаточно углубилась в ту эпоху. Отличительная особенность ее, столь редкая в наше время – совершенно особое, благоговейно-восторженное отношение к героине повествования. В книге нет житийного бесстрастия: в отличие от чисто церковного жанра „жития“ мы видим откровенное и трогательное любованье светлой личностью „великой женщиной любви“ (как наименовал В. К. Елизавету Федоровну игумен Серафим, автор брошюры „Мученики христианского долга“.) Автор книги любовно собирает малейшие черточки, раскрывающие полнее внутренний духовный облик этой удивительной женщины, о которой почти ничего не знают в современной России.

Поучителен жизненный и духовный путь Великой Княгини Елизаветы Федоровны – родной сестры Государыни Александры Федоровны, урожденной принцессы Гессен-Дармштадской. Протестантка с высокой религиозностью, выданная замуж в Россию, за брата Императора Александра III, Великого Князя Сергея Александровича – „глубоко-убежденного монархиста“, человека стойких православных убеждений. Первые ее впечатления: неприглядная бедность русской деревни и одухотворенная красота русского пейзажа. Но постепенно ее захватывает неизмеримо более сильное (знакомое многим иностранцам, прожившим в России). Вчерашняя принцесса-лютеранка начинает проникаться новым для нее жизне- и миропереживанием, ее неуклонно влечет к Православию: сказывается влияние любящего мужа, который, однако,

никак не принуждает ее. „Когда я видела, каким глубоко религиозным был Сергей, я чувствовала себя очень отставшей от него, и чем больше я узнавала его Церковь, тем больше я чувствовала, что он приближает меня к Богу“ – писала Елизавета Федоровна. Возможно, не стоило подчеркивать, будто она „стала совершенно русской по духу“, но православной Великая Княгиня стала образцовой, в пример и укор многим русским по рождению... Это не была формальная перемена исповедания, – но бесконечное углубление веры, которой суждено было подвергнуться тягчайшим испытаниям. Из всех членов Императорской Фамилии – Новомучеников Российских – Великой Княгине Елизавете Федоровне довелось **выстрадать**, быть может, более, чем другим. И поистине, то были **вольные** страдания, понесенные Мученицей без всякой с ее стороны вины: видимый знак особого Божьего избранничества.

Первое страшное испытание – чудовищное, изуверское убийство супруга, разорванного в куски (буквально!) бомбой террориста Каляева. И ответ верующей души на этот невыносимый, казалось бы, удар: исполненный бесконечного смирения и продиктованный неколебимой верою. Вначале – посещение убийцы в тюрьме и прощение его, поистине, не ведавшего, что он творил. Далее – подвиг жизни земной, памятник, который должен остаться в благодарной памяти русского народа: создание Марфо-Мариинской обители, очага христианского Милосердия, возвращенного тысячелетним опытом Восточной Церкви. Хотелось бы видеть этот раздел книги еще более расширенным и углубленным.

И, наконец, сияющая вершина ее Крестного пути, ее Голгофы – предсмертная агония в смрадной глубине заброшенной шахты, в окружении уже убитых или умирающих в невыносимых мучениях жертв очередного изуверского злодеяния.

Приводится свидетельство тех лет: „Бессердечное избиение и отвратительная работа по разрубке и уничтожению тел (Царской Семьи в Екатеринбурге)... ужасны

почти сверх всякого человеческого воображения, но даже и это бледнеет перед историей преступления в Алапаевске...”

И вспоминаются слова современного поэта, из нынешней России:

Как долго еще из земной глубины,
заваленной наспех, казалось, слышны
окрест песнопенья монахинь!

Быть может, вот так – перед тем как сгореть,
пропавшие, будем возможность иметь
вдруг преобразиться во прахе...

Поистине, – „...память их в род и род“ – как озаглавил свою книгу, посвященную Царственным Мученикам, прот. Александр Киселев.

В своем Юбилейном Послании Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви митрополит Виталий, напомя о „небывалом во всем мире гонении на Церковь Христову“ – одной из вершин коего и было убийство Царской Семьи, – говорит: „Тюрьмы, ссылки, лагеря и море крови стали третьей купелью русского народа. Но там, где Голгофа, там рядом и гроб Господень и Его Славное Воскресение. Вся Земля Русская окроплена слезами святых и кровью мучеников. Русская Земля – Святая Земля, и если бы имели духовные очи и смотрели бы на нашу Землю с небесного Свода, то Она представлялась бы нам излучающей Столпы Огненного Света от всего пространства ее лесов, полей, тундры, вечной мерзлоты, из сыпучих песков ее пустынь, из озер, рек и морей, от святых мощей знаемых и безымянных русских страстотерпцев. Эта величайшая слава Русской Церкви, которой дано будет, от лица всей вселенской Церкви Христовой, сказать последнее Слово Истины, Слово любви, прежде чем грянет великий конец всему. Так верили наши святые и праведники, так верим и мы все...”

А. Б. Б.

Русско-еврейские отношения: вчера, сегодня и предвидимое*

Цель настоящих заметок — сугубо политологическая. Заранее исключаются вопросы религиозные, мировоззренческие, жизнестроительные, хотя значение всех их огромно. Суть работы выражена в заголовке: в российской жизни нет ничего, пожалуй, более острого. Составитель этих скромных заметок делает попытку перекинуть мостик через пропасть, дело кажется безнадежным и очень опасным для начинающих. Автор, как нетрудно догадаться, — русский человек и русский патриот. Свой долг и ответственность перед русским народом, его историей и будущим понуждает его предать гласности эти несовершенные наброски — потому, в частности,

* Рукопись статьи получена из Москвы с припиской: „Для публикации в «Вече». Поставленные в ней вопросы, попытки их решения имеют не только остроактуальное значение, но открывают широкие возможности для непредвзятой, откровенной дискуссии по ним на страницах «Вече», к участию в которой призываются читатели альманаха. *Редакция.*

что будущее России после Чернобыля представляется в оттенках не самых благоприятных. У автора есть одна лишь просьба: отнестись к его заметкам сочувственно, сколь бы в них не обнаружилось слабостей и огрехов.

В этом, как кажется, должны быть заинтересованы все, кто ищет выхода из тупика не на путях насилия и мести.

Автор не может назвать своего имени по причинам, которые очевидны.

А. Б. Б.

Иногда полезно присмотреться к некоторым примелькавшимся явлениям. Как называется наша страна? Всякий, пожал плечами, ответит: СССР. Ясно, что аббревиатура не слишком-то благозвучна, но что делать: язык XX века засорен всякого рода аббревиатурами, большинство которых не более приятны, причем засорен не только русский язык. Если говорить о названиях стран, то вот самые известные: ФРГ и США. Внутри этих аббревиатур содержится четкое национально-географическое указание: Германия и Америка, в просторечии так эти страны называют сами народы и за границей. А у нас Союз Советских Социалистических Республик — что значит в национальном, географическом и историческом смысле? Ровным счетом ничего. Республик на свете великое множество, даже пиночетовская Чили так именуется. Социалистических республик тоже много и они весьма разнородны на всех континентах (кроме Австралии пока). Союзы бывают тоже всякие: например, Южно-Африканский. Выражение „советский“ применяется только к нашей стране, но теория и практика не отвергают того, что советский строй возможен, скажем, в Гренландии и Исландии, а если обе эти „советские республики“ начнут строить „социализм“ и объединятся в „союз“, то возникнет еще один „СССР“. В таком наименовании нет ничего, хоть отдаленно связан-

ного с Россией — ее историей и современностью (то же можно сказать в отношении грузин, или татар, или бурят, но не о них тут речь).

Герб каждого государства выражает национально-исторический символ. Таковы болгарские, британские и чешские львы, три шведских короны, германский или польский орел, турецкий полумесяц, японское восходящее солнце. Даже молодые, недавно созданные государства стремятся отразить в гербах свою историко-географическую суть: Ливан — кедр, Лаос — три слона и пагода, Судан — носорог, Коста-Рика — горы и море и т. д. Более четырех веков гербом России был двуглавый орел — древний символ Византии, откуда мы взяли православную веру, культуру и основы государственности, историческая связь тут очевидна и бесспорна. На груди орла помещался всадник с копьем, поражающий змея — древний герб Москвы, вокруг которой сложилось Русское государство, а вокруг — древние гербы Казанского, Астраханского, Сибирского, Таврического и других царств и княжеств, последовательно входивших в состав России. В итоге образовался государственный символ, давший четкий историко-географический образ страны.

В этой связи герб СССР производит впечатление довольно странное. Присмотримся: серп и молот на фоне земного шара, оплетенного колосьями, шар освещается снизу солнечными лучами, сверху пятиконечная звезда. Если бы от земной цивилизации для каких-нибудь инопланетян остались бы только гербы современных государств, возникло бы явное затруднение: к какой географической точке на Земле отнести герб СССР. В самом деле, колосовые растут везде, кроме арктических и антарктических зон, следовательно, серпами пользуются всюду, как и молотком — древнейшим хозяйственным инструментом. На изображении земного шара почти не видно территории, занимаемой нашей страной, закрытой серпом и молотом, а солнечные лучи — они ведь светят всем. Вверху герба СССР помещена пентограмма — красная пятиконечная звезда, такой знак имеется в очень многих гербах, но

его никогда не использовали в России (а также в царствах Казанских, Астраханских и прочих).

Аббревиатура „СССР“ и странноватый герб возникли в нашей стране в 1922 – 23 годах — примечательное и очень во многом откровенное время! Сейчас в либеральной интеллигенции принято ругать „революцию“, „советский строй“, „коммунизм“. Не вступая в спор по сути, отметим лишь одно важное обстоятельство: и „революция“, и „строй“ не падают с неба, а создаются вполне определенными людьми, чьи имена, происхождение и биографии могут быть изучены и оценены. Так кто же были те люди, которые возглавляли в России всевластные ЦК и ЧК, Коминтерн, Совнархоз, Наркомпрос, Женотдел, РАПП, Рабис, Вхутемас и Общество воинствующих безбожников? Кто они были: баскаки иноземного захватчика, марсиане, спустившиеся с неба?

И вот тут-то надо ответить на острый вопрос одним словом. Ясно, что всего многообразия явлений одним словом выразить невозможно, нелишне и вспомнить, что все в мире в руках Всевышнего, так, но ответ все же надо сделать, и объективный, не взирая на то, нравится он кому или нет: так вот, во главе ЧК, РАППа и воинствующих безбожников стояли в значительном представительстве евреи — русские, польские, венгерские, румынские, всякие прочие, даже американские. Составляли ли евреи во всех главнейших советских ипостасях большинство, даже в их руководстве? Трудно сказать при современном изучении исторических источников, поэтому не станем спешить с ответом. Предварительные размышления приводят к выводу, что нет, не составляли, даже если иметь в виду полукровок и лиц, женатых на еврейках (последних было очень много).

При обсуждении острого вопроса спорщикам порой следует отвлечься... так, на пустяки, как то делают воспитанные англичане за чаем или в пабе. Вот спорт. Коснемся спорта, сугубо нам всем знакомого, советского. Если состав сборных многонационального Советского Союза просчитать по национальной принадлежности, то

получится примечательная картина. Баскетбол: прибалты, занимающие ничтожное место в процентном отношении ко всему народу, составляют, оказывается, четверть-треть мест в сборной страны. Вольная борьба: народы Северного Кавказа, чья численность немного более прибалтов, чуть ли не половину. Тяжелая атлетика или стрельба: почти сплошь славяне. Лыжи — сплошь великороссы. Хоккей — великороссы с большими вкраплениями татар, прибалтов, украинцев, кое-кого еще. Данные тут объективные, их легко может проверить всякий. Что они означают? А никакой мистики, все объясняется психо-физическими свойствами каждой нации. Что ж делать, если Природа распорядилась так, что прибалты в среднем выше ростом, чем киргизы или армяне. Что резвость и быстрота движений у осетин или чеченцев выше, чем у русских или латышей. Что стрельба в цель требует крепких нервов, терпения и выдержки, что в изобилии есть у россиян. И что бегать на лыжах и играть в хоккей довольно трудно мальчикам из Средней Азии, Закавказья или с Украины. Все довольно просто, никому ничего обидного нет. Или вот подлинный „король спорта“ футбол: в пятидесятых – шестидесятых сборная состояла сплошь из славян с небольшим вкраплением грузин. Потом футбол расширился географически необычайно, и вот в сборной 80-х замелькали имена армянские, татарские, выходцев из Средней Азии и Прибалтики... да кого угодно! Что это значит? Только одно: футбол, как массовый спорт, стал всеобщим увлечением во всей многонациональной стране.

Из далекого от политики спорта можно сделать важный общественный вывод: если та или иная нация в любой социальной среде занимает место, превышающее ее долю в общем составе народа, то это означает, что данная нация имеет к данному занятию бóльшую способность, чем нации соседние.

Каков был характер „занятий“ в ЧК и Коминтерне, не стоит тут говорить: подробности неясны и скрыты, а общая нравственная характеристика понятна каждому.

Каково было долевое участие российских, венгерских, американских и всех прочих евреев в данных учреждениях? Составляли они десять, двадцать или – как говорят иные раздраженные люди – 95%? Сегодня никто этого точно не знает, хотя ясно любому объективному наблюдателю, что последняя выкладка очевидно предвзята. Ну, а если десять? Ведь евреев, насчитывалось тогда около 2,5% населения России, значит увеличение в четыре раза, то есть на 400%, это очень-очень много. Значит, евреи имели очевидную тягу к „пролетарской революции“, значит, в какой-то мере, власть в СССР – времен его образования, можно назвать еврейской. „В какой-то мере“ – это выражение хотелось бы подчеркнуть.

Кратко отвлечемся еще раз. В народном сознании внешние явления выражаются не с математической точностью, а образно. Веками французы считали, что их соседи немцы – сплошь блондины. Потом этим заинтересовались ученые, и обнаружилось, что в Германии блондинов не более 40%, то есть меньшинство населения. Что же, французы веками ошибались? Оказывается, нет: во Франции блондинов очень мало, поэтому сравнение цвета волос у жителей Берлина и Парижа приводило последних к неточно выраженному заключению, оно научно формулируется так: у немцев во много раз больше блондинов, чем у французов.

Для жителей Курска или Ярославля 20-30-х годов, где русские составляли подавляющее большинство населения, люди с еврейской внешностью сравнительно редко встречались на улице или в трамвае. Но когда тот же курянин или ярославец сворачивал с улицы в подъезд райкома, газетной редакции или – волей-неволей! – в ЧК-ГПУ, перед его взором относительное число лиц с еврейской внешностью увеличивалось многократно. Когда-нибудь это можно будет осветить с точными выкладками, ибо архивы сохранились, а пока выстроим два сходных обобщения: 1) все немцы блондины; 2) советская власть в первые два десятилетия еврейская. Степень достоверности подобных заключений зависит от точки

наблюдателя, но сама достоверность в обоих случаях как-то отразилась.

Если признать, что марксистский социализм и его политические атрибуты принесли благо русскому (грузинскому или тувинскому) народу, то стоит поблагодарить поколение евреев двадцатых годов за это. Если же наоборот, то... Сегодня, в послебрежневское время, когда разорение родной природы, упадок народной нравственности, глубочайшая бездуховность и прочие очевидные язвы стали, наконец, предметом осторожного гласного обсуждения, когда выход страны из тупика виден только в отказе от марксистских догм, то вопрос о положительном или отрицательном отношении к „Октябрю“ решается однозначно. Не будем уж вспоминать тут о гекатомбах „коллективизации“, про храм Христа Спасителя и про то, что вместо Толстого и Чехова у нас сделались „классиками“ Марков и Чаковский.

Вопрос об участии евреев в становлении советской власти вызывает странное взаимное раздражение. Большинство евреев от этого вопроса открещиваются или даже защищают деятелей Коминтерна, словно не замечая, что последним ставят себя в невыигрышное положение, — трудно вызвать сочувствие, хоть как-то объединяясь с кровавыми насильниками. В русской интеллигенции зачастую принято говорить о советской власти как о сугубо „еврейской“, что неверно — ни с фактической стороны, ни с нравственной. Отсутствие достоверных и объективных данных порождает тут множество сплетен и предвзятых толкований. Например, широко гуляют по рукам перепечатки из книг А. Дикого. Мало кто знает, что материал там взят из доклада Р. Гесса, на партайтаге нацистов в 1936 г. Объективность требует признать, что данные о евреях в тогдашней советской верхушке, выражаясь научным языком, „некорректны“, и дело даже не в многочисленных фактических ошибках, а прежде всего — в пристрастном подборе самих фактов. Популярность в русских кругах подобного апокрифа — убедительное доказательство того, к каким вредным последствиям приводит

замалчивание острой темы.

История русско-еврейских отношений коротка — в сущности, с начала прошлого века, но история эта очень драматична и чрезвычайно поучительна. Разработана она очень плохо. Дореволюционное исследование Ю. Гессена весьма солидно, однако не только устарело по материалу, но — главное — полностью лишено того, что на советском языке именуется „самокритикой“. Книга Ю. Ларина (Лурье) „Евреи и антисемитизм в СССР“, изданная в 20-х годах, заслуживает гораздо худшей оценки. С конца 60-х годов, со знаменитой книги Ю. Иванова „Осторожно: сионизм“ началась „антисионистская“ литература в СССР. Цена тем книгам в научном смысле невелика, но главное — они не просветляют тему, а нагнетают напряжение. Когда-то в русских кругах работы эти имели некоторый успех, теперь положение меняется. Вот, скажем, один из столпов „антисионизма“ Е. Евсеев: он и его коллеги обличали сионистов именно за неприятие Октября и „социализма“. Действительно, религиозные еврейские круги и российские сионисты марксистского социализма не приняли и отнеслись к нему с разной степенью враждебности. Вопрос очень важен и заслуживает разработки. Отметим тут настораживающий факт, — на какой путь подталкивали русское настроение профессиональные „борцы с сионизмом“? Тут следует задуматься.

Историю русско-еврейских отношений необходимо написать как можно скорее, историю объективную (последнее слово тут важнейшее). Пока эта история не написана, можно позволить себе лишь одно небольшое замечание. Сейчас в русских кругах говорят о евреях с раздражением, а раздражение, как известно, враг объективности. Долгие века евреи жили замкнуто, потом, в прошлом столетии, начали покидать свои гетто и вливаться в жизнь европейских народов. На Западе это происходило не гладко, вспомним „антисемитские партии“ в Австро-Венгрии, подобные движения в Германии и Франции, но все же там обошлось без насилий. В России, к сожалению, произошло обратное: в стране сложилось и долгие

годы существовало антиеврейское законодательство. Сегодня в русских кругах на этот счет можно услышать: „Черта оседлости, процентная норма в университетах? Ха-ха-ха, ведь не только статус беспаспортных колхозников, но и советский паспортный режим куда жесточе!“ Так, конечно, только такая правота поверхностна, а потому и не правота вовсе. Российский еврей начала века остро ощущал формальную несправедливость. Потому формальную, что и процентная норма не соблюдалась нигде, а черта оседлости была, действительно, куда мягче советской „прописки“. Да, но ведь российский еврей начала века понятия не имел о колхозах и всем прочем, включая газовые камеры, так что он не мог со всем этим свое положение сравнивать, а сравнение с Западом было явно не в пользу России.

Самое трудное здесь — память о еврейских погромах в России. Увы, так было. Написано по тому поводу горы всякой всячины, отмеченной с обеих сторон раздражением, злобой, истерией, но вот беда — ни одного спокойно-объективного исследования пока у нас неизвестно. Квинтэссенцией взаимного озлобления служит известная формула В. Розанова о погромах: „Спазмы животного, которого заели паразиты“. Обратим внимание на оценки: в одну сторону — „животные“, совершающие „спазмы“, то есть не управляемые даже по-животному действия, но с другой стороны — „паразиты“. Получается, что с обеих сторон — недостойные сочувствия твари. Выкладки в розановском духе не распутывали, а лишь затягивали ту же сложный узел.

Меж тем к событиям надо присмотреться хладнокровно. Самые известные погромы — Кишиневский (1903) и Белостокский (1905). Если продраться сквозь окаменелую пену взаимной злобы, то оказывается, что убитые имелись и с еврейской, и с христианской стороны (не русской, а именно христианской). Видимо, жертв среди евреев было больше или заметно больше (сомнительные источники тут противоречивы), но дело не в этом: и трагедия, и справедливость равно безразличны к арифме-

тике. И еще: в Кишиневе той поры жили в основном молдаване, украинцы, греки и пр., а собственно русские составляли незначительную часть христиан. Население тогдашнего Белостока поровну делилось на христиан и евреев, но среди христиан большинство принадлежало католикам (в основном полякам), а среди православных – белорусы и обрусевшие поляки. Великороссов там было немного. Конечно, это второстепенные, но во всяком случае бесспорные факты.

Объективная разработка болезненной той темы – главная ныне задача, но закончим пока так: для предреволюционного еврея газетно-листовочный гул о погромах создавал острую нервозность, что в любом случае не увеличивало его любви к России. Как ни толкуй, но в Германии и Франции той поры пух из еврейских перин не выпускали. Нам, русским, надо это признать, ничего страшного – не ссорятся же сегодня немцы и французы по поводу Лотарингии.

Не станем вдаваться в историю. Скажем лишь, что российское еврейство к 17-му году имело определенные основания быть недовольным имперским политическим устройством. Признав этот факт – а он неоспорим – легче разбирать дальнейшее и главнейшее в нашей теме.

Отсюда, с рубежа 1917/18 года начинается обыкновенно точка отсчета в отношениях самых сильных национальных общин в СССР – русской и еврейской. Остановимся тут для уточнений. То, что русские (великороссы) занимают ведущее положение, видно из последней переписи – 52,5%. Ну, а евреи? Генеральный секретарь Горбачев дал в недавнее время точнейшую справку: 0,69%. Итак, соотношение русских и евреев, разница чуть ли не в 80 раз – немыслимое несоответствие! Почему же мы сравниваем эти неравные общины по их влиянию? Из предвзятости? Нет, потому, что в реальной сути жизненных отношений обе общины у нас самые влиятельные, хотя влияют обе они разными способами.

Хладнокровно произведем вскрытие недавних покойников из московского морга. Два десятка лет столицей

огромной империи правили Гришин и Промыслов. Был еще Моссовет, избравший публично своего „мэра“ и партийного градоначальника — в состав президиума. Среди депутатов Моссовета насчитывалось весьма малое количество евреев. С точки зрения парламентской демократии получалось, что многочисленная и сильная еврейская община была представлена явно несправедливо: среди населения столицы евреев много больше пресловутых 0,69%, а кроме того — иное, так сказать, качество по социальному положению: научные сотрудники, а не конвейерные работяги, сценаристы и журналисты, а не бетонщики, режиссеры, а не актеры. Демократия — демократией, а все же общество меньше прислушивается к мнению бетонщика, чем модного литератора... Словом, при „выборах“ в столичный „парламент“ интересы еврейской общины с очевидностью ущемлялись, а значит тут есть основание употребить одно страшное слово — „антисемитизм“.

Так-то оно так, да вот в СССР московский „парламент“ (равно как смоленский, абхазский и сам Верховный) всегда почему-то голосует единодушно, так что не задерживаясь на итогах голосований, обнажим реальную суть вопроса. А суть в том, что супруги Гришина и Промылова еврейки (сейчас по Москве сплетничают, будто оба они тоже еврейского происхождения, но сплетни — есть сплетни). Скажем о бесспорном: все годы пребывания Промыслова на посту „мэра“, а правил он с марта 63 г. по январь 86 г., так вот, все это время, по правую руку от него сидел верный помощник тов. Шуб (как говорят, дальний родственник жены и друг самого „мэра“ с юных лет). Вся „деловая Москва“ прекрасно знала, что управляет судьбами столицы именно он, а не его шеф — хам, пьяница и дурак. К Шубу и шли деловые люди, с ним и решали вопросы. Какие и как решали, о том мы когда-нибудь узнаем. А пока вернемся к главной теме. В своеобразных условиях марксистского социализма не лучше ли, не выгоднее ли, для массовой еврейской общины иметь жену и помощника „мэра“ из числа

„своих“, нежели получить дополнительные места в Моссовете? Не стоит даже отвечать на такой вопрос, все тут всем ясно. Значит, появляется основание употребить другое страшное слово — „сионизм“.

Продолжать взаимный обмен политиканской матерщиной можно сколько угодно долго, пользы не случится никакой. Заметим лишь: оба словечка в советском лексиконе совершенно бессодержательны, — „сионисты“ Арбатов и Чаковский только под конвоем выедут в Израиль, а „антисемиты“ Лобанов и Солоухин обеспокоены прежде всего своими русскими и бедами, и болями. Еврейские дела их не интересуют, а лично оба они, как известно, никакой неприязни к евреям не испытывают. Оговорившись, попытаемся двинуться дальше.

В конце 60-х годов возникло, а к середине 80-х сложилось весьма широкое и влиятельное движение русской интеллигенции. Круг этот на Западе именуют „возрожденцами“ (в смысле возрождения русской культуры), а тут полуофициально обзывают „славянофилами“, „русофилами“ или даже словами „страшными“, отчасти они уже употреблялись выше. Не давая оценку движению и наиболее известным деятелям того круга, признаем все же, что не они распродавали сырую нефть, лес-кругляк и необработанные алмазы за товары для „Березки“, не по их советам отравили Байкал, сносили исторические центры городов, превратили Волгу и Днепр в болота, изгадили пространства Западной Сибири. Не они, а какие-то другие полезли зачем-то в Анголу и Эфиопию, бессмысленно вломились в Афганистан. Те, кто нашептывал советы в ухо бровастому полудурку, все эти Арбатовы, Замятины, Цукановы и прочие Иноземцевы-Агентовы, все они были происхождения отнюдь не вологодского. Но именно с их молчаливого благословения, а то и с прямой подачи обрушивали на головы „русофилов“ свои марксистские громы всесильные идеологи — Чаковский, Озеров, Суровцев и Оскотский (тоже все ведь не вологжане отнюдь). Словом, получилось так, что начавшееся русское возрождение встретило ожесточенный натиск не столько даже

от официально-партийных верхов, а именно из кругов советского привилегированного еврейства. Особенно это выявилося в эмиграции, где некоторые озлобленные люди договорились до таких пределов, что и вспоминать неприятно. По их осатанелым выкладкам получалось, что не Мардахай Маркс с Лафаргом и Либкнехтами, вместе с Троцким, Свердловым и Дзержинским, а сам русский народ и его культура породили колхозы, концлагеря и соцсоревнование. Впрочем, не станем задерживаться, данная тема подробно и объективно разобрана в самиздатской работе „Русофобия“.*

К чему может привести обострение русско-еврейских отношений, можно нарисовать следующую – к счастью, предположительную – картинку. Вот, скажем, завод Лихачева, его главный конвейер с многотысячными работягами – русскими, татарами, армянами... По заводскому радио им однажды в обеденный перерыв сообщат кое-что про окружение Гришина и Промыслова и свяжут это с известными всем москвичам неустройствами: перегруженный транспорт, очереди в полупустых магазинах, всеобщее воровство и издоимство. Что потом произойдет в зоне главного конвейера, не трудно предположить: пару бедных инженеров с еврейской внешностью... ну, обидят, скажем так.

Как следует нам, русским патриотам, отнестись к подобной весьма реальной возможности? Ответ бесспорен: резко отрицательно. Прежде всего, из соображений христианского человеколюбия (а для русских неверующих – из соображений гуманизма). Но есть и побочная причина, сугубо уже практическая. Подобное событие – не допусти его Господи! – резко обострило бы и без того излишнее взаимное раздражение и породило бы резкие меры мировой еврейской общины, влияние которой в

* Это обширное исследование, вскрывающее и анализирующее русофобию как советской „либеральной интеллигенции“, так и определенных западных кругов, переслана в нескольких экземплярах в 1987 г. на Запад. Она запрятана в сейфы некоторых официальных учреждения США и по известным соображениям не публикуется. *Ред.*

странах Запада исключительно велико. Не стоит и говорить даже, что такие вспышки злобы никаких вопросов не решают и решить не могут.

Кажется, в русско-еврейских отношениях не проглядывается ничего обнадеживающего. Но выход-то надо искать, не может человечество нравственно мириться с растущим злом, грозящим взрывом. Есть ли какие-нибудь пути для взаимопонимания, какие-либо половинчатые, частичные меры для снятия растущей напряженности? Не может быть, чтобы их не было! Не претендуя на решение, затронем несколько частных вопросов.

В математических уравнениях выявленные равные величины отбрасываются, в наших социальных построениях не отбросить ли оба „страшных“ слова? Не признать ли, что и русская, и еврейская общины, то есть большинство жителей страны и малочисленное, но очень влиятельное еврейство при существующем порядке вещей примерно одинаково обездолены? Квалифицированный слесарь вынужден жульничать, чтобы завести пиломатериалы на садовый участок, а кандидат наук — заискивать перед жуликами, чтобы добыть подфарники к „Жигулям“. Да, кандидат зарабатывает больше слесаря и жизненные перспективы у него лучше. Так, но разве честный кандидат не страдает от всевластия заскоружлых догм, от плохой гласности, неполных библиотек? И кто измерит уровень относительных неудобств? Если посмотреть вокруг с такой точки зрения, то острота вопроса несколько спадает, разве не так?

Отвлечемся на минуту. Автор настоящих заметок принадлежит к числу людей, которые могут о себе сказать распространенную присловку, бытующую среди интеллигенции: „У меня много знакомых евреев, поэтому ...“ и т. д. У автора заметок, действительно, много знакомых евреев, людей образованных и безусловно порядочных, с которыми из года в год ведутся содержательные и откровенные беседы. Однако в беседах этих, нередко переходящих, как положено, в ожесточенные споры, есть безусловное табу, которое с молчаливого и неоговорен-

ного согласия соблюдают обе стороны: русско-еврейские отношения. Автору заметок приходилось, и не раз, открыто беседовать с грузинскими, татарскими или иными националистами, разговоры были порой напряженными, с разной степенью взаимопонимания, но суть вопроса спорящими сторонами не только не затенялась — напротив, все стремились обнаружить скрытое и сокровенное. Русско-еврейский диалог сегодня по существу не ведется. Меж тем это ссора самых влиятельных общин великой страны, последствия могут быть очень и очень... Однако надо с объективной твердостью признать, что за последние годы положение здесь не только не улучшилось, но несомненно ухудшилось; взаимное раздражение, не получа разрядки, накапливается и густеет.

Рассмотрим далее только четыре болезненных вопроса русско-еврейских дел в Советском Союзе: о „еврейском засильи“, о „евреях с русскими фамилиями“, о полукровках и о роли евреев в создании „марксизма-ленинизма“. Вопросы эти очень жизненные и у всех на виду, но говорить о них вслух публично — значит нарушить жесточайшее табу с обеих сторон. Что ж, рискнем.

1. Советские евреи очень любят говорить о своем неравноправном положении, о притеснениях и даже „преследованиях“. О том же с подозрительным единодушием и настойчивостью вещают всякого рода „голоса“. Напротив, среди русских, украинцев и белорусов, как в народе, так и среди интеллигенции, глубоко бытует убеждение, что евреи в СССР — привилегированное сословие. Какие самые низкие из массовых профессий в нашей стране? Видимо, для мужчин — дорожно-строительные рабочие, а для женщин — посудомойки в общественном питании. Безусловно, что ни одного еврея среди сотен тысяч таких людей не отыскать. Зато мы наблюдаем обратную картину в научных учреждениях, в журналистике и искусстве, которые при советской системе являются престижными и доходными.

Отсюда можно сделать два противоположных вывода. Первый: евреи — наиболее одаренная нация, она законо

занимает выдающееся место в обществе. Так полагают многие евреи и некоторые неевреи тоже (какова доля тех и других — никто у нас не знает). Это опасная точка зрения, ибо она делит людей на высших и низших, а раз так, то низшие имеют право на борьбу. Признав же эту борьбу справедливой, можно зайти очень далеко в способах ее ведения, что уже не раз случалось в истории, и спазмы такого рода приносили человечеству один только вред. Другой вывод: евреи, пользуясь национальным кумовством, монополизируют науку и идеологию в корыстных целях. Вывод односторонний, ибо направлен на поверхность явления, исключая глубинную суть его. (Хотя думает так, видимо, большинство русских, но не только они: как считается, на Западной Украине и в Литве неприязнь к евреям гораздо сильнее, чем в коренной России).

Веками сложилось так, что еврейство оторвалось от земледельческого труда и, напротив, высоко ценило ученость и образование — как считают исследователи на Западе, выше ценило ученость, чем, например, итальянцы или французы. Почему так случилось, хорошо это или плохо — особый вопрос, но вопрос сугубо исторический, а на ход истории мы никак не можем повлиять. В практике же современной жизни наблюдаем примечательную бытовую разность: если в русской семье сын служит библиотекарем, получая несчастную сотню в месяц и без всяких приработков, он считается неудачником; напротив, даже в интеллигентной семье сын — квалифицированный рабочий (разумеется, в престижных областях труда) не считается изгоем среды. В еврейских семьях дело обстоит противоположным образом (разумеется, это грубая схема, но обоснована она на жизненных наблюдениях, с чем, безусловно, согласятся многие). Добавим еще: полуграмотные асфальтировщики и посудомойки есть порождение семей, разрушенных пьянством и сопутствующими обстоятельствами; хотя нет данных, но ясно, как дважды два, что евреи пьют и хулиганят на улицах меньше, чем русские.

Если так, а это безусловно так, то уже нащупывается какая-то основа для взаимопонимания. Начнем „от противного“: ясно, что ввести процентные ограничения для евреев в институтах (учебных и научных), а также направлять их на стройки и в шахты было бы явным насилием, которого в России будущего, как мы надеемся, случаться не должно. А по сути вопроса надо признать, что в еврейских семьях ориентация на высшее образование, а при получении его на ученую или культурную деятельность пока заметно сильнее, чем в семьях русских, татарских или молдаванских. Значит, не надо ни восхищаться, ни ужасаться повышенной долей евреев в этих областях. Разумеется, неприятное впечатление производят некоторые учреждения науки и культуры, где евреи превышают свою среднюю долю в десятки раз — примеры известны всем. Положение такое не может быть терпимым, но административные меры тут не только бессильны, но и вредны — по соображениям как принципиальным, так и практическим.

Средство борьбы с этим одно — гласность. Если бы опубликовать объективные и точные данные о национальном составе таких влиятельных учреждений как редакция «Литературной газеты» или Института США и Канады, то это вызвало бы возмущение общественности, такой способ есть лучшее врачевание социальных недугов. Можно полагать, что в таком процессе заинтересованы обе стороны. Скажем, в Ленинградской писательской организации евреи („по паспорту“, а не как иначе!) составляют половину членов; вряд ли еврейская община может гордиться подобным достижением, ибо в бывшей столице мало-мальски талантливых писателей раз-два и обчелся, а все прочие (русские ли, евреи) — откровенные прихлебатели „соцреализма“, ясно, что такое положение при объективном его рассмотрении только порочит еврейство в целом.

2. Темноватый гешефтмахер Сырокомский, возглавлявший в 70-х годах «Литературную газету», шутливо призывал своих присных: „Давайте мне евреев с русскими

фамилиями!“ Вопрос об именах и псевдонимах стоит очень остро в кругах российской интеллигенции (среди простого народа он не существует лишь при полном отсутствии тут гласности). Как-то автор этих заметок на одном собрании, куда сходятся самые разные люди, был представлен солидному, приятной внешности человеку, тот назвался: Даль Орлов. Ну, как было не узнать известного всей стране человека — кинокритика, редактора популярного журнала «Советский экран», ведущего телепередачу с многомиллионной аудиторией „Кинопанорама“. Состоялся, как всегда в таких случаях, обмен пустоватыми репликами, и я, чтобы проявить подчеркнутый интерес к случайному собеседнику, спросил: „А что, вас назвали в честь известного филолога?“ Воспитанный собеседник проявил некоторую нервозность и ответил уклончиво. Исчерпав пустой разговорчик, мы раскланялись, наш общий знакомый зашептал мне на ухо: „О чем ты спросил? Мы с ним выросли в одном местечке, настоящее его имя Гедали Магазинер“...

Давно в этом вопросе назрела необходимость гласности. Если „Орлов“ был бы прорабом на стройке или астрономом Крымской обсерватории, — пожалуйста, но он выступает перед множеством читателей и зрителей как „русский“. И какой-нибудь узбек или латыш, тыча в его сторону, могут сказать: „Какие дураки и пошляки эти русские!“ Право же, у нас, русских, достаточно своих собственных грехов и слабостей, чтобы взваливать на свои переобремененные плечи халтуру выходцев из еврейских местечек. С другой стороны, почему честные и порядочные евреи должны волей-неволей нести родовую ответственность за дельцов, укрывающихся под русскими (или какими угодно другими) кличками?

У многих евреев на вопрос о псевдонимах существует привычный ответ: они вынуждены скрываться вследствие государственного антисемитизма, вот если бы не было, тогда... Любопытно. В идеократической стране на верхние посты идеологии допускаются люди разнообразные, но в любом случае — проверенные. Должности „Орлова“ по

советским правилам — это номенклатура Секретариата ЦК. Перед утверждением все необходимые бумаги кандидата на такую должность проходят через множество кабинетов, где украшаются соответствующими визами. Так вот: те, кто разрешительные визы ставил, они-то все прекрасно знали, каково истинное наименование „Орлова“, но его на важный пост согласно пропустили. Если таковое называется „государственным антисемитизмом“, то что же есть тогда „государственный сионизм“? Опять против воли пришлось употребить „страшные“ слова...

Соккрытие еврейских имен под русскими кличками обильно повелось в России не со вчерашнего дня — почему, зачем? Пусть на такой вопрос ответят объективные историки. Как бы то ни было, но с этим делом надо кончать — опять же в интересах обеих сторон. Ну, право же, для образованной и богатой еврейской общины неловко прятать под личиной „русских“ такие убожества соцреализма как „Алексин“, „Ананьев“, „Полевой“, „Рождественский“, специалист по Блоку „Орлов“ (Шапиро), который в изданиях дневников поэта сделал десятки соответствующих выбросок, и т. д. и т. д. Так ли уж талантлив сценический певец Октября „Шатров“, достаточна ли грамотность „академиков Арбатова и Примакова“, велики ли способности у пошляка „Иванова“ из „Вокруг смеха“?

Подобное мелкое притворство не лучших, надо полагать, представителей еврейства явно не выгодно еврейской общине в целом. Ведь все люди серьезные знают не только подлинные имена „Алексиных“ и „Шатровых“, но и подлинную цену им, а евреи, как ни один, пожалуй, народ в мире привыкли прислушиваться к голосу именно „мудрых“, а не „масс“. Те советские евреи, которые носят свои природные фамилии, чувствуют себя гораздо свободнее и проще, им не надо постоянно фальшивить и лукавить. Да и русский человек куда откровеннее общается с условным „Рабиновичем“, нежели с псевдонимом, который теперь никого не может обмануть. Словом, „сокрытие псевдонимов“ есть ныне дело вредное — для

обеих сторон.

Не так давно в книге из жанра „научной фантастики“ один советский автор (он не уехал „за бугор“, потому имя его не называется) вывел в некой сугубо потусторонней стране положительного героя по имени Намребуг и отрицательного дурака по имени Вородис. Несложная расшифровка имен (путем прочтения их справа налево) означает: хороший Губерман и плохой Сидоров. Не имея возможности открыто высказать свои соображения по поводу русско-еврейских отношений, автор пошел на плохенький камуфляж — бранить ли за это или посочувствовать? Обмен подобными шпильками с обеих сторон в подцензурной печати ничего положительного не приносит, напротив, только накапливает раздражение.

В многонациональной стране, где проживает многочисленное и влиятельное еврейство, Гедали Магазинер имеет полное право выступать толкователем советского кино. Если он будет говорить серьезные и интересные вещи, люди скажут: „Какие умные эти евреи!“ Если же он будет нести пошлость и лживую официальщину, пусть отвечает сам, а не отсутствующий в природе „русский“ по кличке Даль Орлов.

В Тель-Авиве издается журнал «22», орган недавних выходцев из России. В справках об авторах, помещаемых в конце каждого номера, нередко имеется примечательная пометка, даваемая в скобках вслед за именем: „псевдоним“. Очень разумно, издатели явно учли тут печальный советский опыт! Да, есть право любого печатающегося человека избрать себе любую подпись, но ведь и читателям тоже не безразлично, выступает ли автор под своим именем или по каким-либо причинам скрыл его. Странно было бы наблюдать по телевизору выступление человека в маске... Литературные клички — порождение далекого прошлого, когда сочинительство было делом узкого круга, а „средства массовой информации“ еще не сложились. Да и слишком уж много накопилось в истории случаев, когда с помощью фальшивых личин дурачили людей. Вот и следовало бы в советских оглавлениях

оговариваться: „Алексин (псевдоним)“, „Ананьев (псевдоним)“, „Арбатов (псевдоним)“... И так далее, до конца алфавита.

3. В последние годы русский язык обогатился двумя неологизмами: „полтинник“ и „женатик“. Речь идет, само собой, о русско-еврейских полукровках и лицах, состоящих в браке с евреями. Полукровок ныне очень много, они нарождаются в России вновь и вновь, ибо как бы ни были ныне отравлены русско-еврейские отношения, ассимилированные евреи, которые составляют преобладающее большинство общины, постоянно вступают в брак с русскими. Сколько ныне полукровок, не знает никто, а по примерным прикидкам серьезного издания „Евреи в СССР“ их миллион или около того. Судьба этой немалочисленной прослойки печальна и заслуживает внимания. Когда-то раньше полукровки целиком уходили в еврейскую сторону, потом появилось иное. Во-первых, началось то самое „русское возрождение“, рост сочувственного интереса к русской культуре, что не могло не сказаться на всей еврейской общине в России, а в особенности — на умонастроениях „полтинников“. Во-вторых, многие дети смешанных браков, оказавшись в Израиле, стали там объектом полуофициальной дискриминации, что тоже не могло пройти бесследно для сознания российских полукровок. Теперь самоопределение детей от русско-еврейских браков решается весьма разнообразно.

Судьба полукровок вызывает ревнивое внимание с обеих сторон, каждая сторона претендует на преобладание. Видимо, это глубоко безнравственная установка, порожденная мелочным и пошлым „патриотизмом“. Знакомый всем тип „полтинника“, который раздражается проклятиями в одну из своих половинок, заслуживает только презрения. Каков же выход?

Один знакомый еврей, женатый на русской, доверительно рассказал, что его взрослая дочь равно чит еврейское и русское. Конечно, тысячелетние традиции Израиля и России ничего подобного не знали. Ни в коем случае не станем вдаваться в догматические толкования,

вспомним лишь ясную народную подсказку: не нашим умом, а Божьим судом... Почему же ту несчастную девушку надо рубить пополам или душу ее тащить в одну сторону, если цельности она в себе не ощущает? И ведь не одна она такая сегодня в России! Видимо, в духовном смысле какой-то исход тут нащупывается. Речь идет не о пошлом „иудо-христианстве“, а о замене обостренной вражды хоть каким-то взаимопониманием, пусть для начала сугубо рациональным. То, что существует миллион людей русско-еврейской крови в рамках русской культуры, это факт человеческой жизни, который заслуживает сочувственного отношения. Пусть они будут одновременно и русскими, и евреями, кто может сказать, какие тут позже произрастут плоды?

Признание общины „полтинников“ как некоего социума, а не признать это безнравственно, бросает какой-то новый отсвет на решение русско-еврейской затянувшейся ссоры посредством отъезда „за бугор“. Что ж, „развод“ русских и евреев с последующим „разменом площади“, теоретически говоря, облегчил бы положение. Так, но вот беда: на практике это не только невозможно, но и вредно. Подобные попытки, проводимые „под давлением“, привели бы лишь к вспышкам взаимного и бессмысленного насилия. Никаких массовых высылки по социальному или национальному признаку более быть не должно! Тут следовало бы помнить не столько о судьбах несчастных жертв депортаций, сколько о судьбе самих исполнителей: мало кому из них довелось умереть в собственной постели... И характерно, что на этот путь подталкивают и евреев, и коренное население именно экстремисты обеих сторон, да, обеих. О том, что евреев нельзя насильно выпихивать из России „куда-то“, сейчас понимают многие, хотя надо признать, что среди русского народа, в его разных слоях, такая радикальная идея бродит. Но вот полукровки: при всеобщем „разводе“ куда их-то девать? Некуда. Значит, тысячи и тысячи людей русско-еврейского происхождения становятся общественным фактором, который объективно зовет всех к утишению страстей.

4. Споры о том, насколько „марксизм-ленинизм“ является еврейским по своему происхождению, совсем еще недавно вызывали потрясения, доходившие чуть ли не до поножовщины. Право же, вопрос того не стоит. Коротко выскажем суждение, весьма неожиданное для многих, но тут следовало бы не ужасаться, а спокойно подумать — для общей пользы. Во времена еврейской эмансипации в Западной Европе в прошлом веке способные и деловые евреи породили финансистов, ученых, деятелей культуры и т. п., а вот неудачники, озлобленные на весь мир, потянулись за Марксом и Лассалем, которые сами были типичными озлобленными неудачниками. Основа „учения“ Маркса есть ненависть, опрокинутая на весь мир, — в том числе и на еврейство, из недр которого он, внук раввина, вышел: его суждения о евреях таковы, что иной антисемит (без кавычек) и цитировать их постесняется. Говорить о „ленинизме“ как о теории, можно лишь весьма условно, зато ленинская практика — о, это мощное социальное явление, не потерявшее своей притягательной силы по сей день. Участие евреев в создании „ленинской России“ очень велико, это ясно, но никто еще, кажется, не задумался над вопросом: а какие это были евреи?

Вопрос очень серьезный. Разбирая состав партийно-чекистской верхушки в ленинские времена, обнаруживаем: среди множества евреев, действовавших там, не нашлось ни одного человека, бывшего до Октября раввином, крупным финансистом, приват-доцентом или процветающим медиком. А ведь в дореволюционной России таких людей насчитывались тысячи и тысячи. Значит, не влекла их идея „коммунизма“? Видимо, так. Более того: удалось найти в ленинских верхах лишь полдюжины лиц, получивших до революции нормальное университетское образование. (Слово „нормальное“ означает вот что: сам Ленин имел университетский диплом, но он был „экстерном“, а это на современном языке то же, как разница между „окончанием школы“ и „окончанием вечерней школы“ — факт немаловажный).

Итак, в разрушительных оргиях „марксистов-ленинцев“ участвовало не еврейство в целом, а — просим прощения! — отбросы еврейства, евреи-неудачники, которые в своих неустройствах винили все человечество (включая, разумеется, собственных сородичей). Именно они, полуобразованные еврейские молодые люди, порвавшие с тысячелетней традицией предков, именно они, в сущности, дали Гитлеру материал для антисемитской (опять без кавычек) пропаганды. Именно они, в кожаных своих куртках, опоясанных маузерами, разогнали синагоги и молитвенные дома, ссылали, а потом и казнили российских сионистов. По высшим партийным указаниям, закрытия синагог должны были производиться в 20-х и 30-х годах исключительно евреями — комсомольцами, партийцами, чекистами.

Сказанного довольно. Так стоит ли сегодняшней еврейской общине переживать за судьбу своих бывших отбросов, которые понесли заслуженную кару?

На исходе XX века еврейство всюду и везде полностью порвало с „мировым коммунистическим движением“. (Смешным исключением является только Итальянская компартия, где в руководстве много евреев, именно в той стране, где их почти нет, прямо чудо какое-то!). Среди современной российской интеллигенции (любых оттенков) влияние „марксизма-ленинизма“ равно нулю, а точнее — отрицательной величине. А раз так, если не сводить сегодня старые счета и если признать, что Русскому возрождению нет никакой корысти в „социалистической“ Никарагуа, „демократическом“ Афганистане и „прогрессивном“ Каддафи, то... Во всяком случае, тут есть о чем задуматься!

Film 20

*

Попробуем теперь сделать выводы, имея целью лишь одно: возможное улучшение русско-еврейских отношений.

Герб „СССР“ не содержит ничего русского, но ведь и ничего еврейского тоже: меж тем евреев в нашей стране в середине 20-х годов проживало около трех миллионов — это больше, чем армян и таджиков вместе взятых (обе нации имели уже тогда свои “республики”). Герб СССР — выразительный символ жестокой космополитической силы, имя которой „марксизм-ленинизм“.

Издавна в истории человечества бродили разрушительные, проникнутые ненавистью к миру идеи, вокруг которых объединялись группы людей — малые, а порой и очень большие: то были различные секты, религии, учения и т. п. Образцы их известны всякому. В христианстве, например, это павликиане, хлысты, скопцы и проч. Девятнадцатый век породил марксизм — отвлеченную теорию построения рая на земле насильственными способами. Двадцатый век подарил миру ленинизм, создав ленинско-сталинский концлагерь в объеме чуть ли не пол земного шара. Признав эту идеологию отражением мирового зла, легко проследить, как она порождает распад и разрушение всюду, где проявляется, — неважно, в Магадане или на Мадагаскаре.

Эта сила, как и все силы такого рода, привлекает честолюбцев, но не только их. Идея о творении добра с помощью насилия не нова, она издавна привлекала множество идеалистов, и немало находилось среди них людей лично честных и положительных. Скажем, среди „ленинской гвардии“ такие, как Троцкий, Свердлов, Дзержинский или Сталин были не только жуткими честолюбцами, но и с явными склонностями к садизму. А вот Рыков и Каменев, как свидетельствуют источники, были людьми относительно мягкими и ни в каких кровавых оргиях не замешаны. Ну, а если вспомнить бесчисленных „комиссаров“, то среди них фанатиков-идеалистов было хоть пруд пруди — русских, еврейских, латышских, всяких. Они пачками убивали людей, загоняли их в колхозы и концлагеря, но множество из них так и умерло с убеждением, что насильничали они во благо человечества, а не собственных интересов ради.

Всякий человек, прикасаясь к сатанинской идее, творит зло независимо от того, добрый он от рождения или негодяй. Если так, а оно, видимо, так, то выглядит несколько иначе оценка деятельности евреев в Русской революции. Разрушен Храм Христа Спасителя в центре русской столицы? Но ведь и богатейшая когда-то одесская синагога в ту же примерно пору превратилась в склад архивных бумаг. К чему тут счеты и пересчеты, важен итог.

Вспомним недавнее прошлое, ставшее уже историей. С конца 60-х русские интеллигенты, собравшиеся вокруг «Молодой гвардии», начали острую борьбу в защиту памятников истории и культуры. В кругах тогдашней либеральной еврейской интеллигенции, духовным штабом которой был «Новый мир», это встречало в ответ лишь язвительные шпильки. Почему, разве окружение Твардовского состояло из людей бескультурных? Нет, разумеется, просто тут действовало распространенное правило, когда „партийные“ интересы ставятся выше истины. В ту же пору академик Сахаров вел мужественную борьбу за права преследуемых у нас людей. В кругах «Молодой гвардии» это вызывало хохот и насмешки: ах, как многим из них впоследствии мог бы оказаться полезен Сахаров, находишь он в силе! Сейчас-то ошибки очевидны, но задумаемся: не повторяются ли они нынче в ином облики?

Революционная лихорадка сотрясала Россию очень долго, в сущности до середины 50-х годов. С каким итогом пришли к этому рубежу мы, русские, в общем-то известно. Ну, а евреи? Многочисленное российское еврейство почти полностью потеряло свою веру, культуру, язык, национальную самобытность и полуассимилировалось. Именно „полу“, ибо утратив все свое природное и родовое, российские евреи оказались еще и объектом неодобрительного отношения окружающих их народов. Трагический итог.

К сожалению, ужасающие потери русского и еврейского народов (о других мы тут не говорим), потери их от „марксизма-ленинизма“, как от сатанинской силы, плохо

еще осознаются. Но именно тут-то видится нам путь к просветлению и смягчению! Не следует тыкать друг в друга прошлыми грехами. Борцы с „сионизмом“ очень любят ссылаться на разные там не очень симпатичные положения из Талмуда. Не касаясь точности цитирования или перевода, поставим вопрос иначе: разве нынешний папа, деятель, говорят, очень гуманный, несет ответственность за погромы времен крестовых походов? Мало ли что у кого случилось в прошлом! В политике нет прошлого, есть лишь настоящее и будущее, а мы решаем здесь вопросы сугубо политические.

Новое руководство Советского Союза — люди, как кажется, доброжелательные и лично честные, но они все так же корезжат реки и губят землю. Почему же? А потому, оказывается, что озлобленный выкрест из города Трира пробормотал когда-то, будто при „социализме“ исчезнет абсолютная рента на землю. Да, так вот и записано в марксистском „учении“, ничего не поделаешь. Две трети века вдалбливалось в умы и сердца людей это самое „учение“. Как бы ни была порой грубовата и отталкивающе пошла пропаганда „учения“, оно не могло не воздействовать на сознание людей, очень уж долго и упорно учили их, „что такое хорошо и что такое плохо“. Вот и нынешние руководители с детства усвоили, что торговать на рынке плодами своего труда — плохо, а быть председателем колхоза — хорошо. Трудно положительным мыслям пробиться сквозь ту омертвевшую кору.

Сегодня в мыслительной жизни России мы наблюдаем удручающую картину. С конца семидесятых годов заметен четкий водораздел: в русской интеллигенции невозможно отыскать более или менее известного деятеля, который бы одобрял разрушительную традицию, идущую через Желябова и Ко к Свердлову и Дзержинскому. Трудно встретить сегодня в Москве русского интеллигента, восторгающегося террористами или чекистами. У так называемых „славянофилов“ не найти восторженных всхлипов в адрес Ленина и его „соратников“. К сожалению, из еврейских кругов и поныне поставляются

основные кадры певцов „Октября“, как то повелось еще со времен Безыменского и Багрицкого. Вот уже четверть века существует серия „Пламенные революционеры“, выпускаемая громадными тиражами и с повышенными гонорарами, издатель — ЦК КПСС, „Политиздат“. Среди дельцов и тупиц, составляющих основной авторский „костяк“, там мелькают имена Аксенова, Гладиллина, Т. Корнилова, Войновича, М. Поповского, И. Ефимова, Р. Орловой (супруги Л. Копелева)... Соседство диссидентов и партийных ортодоксов у кассы ЦК КПСС очень впечатляет. Что же их сводило, помимо житейски понятного сребролюбия? Только одно: верность памяти тех самых „комиссаров в пыльных шлемах“. А то, что шлемы эти забрызганы кровью, так ведь это кровь вражеская — белогвардейская, кулацкая, поповская... Видимо, еврейская община должна обратить внимание на это примечательное обстоятельство.

В наши дни число просвещенных русских интеллигентов велико, оно растет и будет расти. Это вселяет надежду. Однако нас должно беспокоить раздражение и даже озлобление, которое можно понять, учитывая несчастную судьбу России. Но поняв его, никак нельзя одобрить. Нельзя! Это слово надо произнести очень твердо. Да, легко свалить все несчастья на счет каких-то внешних причин, каким было, например, нашествие Батыя. Во времена „Октября“ внешнего нашествия не было — Россия оказалась поработенной сатанинской идеологией, а носителями ее стали и дети священников, и потомственные дворяне. Да, Россия есть первая жертва невиданной доселе политической эпидемии. Из моря пролитой русской крови человечество когда-нибудь создаст вакцину, навсегда избавящую мир от разрушительных соблазнов, и мир навеки останется за то России признателен. Так, но ведь одновременно, как всякий заразный больной, Россия стала — волей-неволей — также и разносчиком болезни. Разве в танках, что принесли „социализм“ в Восточную Европу или несчастный Китай, не сидели вологодские, рязанские и харьковские ребята? Они были в основном

добрые, веселые и миролюбивые, но „социализм“ все же распространялся их бесхитростными руками...

Ну, а потом? Кто подавлял народные возмущения в Берлине, Праге и Будапеште? Тоже ведь русские танкисты. Полуграмотные афганские пастухи отродясь не слыхивали про Карла Маркса, но про то, как к ним неожиданно-негаданно вторглись „русские“, это они знают очень хорошо. Поэтому нам, русским без кавычек, надо такие обстоятельства учитывать, нравятся они или нет. Подобные рассуждения очень сердят порой русскую общественность. Опять-таки понятно: раздражающе обрыдла русофобия — марксистская, западная, диссидентская. Но поняв, оставим за собой так же и обязанность „самокритики“ — ведь даже согласно „учению“ она необходима.

Россия только-только начинает выздоравливать (будем надеяться, что так). Ослабевшему больному в пору ли кидаться в драку за прошлые обиды — подлинные или тем паче мнимые? Да и зачем: родной дом в руинах, земля вокруг загажена, храмы осквернены. Возродить все это — вот основная задача русской общественности сегодня! Сосредоточимся на собственных делах, отдадим немцам их древний Кенигсберг, а японцам — четыре крошечных островка, которые России никогда не принадлежали и где имеется из полезных ископаемых один лишь бурьян. Литовцы издавна живут плотным сообществом и имеют давнюю историческую судьбу — пусть же они решат свою жизнь сами, как хотят. Поголовно желают отделиться и грузины — пусть их.

Однако в наших заметках идет речь об отношениях с евреями. Никакие „отделения“ тут не помогут, конечно. Видится только один выход в затянувшейся распре: доброжелательное и гласное обсуждение вопросов и елико возможно — понимание друг друга. Путь будет сложным и долгим, но ведь и спешить нам всем некуда.

*

Вряд ли эти скромные заметки узнают многие, но будь у составителя их возможность широко обратиться к людям, он бы воскликнул:

— Господа, товарищи! В XX веке и русские, и евреи (добавим сюда еще немцев) дали увлечь себя разрушительным и честолубивым идеологиям. Все три великие нации понесли на этом пути кровавые потери и страшные опустошения. Сводить счеты, мстить — последнее дело, величайший грех. Приходится искать взаимоприемлемое решение — другого выхода сегодня нет. Каков он, этот выход — слабый мой разум подсказать не может, но ясно, что он лежит на пути добра, как бы трудно ни было сделать тут первый шаг. Да поможет нам всем Господь!

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

**Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко**

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA**

Забывшие Бога*

**Современная трактовка религии с помощью
фундаментальной теории управления
духовной культурой**

Человек, в своем стремлении познать себя и окружающий мир, очень часто совершает одну и ту же ошибку. Надеясь упростить себе задачу, пытается ограничить методы познания и объяснения явлений действительности исключительно средствами рационального математического и словеснологического моделирования: взвешивая, измеряя, подсчитывая, рисуя, вычерчивая. Старательно учитывает тонны, рубли, километры, литры, чугун, цемент, хлеб, молоко, станки, бомбы, атомы, галактики, чернозем, лес, воду... — все, что только возможно

* Автор полученной из России работы — Георгий Александрович СТЕФАНСКИЙ, предпослал ей краткое предисловие: „Уважаемый читатель! Ты держишь в руках первую в истории науки работу по ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРОЙ, передаваемую на твой строгий суд. Оригинал рукописи этой работы я передал на вечное хранение в библиотеку Ватикана через Рижскую католическую Курию 18 мая 1988 г. От этой работы новая наука берет свое начало. На правах автора этой новой науки, датой ее рождения объявляю 17 мая 1988 года.“

О себе Г. А. Стефанский сообщает: „Я занимаюсь исследованием закономерностей формирования духовных качеств человека. Посвятил этой работе более четверти века. В результате выстроил систему знаний — фундаментальную теорию управления духовной культурой. Это новая наука, описывающая закономерности формирования духовных качеств человека. Знание открытых мною закономерностей и внедрение их в практику людьми и службами, имеющими отношение к формированию духовных качеств человека, способствуют повышению эффективности их профессиональной деятельности. Эти знания необходимы всем, чья профессия требует общения с человеком...“

взвесить, измерить, подсчитать. И увлекается этой нужной и полезной работой до такой степени, что, в конце концов, забывает главнейшую реальность бытия — Бога.

В одном случае полагая, что Бога нет („Верить в Бога просто смешно“!), в другом случае полагая, что Бог хотя и есть, но вера в Него не имеет прямого отношения ни к производству молока и мяса, ни к строительству, ни к науке, ни к политике, ни к иным видам прозаической повседневной деятельности. Полагая, что в повседневной служебной деятельности человеку достаточно обзавестись данными ЦСУ, сесть за компьютер, исправно тыкать пальцами в клавиатуру, внимательно глядеть на экран дисплея и все задачи управления обществом решатся сами собой. Особенно этим грешат политические деятели, экономисты, тезнари, ученые, администраторы.

Но, вопреки ожиданиям человека, вдруг наступает момент, когда он обнаруживает, что допустил роковую ошибку. Что труд его потрачен впустую. Что без заботы о собственной Душе, без заботы о Душах своих братьев и сестер по Роду Хомо Сапиенс, без Веры в Бога — все, чем он занимался, неожиданно утеряло смысл. Омертвело. И тонны, и рубли, и километры. И даже хлеб насущный обратился из блага во врага.

Забывший Бога, посвятив свою жизнь грубому материализму, превратив производство и потребление продуктов и вещей в самоцель, — потерял элементарный вкус к этим самым продуктам и вещам! К пище! К хлебу! К воде! К обыкновенной, ни с чем не сравнимой, живой волшебной родниковой воде! К запахам полей и лесов! К пению птиц! К шелесту листьев! К колыбельным песням матерей, к заветам отцов, к преданиям дедов... К любовным страстям и переживаниям... К ни с чем не сравнимому счастью наивного благоговения мужчины и женщины друг перед другом!..

То есть, Забывший Бога сам себя заживо омертвил! Лишил себя аппетита к жизни. Превратил себя в бездушного робота. В результате ему стало и неинтересно жить

и работать стало неохота.

Забывшая Бога Россия, Забытая Богом Россия

Убедительной иллюстрацией этой закономерности является то нынешнее состояние нашего советского общества, до которого мы себя довели. Действительность поставила невиданный по жестокости и убедительности эксперимент. Эксперимент уникальный! Ничего подобного в истории человечества не было.

Действительность предоставила возможность нам — сотням миллионов людей, населяющих Россию, — забыть о Душе и Вере в Бога. Обездуховить себя. Предоставила нам возможность создать государство без институтов заботы о Душе и Вере в Бога. Государство торжества примитивного материализма. Государства роботов. Государства, в котором „базисом“ объявлены коровы, доменные печи и ракеты, а „надстройкой“ — университет и церковь.

Действительность предоставила возможность нескольким поколениям нашего государства пожить более полувека одними только заботами о выполнении планов-фетишей и лозунгами-понуканиями: „давай-давай!“

И предоставила возможность остальному населению Земного шара понаблюдать за ходом этого жестокого эксперимента и наглядно убедиться на его печальных результатах, что: **перехитрить или обмануть ни Бога, ни Мать-Природу не дано никому!**

И вот теперь, всем нам — жителям России — жертвам этого жестокого эксперимента, ничего не остается, как кусать локти и мучительно допрашивать самих себя:

— Как? Почему? За какие наши грехи? За какие грехи наших нерадивых предков — мы столь жестоко наказаны?

Наказаны наши дети! Наказаны дети наших детей! Наказано все наше общество!

Как мы сами своими руками и умами довели свое общество — себя самих — до жизни такой, при которой и жить нам стало неинтересно и работать стало лень?

Неужели и впрямь все дело в том, что забыли Бога?

Корреляция между Верой в Бога и результатами деятельности человека

Так есть все-таки Бог или Его нет?

Общеизвестно из практики, что верующие исполняют любой вид созидательной деятельности на более высоком уровне, чем равные им по профессиональному мастерству неверующие и атеисты. Почему? Кто помогает верующим работать лучше неверующих и атеистов?

Известно, что в экстремальных условиях верующие намного более стойки и последовательны, чем неверующие и атеисты. Почему? Кто прибавляет стойкости верующим?

Известно, что верующие намного порядочнее и честнее с окружающими их людьми и природой, чем неверующие и атеисты. Почему? Кто делает верующих такими?

Известно, что семьи верующих крепче, чем семьи неверующих и атеистов. Почему? Кто делает верующего законопослушным?

Так, что же смешно — верить в Бога или не верить в Него?

И что укрепляет и обогащает общество — вера в Бога или безбожие?

Ведь не можем же мы сбросить со счетов тот неоспоримый факт, что Вера делает верующих уравновешенней, трудолюбивее, честнее, добрее и, наконец, что самое существенное — здоровее! И телом, и душой! Делает человека счастливее! Делает его жизнь весомее, полноценнее, богаче!

И духовно, и материально. Да-да — материально!

Мои исследования приводят к выводу, что отрицание религии, как одного из неотъемлемых компонентов метода познания действительности так же преступно, как было преступно отрицание кибернетики, генетики и массы других прогрессивных наук и теоретических концепций.

Итак. Куда бы мы ни обратили наши взоры, мы

повсюду наблюдаем материальное подтверждение, реально ощутимый и измеряемый след влияния Бога на материальный мир.

А теперь обратимся к кодовой системе строгой науки. Поскольку речь зашла об измеримых материальных явлениях. Если мы переведем высказанную выше мысль с языка словеснологического моделирования на строгий математический язык науки об управлении – кибернетики, мы получим следующую формулу:

Вера в Бога оказывает реальное управляющее воздействие на материальные процессы, выступает в роли программы, управляющей материальными процессами.

Позвольте! Но наука ведь тоже выполняет роль **программы, управляющей материальными процессами!**

Это что же такое получается? Выходит, что в процедуре управления обществом функции этих двух методов познания и отражения действительности **абсолютно одинаковы?**

Вот тебе и на! А нам талдычили материалисты-атеисты, что наука и религия – антиподы! Что они враги! И что от религии – ничего, кроме вреда!

Наука и религия не антиподы не враги, а союзники

Науку и религию часто противопоставляют друг другу. Особенно активно прибегают к этому грубые материалисты-атеисты сталинской школы.

Сталинисты страдают психозами антагонизма и узурпаторства. Психозом потребности обязательно натравливать одних людей на других, решать все проблемы методом „борьбы“. Находятся в плену предрассудков изобретенной ими „теории“ классовой борьбы. Потому постепенно пытаются доказывать, что методы науки и религии – антиподы. Что эти методы опровергают друг друга. Причем самым убедительным аргументом в этой их борьбе с религией они (до определенного времени) считали расстрел оппонентов без суда и следствия. Сегодня, когда расстре-

ливать оппонентов без суда и следствия стало невозможно, они в качестве самого убедительного аргумента используют заключение оппонентов в концентрационные лагеря или насильственную депортацию из страны.

Мои исследования привели меня к убеждению, что религия и наука не противоречат друг другу, не исключают друг друга, а наоборот — дополняют друг друга. И наука, и религия возникли и существуют по той причине, что каждая в отдельности не способна быть всеобъемлющим способом познания природы в нас и вокруг нас.

Наука познает и отражает мир средствами кодовых систем математической и словесной логики, религия — с помощью кодовых систем духовной и эмоциональной логики. Оба эти метода живут и продолжают развиваться и совершенствоваться по той причине, что общество испытывает в них насущную потребность. По той причине, что лишь в сумме эти два метода представляют собой тот всеобъемлющий метод познания действительности, которым **каждый в отдельности быть не может.**

Фундаментальная теория управления духовной культурой и Вера в Бога

Я не являюсь религиозным фанатиком. Моя Вера в Бога основательней. Она сформировалась как современное научно обоснованное убеждение. Сформировалась после того, как я — в прошлом убежденный атеист, сам себе неопровержимо доказал истинность существования Бога.

Моя научно обоснованная убежденность в истинности существования Бога стала составной частью выстроенной мною системы знаний — **фундаментальной теории управления духовной культурой.**

Эта Теория явилась результатом исследований процессов управления духовной культурой, которыми я занимаюсь вот уже более четверти века. И встало в этой системе знаний все на свои места только после того, как Бог занял в ней подобающее Ему место.

Основным постулатом и признаком отличия выстроен-

ной мною Теории является тезис о единстве и неразделимости научного и религиозного методов познания человеком действительности.

Итак, смешно ли верить в Бога?

Результаты моих исследований доказывают, что без Веры в Бога — человека просто нет. Неверующий утрачивает главное качество, отличающее управляемую систему „человек“ от управляемых систем „робот“ и „животное“ — духовную культуру. Духовно деградирует — перестает быть Гомо Сапиенс.

Теорема Божественного Начала

В системе **фундаментальной теории управления духовной культурой** утверждение об истинности существования Бога обосновывается с помощью Теоремы Божественного Начала. Вот эта теорема:

Дано: Утверждение атеистов — „Бога нет“. Требуется доказать: „Бог есть“.

Доказательство от противного. Допустим, что Бога нет. Какими доказательствами в пользу этого допущения мы располагаем?

Материалисты-атеисты, отрицая существование Бога, когда не могут расстрелять оппонента без суда и следствия или ударить рукояткой нагана по черепной коробке, прибегают к помощи известной им формальной словесной логики. То есть доказывают средствами той кодовой системы, которую они понимают, признают и с помощью которой описывают известные и понятные им явления.

Приводятся следующие доводы: Его никто не видел. Не трогал руками, не взвешивал на медицинских весах, не измерял портновским сантиметром. Мы Его не видали. Космонавты и летчики поднимались высоко в небе и тоже не видали на небе ни Бога, ни Ангелов. Значит, Бога нет. И вера в Бога — либо ошибка, заблуждение, либо сознательный обман слуг церкви.

Сделав такое допущение, мы не имеем права считать его обоснованным до тех пор, пока не ответим на вопрос: кому, в таком случае, молятся миллиарды жителей Планеты Земля? Молятся на протяжении тысячелетий! Кому строят храмы? (И какие храмы!) Кому пишут и исполняют Гимны? (И какие Гимны!) Кого хранят в сердцах и душах? Кому возносят хвалу? Пред кем каются? По чьим заветам живут? Чьим именем освящают крещение новорожденных? С чьим именем в сердце отходят на вечный покой?

Допустим, что миллиарды жителей Планеты Земля, в числе которых светлейшие умы человечества, — действительно заблуждаются. Допустим. В истории познания бывало такое много раз. Когда „вся рота шагает не в ногу“, а один Коперник или один Эйнштейн — „в ногу“. Такое бывало и такое возможно.

Но, даже не беря во внимание, что „заблуждающихся“ уж больно много (миллиарды!), даже не беря во внимание, что „заблуждаются“ они уж больно долго (тысячелетия!), — мы не можем сбросить со счетов тот неоспоримый факт, что Вера „заблуждающихся“ имеет реальное материальное воплощение — помогает тем, кто верит в Него и чтит Его.

Если вслед за грубыми материалистами-атеистами мы допустим, что Бога нет на том основании, что они (и мы) Его не видели, то в таком случае и науки нет! Ее тоже никто не видел, не взвешивал, не измерял портновским сантиметром! И Добра нет. Его тоже никто не видел! И Зла нет. И Деда-Мороза нет! И магнитных бурь нет. И радиации нет. И Гамлета не было. Его Шекспир выдумал. И когда юристы — образованные люди — произносят слово „Фемида“ — они несут чушь! Где, в каком судебном заседании кто-нибудь наблюдал бабу с завязанными глазами, весами в одной руке и мечом в другой?

И не правда, что Онегин убивает Ленского в финале оперы! После закрытия занавеса Ленский встает и целый-целехонький — ни одной царапины — выходит на авансцену без посторонней помощи, раскланивается перед

публикой, берет цветы и даже улыбается. А люди-чудаки ему — не существующему — почему-то аплодируют, сочувствуют, переживают за него!.. Тоже, видно, „зablуждаются“!..

И вообще, никакой это не Ленский — это артист. И волосы у него не настоящие — парик. И снега на сцене нет никакого — вата. А деревья из папье-маше и в середине пустые.

В Америке поставлен памятник Тому Сойеру и Гекельберри Финну!.. Смешно! Этих двух мальчишек никогда не существовало. Их выдумал Марк Твен. А им — памятник! Какая чушь!

Есть в мире памятники и статуэтки, и рисунки, и песни, и балеты про Дон Кихота и Санчо Пансу! Откуда все это взялось? Почему возникло? Зачем? Ведь ничего этого „нет“! Кому воздают почести, пишут стихи, поют песни, пишут и исполняют симфонии, возносят молитвы? Кого оплакивают, с кем радуются эти странные „zablуждающиеся“? Зачем? Почему?

И кто же все-таки помогает верующим в их делах, чаяниях и надеждах? Кто оказывает управляющее воздействие на материальный мир в результате произносимых молитв, соблюдаемых постов, исполняемых ритуалов? Кто?

Бог — реальность, не отделимая от бытия

А объясняется все просто-простенько.

Человечество давным-давно обнаружило реальность, существующую, оказывающую прямое управляющее воздействие на человека, а через человека оказывающую воздействие на окружающий его материальный мир, но не обнаруживаемую и не регистрируемую с помощью известных обычно применяемых в повседневной обстановке, способов наблюдения фактов действительности. Реальность существующую, но не поддающуюся описанию с помощью кодовых систем формальной логики, использующих словесные и математические символы.

Мудрое человечество обнаружило и поняло, что описать движение колеса на дороге, описать протекание химической реакции в колбе, описать движение денег по банковским каналам можно с помощью формул, составленных из одних только математических символов: чисел, знаков, графиков, чертежей, литературного текста, а вот описать эволюции Человеческой Души с помощью чисел и закорючек — невозможно.

Как переложить на язык математических формул, чертежей, правительственных указов и партийных постановлений ощущение матери, кормящей дитя? Как учесть влияние разных степеней этого ощущения на социальные процессы? Как учесть в планах и проектах бесчисленных научно-исследовательских институтов смысл и значение любви с первого взгляда, женского каприза, ревности, симпатии, антипатии и отразить в планах и проектах влияние этих факторов на продуктивность промышленности, состояние здравоохранения, продуктивность сельского хозяйства и т. д.?

Как перевести на язык формул вдохновение, презрение, суеверный страх? Как учесть в постановлениях Госплана роль и значение удовлетворения, переживаемое человеком в момент, когда он слышит разрешение доминанта в тонику? Как учесть в социалистических обстоятельствах роль и значение чувства, возникающего у советского человека от созерцания неба, травы, птиц, водопада, от восприятия материнской ласки, голоса любимого человека, грома, молнии, рассвета и сумерек?

Ведь все это существует! Живет в человеке! Рождается вместе с ним, развивается, видоизменяется, умирает! И все это занимает в жизни человека и общества определенное место. И не какое-нибудь второстепенное побочное явление, а решающее!

Все это как раз и есть **проявление духовной культуры!** Того самого главного уникального качества, которое отличает управляемую систему „человек“ от управляемых систем „робот“ и „животное“! Отличает человека от всего сущего!

Что известно грубым материалистам-атеистам сталинской школы об этих явлениях? Как они учитывают эволюции Человеческой Души в своей деятельности? Как примитивные материалисты-атеисты сталинской школы относятся к священнослужителям — единственным мастерам-профессионалам, которых Бог одарил талантом, знаниями и опытом владения тайнами Человеческой Души?

Относятся сталинисты-атеисты к священнослужителям точно так же, как они относились и относятся к ученым, художникам, изобретателям. Было время — расстреливали без суда и следствия, теперь сажают в тюрьмы и концлагеря, ошельмовывают, унижают, оскорбляют, обворовывают.

Что известно о Человеческой Душе депутатам Верховного Совета СССР? Депутатам Советов союзных республик, горсоветов, сельсоветов? Что известно о Человеческой Душе делегатам партийных съездов, конференций, пленумов? Что знают о Душе Человека члены Политбюро ЦК КПСС? Рядовые члены КПСС? Умеют ли они учитывать в своей деятельности наличие такого фактора, как Душа Человека? Их кто-нибудь этому учил? Сами они этому учились? Знают они, чем отличается управляемая система „человек“ от управляемых систем „робот“ и „животное“? Хотят ли они знать что-нибудь, кроме данных ЦСУ, Госплана и Госбанка?

Человек — уникальное явление материального мира. Не колесо, не колба, не банковский сейф. Одна-единственная клетка человеческого организма — это целый химический комбинат! Работающий в режиме непостижимой согласованности всех его элементов. Управляемый по бесчисленному количеству параметров, отличающихся микроскопически дозированной точностью. В человеке таких „комбинатов“ — сотни миллиардов! И все они увязаны каналами связи в единую управляемую систему!

И это непостижимое по сложности чудо природы, этот сложнейший „механизм“ работает не в одиночку. Он находится в постоянной детерминической взаимосвязи с

муравейником таких же, как он, окружающих его сложнейших „механизмов“ и со всеми окружающими его биологическими и физическими системами природы. Со всеми объектами Вселенной! Взаимодействует и с Солнцем, и с Луной, и с магнитными полями, и с гравитационными силами и с теми факторами материального мира, которые человеком еще не открыты, о которых он даже не подозревает. Не подозревает, а взаимодействует.

Как это взаимодействие отразить в данных ЦСУ и Госплана? В „муравейнике“, именуемом Род Хомо Сапиенс, насчитывается более четырех миллиардов таких „механизмов“. Работает каждый из этих „механизмов“ без остановок по пятьдесят, семьдесят, сто и более лет. И каждый из этих четырех с лишним миллиардов „муравьев“ исполняет уникальную, единственную, неповторимую партию в этой невообразимой по сложности „симфонии жизни“.

Мудрое человечество давным-давно поняло, что бессмысленно пытаться описывать все это богатство и многообразие детерминистических связей человека с окружающим его материальным миром с помощью скудного набора символов математической и словесной логики.

Мои исследования привели меня к убеждению, что кроме понятий „математическая логика“, „словесная логика“ необходимо ввести понятия **Логика Эволюции Человеческой Души и Логика Чувств**.

Логике эволюций Человеческой Души и логике чувств невозможно выразить математическими знаками, языком бюрократических документов, научных формулировок, правовых актов. Бессмысленно питать надежды на то, что политические и административные деятели в ходе одних только политических дебатов и административных совещаний, игнорируя логику Человеческой Души и логику чувств, учитывая только понятные им данные ЦСУ и Госбанка, сумеют адекватно промоделировать все аспекты взаимодействия живого человеческого организма с живой естественной средой во все мгновения его жизни от зачатия до смерти и сумеют найти толковые решения.

Настаивать же на праве решать вопросы управления обществом такими примитивными методами могут только либо шарлатаны и невежды, либо откровенные преступники.

Мудрое человечество давным-давно поняло, что для описания эволюций Человеческой Души нужна иная кодовая система, чем та, которой пользуются для описания движения колеса по дороге, протекания химической реакции и движения денег. Нужна кодовая система, адекватная многообразию этой Души. Способная отражать те эволюции Человеческой Души, которые никакая иная кодовая система отразить не в состоянии. Нужна кодовая система, способная управлять теми эволюциями Человеческой Души, которыми никакая иная кодовая система управлять не в состоянии.

Такая кодовая система есть.

**Религия – кодовая система, отражающая
логику духовного и эмоционального
познания действительности**

Для выражения логики эволюций Человеческой Души и логики чувств человечество создало специальные кодовые системы: поэзию, живопись, музыку и т. п.

Религия — одна из кодовых систем, созданных человечеством для выражения логики эволюций Человеческой Души, логики чувств. Эта кодовая система внушена человеку Богом — Всевышним Творцом. В отличие от науки, которая является продуктом одного только человеческого сознания.

Религия — единственная из всех кодовых систем, которая способна отражать всё богатство и многообразие мира Человеческой Души и воздействовать на Душу. С помощью этой кодовой системы священнослужители доносят до наших сердец и умов Заповеди Господни. Обогащая наши Души этими Заповедями, защищая от болезней и бед. Запечатлевая эти Заповеди в нашей биологической памяти в виде условнорефлекторных моделей, состав-

ляющих программу наших взаимоотношений друг с другом и с окружающим миром. Обеспечивая тем самым всему нашему „муравейнику“ максимально возможную согласованность взаимодействия всех особей друг с другом и с окружающей Матерью-Природой.

Кодовая система, созданная слугами Божиими для внушения Божьих Заповедей, — гениальна! В отличие от всех остальных кодовых систем, она составлена из символов, предназначенных и доступных для восприятия мудрых Заповедей Господних людьми любой степени совершенства духовной культуры: от полоумного — до гения. Такое не дано ни одной кодовой системе, изобретенной учеными. Никто, кроме религии не владеет кодовой системой, доступной даже ребенку. Кодовой системой, способной столь эффективно обеспечивать достижение согласованности действий человеческих объединений.

Никакая наука, никакая формальная математическая логика и словеснологическая система не в состоянии описать и познать те эволюции Человеческой Души, которые мудрое человечество отдало религии.

Бессмысленно пытаться управлять этими эволюциями Души с помощью иных кодовых систем, как бессмысленно пытаться с помощью словесных, математических и графических символов дирижировать симфоническим оркестром, как бессмысленно пытаться с помощью формул, графиков, чертежей, статистических справок и правительственных указов управлять переживаниями влюбленных во время поцелуя, в момент экстаза.

Кесарю — кесарево, а Богу — Богово!

Многообразие эволюций Человеческой Души безгранично и интимно до такой степени, что не может быть доверено никому, кроме Бога и Его земных слуг — священнослужителей.

Человек и калейдоскоп бытия

Любая работающая система в конце концов расстраивается. Любая работающая система нуждается в нас-

тройке. В том числе управляемая система „человек“.

Кто занимается настройкой системы „человек“?

Есть много профессий и служб, так или иначе участвующих в процессе управления, регулирования и настройки управляемой системы „человек“. Это и врачи, и педагоги, и политические деятели, и администраторы, и военные, и работники правоохранительных органов, деятели искусств, ученые, представители преступного мира, торговцы и т. д. Каждая из названных отраслей занимается настройкой, регулировкой системы „человек“ в соответствии со своими эгоистическими, ведомственными и личными интересами. Управляет человеком по своим ведомственным критериям. И каждый „тянет одеяло на себя“. Каждый печется в первую очередь о своей выгоде, о выгоде своего ведомства, семьи, клана и только во вторую очередь о выгоде объекта управления.

Что же касается преступников и преступных отраслей, то здесь о выгоде объекта управления, понятно, не пекутся, а наоборот — заботятся лишь о том, чтобы в максимально возможной степени ущемить интересы объекта преступления.

И в конце концов, как ни крути, как ни верти, а возникает положение, при котором врач становится заинтересованным, чтобы было больше больных; пожарный, чтобы больше пожаров; милиционер, чтобы не переводились воры и наркоманы; военный, чтобы не затихали военные конфликты, а мусорщик, чтобы больше сорили.

И в этом стремлении „тянуть одеяло на себя“ люди, против своей воли, становятся **врагами самим себе**. Своему Роду Хомо Сапиенс, своей Альма Матер — Матери-Природе.

Большинство людей, не обладая способностью понимать смысл своего поведения с позиций выгоды своего Рода Хомо Сапиенс и своей Матери-Природы, а следовательно и своей личной выгоды, — превращаются из создателей в разрушителей. Эйфория азарта в экономическом, политическом, военном соревновании поглощает все мысли и чувства человека настолько, что расстраивает

заложенные в нем Матерью-Природой программы, призванные обеспечить Роду Хомо Сапиенс согласованность действий, необходимую для выживания. И Человек, сам того не сознавая, начинает разрушать Мать-Природу в себе самом и вокруг себя. Совершает самоубийство.

Именно такое самоубийство совершает сегодня Советский Союз.

Диагноз причины самоубийства Советского Союза

Причина самоубийства Советского Союза в том, что нет в биологической памяти людей той степени совершенства духовной культуры, которая способна обеспечить обществу (управляемой системе) согласованность действий, гарантирующую выживание в современных условиях. Система, лишенная способности к согласованным действиям, обречена на смерть.

Духовная катастрофа России – катастрофа всего человечества

Доминирующее влияние психозов профанства и узурпаторства в процедуре управления обществом не является достоянием одной только России, ее „внутренним делом“. Эти психозы через посредство политических, военных акций, через посредство рефлекса подражания, через посредство генетических механизмов оказывают растлевающее влияние на весь Род Хомо Сапиенс, приводят к деградации всего Рода. Не исключено, что процесс деградации Рода Хомо Сапиенс приобрел уже качество необратимого и напрямую ведет к исчезновению Рода Хомо Сапиенс с лица Земли в полном соответствии с Законом Божественного Отбора.

Не исключено, что та нынешняя социальная катастрофа, до которой мы – жители России – довели наше общество, как раз и является началом Конца Света, о котором пишет Библия.

Где выход из тупика?

Кто способен спасти Человека от беды, которую он сам на себя накликал своими непродуманными эгоистическими действиями? Кто укажет ему на ошибки? Кто поможет осознать свое подлинное место в калейдоскопе бытия и выработать единственную верную линию нравственного поведения в ситуациях, когда человек оказывается один на один с действительностью, когда решение надо принимать самостоятельно, в обстановке полного отсутствия контроля и руководства со стороны кого бы то ни было? Кто даст силы устоять от соблазнов, повергающих в беду? Кто поможет осознать совершенные грехи и раскаяться? Кто обладает знаниями, опытом и талантом настраивать сложнейший механизм Человеческой Души на оптимальный режим взаимодействия со своим Родом Хомо Сапиенс и с Матерью-Природой?

Только Бог!

Для выполнения этой функции и дана Человеку Творцом **религия – служба общения Человека с Богом**. Дана Человеку Вера.

В Верховного Настройщика Человеческих Душ, в Гения-регулятора, Гения-дирижера, Верховного Судью, Верховного Наставника, Верховного Врачевателя, Верховного Глашатая Заповедей Господних, Заповедей Матери-Природы.

Вера в Господа Бога. В Духа Святаго. Перед которым все мы равны и выше которого нет на Земном шаре никого и ничего.

Ни царя, ни князя, ни генералов, ни президента, ни министра, ни отца, ни матери.

Аминь!

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

Михаил Назаров

Политический театр Михаила Шатрова

Пьесы Михаила Шатрова*, вызвавшие в 1988 году бурную дискуссию в верхах КПСС, заслуживают, как интересное явление перестройки, оценки и с иных позиций. Но прежде чем ее дать – необходимо установить, что перед нами. Ибо о любом произведении имеет смысл судить в его „весовой категории“, то есть в пределах его жанра. А пределы здесь не исчерпываются жанром политического театра, какой, например, существует на Западе. Избранная Шатровым цель – как мы увидим далее – достижима искусством совершенно особого рода. Перед нами жанр **особого** политического театра, требующего не столько от актеров, сколько от драматурга особых правил игры...

Лучше всего они видны в пьесе об Октябрьском перевороте „Дальше... дальше... дальше!“, символическое название которой определяет отношение автора к проводимым реформам, а действующие лица – участники революции с обеих сторон – судят из прошлого то, что из

* „Диктатура совести“. – Москва: «Театр» № 6, 1986; „Брестский мир“. – Москва: «Новый мир» № 4, 1987; „Дальше... дальше... дальше!“. – Москва: «Знамя» № 1, 1988.

революции получилось в дальнейшем.

Небезынтересно привести отклики советской печати на эту пьесу, которые уже дают нам первое представление об особенностях жанра.

Едва январский номер «Знамени» с пьесой дошел до подписчиков, как «Правда» (10. 1 и 18. 1. 88), а затем «Комсомольская правда» (19. 1. 88) обвинили Шатрова в том, что он „принижает героический пафос революции“ и – о ужас! – показывает Ленина „таким, как все“. Статья в «Советской России» (28. 1. 88) двух докторов исторических наук была уже откровенно разгромной:

„Драматург открыто иронизирует над краеугольным тезисом марксистских историков о решающей роли народных масс в обществе и отдает штурвал истории в первую очередь тем, кто на капитанском мостике“, „...руководящие деятели партии... только то и делают, что совершают ошибки, ссорятся между собой, интригуют друг против друга...“ „Определяющим показателем такого общества, рисуемого автором, является режим диктаторского беззакония, массовых репрессий, нравственного разложения...“, „...есть такие слова, вложенные в уста Ленина: 'не надо меня щадить! Пусть знают все, что я с себя моральной вины и ответственности за случившееся не снимаю' (стр. 49). И уже эти слова кажутся иным современным критикам ключом всей пьесы Шатрова“. „Плеханову поручает драматург высказывать такого рода обличение: 'За цепь хотя бы предвоенных ошибок, поразительно дилетантских, самонадеянных, ни один народ в Европе не потерпел бы такое правительство' (стр. 50)“.

15 февраля в «Правде» каталог выдвинутых Шатрову обвинений дополняет уже команда из трех докторов:

„Через всю пьесу красной нитью проходит идея 'случайности Октябрьской революции'... Здесь народ не 'безмолствует', его просто нет“. Это не согласуется „с марксистской концепцией о классово-народном, объективно-детерминированном характере социалистической революции... Шатров делает дальнейший шаг по сравнению с прошлыми своими пьесами: Сталин уже не антипод, а

лишь другая ипостась Ленина“.

„Здесь приходят на ум некоторые клише, настойчиво проводимые в работах эмигрантов, враждебно настроенных к нашей стране, об идентичности методов Ленина и Сталина, о том, что Сталин ведет свои истоки от эпохи Ленина“.

Были, конечно, опубликованы и материалы в защиту позиции Шатрова. Но цитированные обвинения преобладали и вылились в нагнавший на реформистов страху мартовский „манифест антиперестройщиков“ (письмо Н. Андреевой в «Советской России»), три недели лигачевского „путча“ и его апрельское усмирение в «Правде». Вся эта битва по поводу трактовки партийной истории продолжается до сих пор и имеет один смысл: поиски предела, до какого может идти перестройка в области идеологии сегодня. Вспомним Орвелла: „Кто управляет прошлым, тот управляет будущим, а кто управляет настоящим, тот управляет прошлым...“

Обвинительное заключение марксистских историков правильно. Но не в отношении пьесы Шатрова, а в отношении истории социализма в СССР. Высказав их, бдительные критики дали читателям взгляд на пьесу „Дальше...“ более точный, чем мог позволить себе автор. Однако столь однозначная характеристика – считать ли ее обвинительной или хвалебной – к творчеству Шатрова вряд ли применима. Можно предложить разные критерии оценки, которые, вероятно, пригодны и для оценки политически ангажированного „перестроечного“ искусства вообще.

*

По содержанию пьесы Шатрова – исторические, с обильным цитированием печатных источников. Но если применить к ним **научный критерий**, научно-критический, то следует согласиться с докторами-марксистами: Шатров искажает облик революции и Ленина. Только это искажение – в обратную сторону от того, что их беспокоит.

Шатров, вопреки известным фактам и документам, приукрашивает революцию в прагматических нуждах „перестройки“. Поэтому с исторической точки зрения его пьесы никак не могут быть вкладом в русскую культуру.

Они служат сиюминутным политическим потребностям и их значение, как мне кажется, отомрет вместе с этими потребностями. Вероятно, это понимает и сам автор – следовательно, не по этому критерию о пьесах Шатрова нужно судить. Поищем другие критерии, учитывающие авторский замысел и обусловленные спецификой тоталитарного общества.

Применим, например, **критерий частичной правды**, или метод выборочного чтения. То есть, когда берется во внимание не весь текст, а лишь те суждения, которых раньше в официальной прессе еще никому не удавалось высказывать и которые, несомненно, шаг вперед в расширении гласности о природе режима. Именно этим объясняется сегодняшний успех пьес Шатрова. И в этом отношении беспокойство составителей цитированного выше каталога шатровских пригрешений не лишено оснований.

Автору, конечно, приходится смелые мысли как-то компенсировать. То опровержениями из уст „положительных героев“, то ему кажется достаточным сам факт, что эту смелость позволяют себе „заведомо неправые“ враги социализма, которым в пьесах Шатрова впервые дается право обвинения. Но чаще их порою убийственная критика „опровергается“ совсем уж просто: „к истинному социализму она неприменима...“

Спор о социализме в „Диктатуре совести“ и в „Дальше...“ подобен качелям: драматург то рискованно заносит мысль своего персонажа в обличительную сторону, то тут же откидывает качели спора в другую, „правильную“. Хотя с непривычки многим, наверное, кажется, что в другую все-таки меньше... Потому что „правильная“ версия набилась у советского читателя такую оскомину, что всерьез им не воспринимается. Вся эта компенсирующая правду шелуха в восприятии ищущего читателя осыпается, и в жизни остаются действовать только новые час-

тицы правды. В „Дальше...“ мне показались наиболее важными слова П. Б. Струве в разговоре с Лениным, независимо от того, насколько искренна сопровождающая их авторская ирония. Впервые „заведомо неправый“ противник социализма имеет возможность высказать свое мнение на таком уровне:

„Струве. ...внутренняя сущность человека зависит не от обстоятельств, не от общественных условий, а от того, есть ли в нем высшее, духовное начало – 'царство божие внутри вас есть'. Пока человек сам не станет внутренне свободен, никакими революциями вы не сделаете его свободным. Начиная с декабристов и кончая вами, все русские революционеры были духовными братьями русской смуты, русского хулиганства. Потому что, возбуждая своими подвигами народ, они несли России одни только несчастья, ибо ничего, кроме кровавого бунта и кровавой расплаты за него, не породили. Вот где преступление русской интеллигенции, вот за что она должна принести покаяние... Истинное поприще русской интеллигенции не бунт и революции! Простите за библейскую мудрость, уверен, что это не ваш язык, но великий смысл, в ней заложенный, и вам открыться может: 'Не здесь мы, чтобы проклясть тьму, а чтобы возжечь светильник'!“

Струве о марксизме: „Я сам этим баловался, и я знаю, что говорю. Не для русской это почвы, она других семян жаждет, чистых, великорусских. Что, мы сами не можем придумать что-нибудь стоящее? Что, у нас нет, в конце концов, чувства национальной гордости?.. А верите ли вы, Ульянов, сами в то, о чем говорите? Верите ли в революцию, планируя ее самоотрицание? Обещаете народу демократию, хотя прекрасно знаете, что диктатуру пролетариата превратите в монополию на власть для одной партии, все остальные разгоните, печать запретите, террор развяжете, каждого мыслящего не так поставите к стенке...“

Так мы многое до сих пор прочитывали и рецензировали, вычлняя из шелухи и восторгаясь смелостью авторов – со скидкой на советские условия. „Частичная

правда“, несомненно, была бóльшей победой официальных литераторов над цензурой, чем эзоповский язык предыдущего поколения. Но, может быть, настают времена более строгого критерия? А именно: важно не только то, чтобы произведение возвращало нам частицы новой, хоть еще и неполной, правды, но чтобы автор не писал также заведомой неправды? То есть, не настало ли в СССР время критерия „жить не по лжи“, предложенного 15 лет назад Солженицыным?

Этому критерию произведения Шатрова, конечно, не удовлетворяют. Не только потому, что белогвардейцы у него готовы „сжечь пол-России и даже залить кровью три ее четверти“, „чтобы загнать стадо в стойло“, когда „на фонарных столбах закачаются Родзянки и Милюковы, Струве и Бердяевы“ (?! – такова программа генерала Корнилова в пьесе). Но и потому, что почитать Шатрова – так не было благороднее и искреннее демократа, чем Ильич. Тот самый, который, вспомним еще раз, – писал, что ради захвата власти „...надо пойти на все и всяческие жертвы, даже – в случае необходимости – пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытия правды“ (Ленин. ПСС, 3-е изд., т. 25, стр. 199).

В этих методах, как свидетельствует история, преуспели и Ленин, и все прочие „положительные герои“ шатровских пьес, начиная от железного Феликса и кончая „любимцем партии“ Бухариным – взгляды которого Шатров выдвигает как главное направление перестройки.

Но умолчание об истинном облике революции – очевидно, не злонамеренная вина драматурга. Избранная Шатовым область реформаторства – идеология и история режима – такова, что любое нарушение стереотипов здесь чрезвычайно болезненно для партии. Ибо с этими темами связана проблема обоснования самого права КПСС на власть. Партии, которую никто не выбирал, которая захватила власть силой и ее единственное оправдание этого – что она, якобы, владеет „единственно верным учением“. При таком условии официальные авторы будут вынуждены лгать на эти темы столько,

сколько эта партия будет управлять и театром, и средствами информации, и страной.

Большинство деятелей культуры, стремящихся вернуть Россию к общечеловеческой морали и здравому смыслу, утверждают эти ценности в своем творчестве, не обращая внимания на партию – будто ее не существует. Но учитывая, что партия отказываться от власти не собирается, может быть понятна и другая позиция, избранная Шатровым: он один из тех, кто взялся за грязную работу ассенизатора, надеясь переродить КПСС изнутри. Предопределено ли это биографическими особенностями драматурга (Шатров – племянник Рыкова, для реабилитации которого он приложил немало усилий)? Во всяком случае:

„Существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать...“ – эта цитата из „Дальше...“ о Гете, наверное, применима и к самому Шатрову.

Задача подобных внутрипартийных реформаторов сложнейшая: поскольку для излечения страны отказ от социалистической идеологии необходим, но по причинам легитимации власти – партия отказаться от социализма не может, реформаторам остается как бы вычленять из истории КПСС и из 55 томов Ленина некое положительное зерно, зачатки умеренной социал-демократии.

Откровенно об этом сказал в Мюнхене Марк Захаров, поставивший „Диктатуру совести“ в театре им. Ленинского комсомола: нужно „утвердиться в мысли, что могут быть альтернативы, ...многовариантность в историческом развитии. Нам это сейчас ...настолько важно, что я, понимая, что Ленин очень сложная, великая для нас фигура, я, честно говоря, об этом сейчас не думаю. Мне очень важно, чтобы Ленин нам помог, помог в том смысле, чтобы мы могли высказывать такую концепцию, как, например: разгром ленинского нэпа есть отход от неких ленинских заветов и позиций“ (интервью на радио „Свобода“, 29. 1. 1988).

Шатров – один из тех, кто пытается освоить совер-

шенно особый жанр политического искусства: не посягая на легитимацию власти КПСС, толкать ее на проведение „в рамках социализма“ по сути несоциалистических реформ, для чего социалистическую терминологию придется наполнять новым содержанием.

Этот жанр может быть оценен лишь с помощью специального критерия. Назовем его – и опять без Орвелла это сделать будет трудно – **критерием положительного двоемыслия**, то есть когда оно применяется не для укрепления тоталитаризма, а в целях обратного хода при его безболезненном демонтаже. Продемонстрируем, как Шатров делает это устами Розы Люксембург:

„Социализм без политической свободы – не социализм. Без свободы не будет ни политического воспитания масс, ни их полного участия в политической жизни. Свобода только для активных сторонников правительства, только для членов партии, как бы многочисленны они ни были, это не свобода. Свобода – всегда и единственно – для тех, кто мыслит иначе“.

Или устами Ленина:

„Браво, Роза! ...Если мы не вовлечем народ в управление государством, останемся властью для народа, а не самого народа, отдадим страну на откуп бюрократии, политику подменим политиканством, если будем как черт от ладана бежать от демократии, если класс будет подменен партией, партия – аппаратом, а аппарат будет смотреть в рот вождю и оригинальное, отличное от вождя мнение будет преследоваться как государственное преступление, если бурлящая жизнь будет убита страхом и заменена казармой, мы столкнемся с самым страшным вопросом: 'зачем?'...“

Вопрос, действительно, страшный – для тех, кто искренне верит в первоначальную нравственную посылку утопического социализма. И тот, кто сегодня пытается возродить эту веру, неизбежно должен возрождать этот страх перед неудачей воплощения „совершенных идеалов“ – из-за несовершенства природы человека. И прежде всего – несовершенства самих воплотителей. Сказался ли

подсознательно этот страх у самого Шатрова, когда он позволил в своей пьесе высказаться цитированному выше Струве? Да и шатровский Ленин от этого страха не избавлен:

„...даже нас, большевиков, людей одной партии, тоже разделяет в конечном счете отношение к народу... С трибун клянемся его именем, а в кабинетах делаем так, как нам удобно. Предпочитаем порядок, когда одни властно вещают, а другие смиренно внемлют. Кардинальный вопрос жизни партии будем решать в кругу партийных сановников, но только не с делегатами съезда, не с партийной массой, которую боимся. И человек в итоге – средство, а не цель. Вот что вас всех объединяет“, – упрекает Ленин своих соратников, которым предстоит пожить дольше, чем ему. „Социализм ли в таком случае мы строим или нечто такое, что противоположно его принципам и от чего человеку, боюсь, тошнехонько будет...“

Жаль, что Ленин по-настоящему задумался над этим только в 80-е годы в пьесе у Шатрова, когда „тошнехонько“ уже стало – поскольку построен „не социализм“, а „адская машина“ и „чудовищный клубок преступлений“ (Бухарин). Жаль также, что Шатров не заставляет никого из своих большевиков подумать о том, что же это за „единственное“ учение, которое чревато такими опасностями при реализации его принципов.

Подобных вопросов драматургу можно задать много, но все они окажутся, понятным образом, за пределами уставленного нами жанра. А за его пределами простор для оценки деятельности Шатрова большой. Кто-то, например, скажет: что все его ухищрения – отвлекающий маневр партии, и что преступная КПСС должна немедленно сдать власть народу. Или, что власть должна быть взята силой политической оппозицией. Все это, конечно, было бы неплохо. Но об этом в кругах политически мыслящей эмиграции всегда писалось достаточно, так что порою хочется посмотреть, что еще происходит в стане власти, помимо этих вариантов. Как себе представляют путь перемен и что для этого делают влиятельные люди типа Шатрова.

Мне далеко не все нравится в его пьесах. В них можно видеть несколько векторов, направленных под разными углами друг к другу. Однако перед их равнодействующей я, без всякого сомнения, поставил бы в сегодняшней ситуации положительный знак. Творчество Шатрова, как и многих других литераторов, размывает тоталитаризм в его эпицентре и расширяет сферу действия столь необходимого здравого смысла, который, независимо от замыслов партии, способен придать обществу самостоятельную логику развития.

Жаль только, что Шатров не пользуется сильнейшей стороной влияния искусства: недостаточное внимание уделяет художественной глубине содержания своих пьес. Наверное, даже политический театр на злободневном (и особенно историческом) материале может касаться „вечных“ проблем человеческого бытия. В любой политике множество таких антиномических противостояний: власть – и право, индивидуум – и коллектив, свобода – и дисциплина, благородство цели – и моральные компромиссы в ее достижении. Как раз на примере партии, объединившей в сложной взаимозависимости утопистов и преступников, можно было бы наиболее ярко выявить и сокровенное содержание истории: борьбу между добром и злом в ее метафизическом смысле. Ведь смог же Орвелл в „1984“ именно на этом уровне художественными средствами дать глубочайшее постижение явления тоталитаризма.

Этой метафизической глубины и близости к вечности театр Михаила Шатрова лишен. Видимо, прежде всего потому, что в ощущении проблематики перестройки драматург не только терминологически, но и **мировоззренчески** не выходит за узкие рамки трактуемой по-новому все той же материалистической идеологии* И в этом для

* В этом отношении трактовка Шатровым революции уже и в официальной печати оказалась обойдена ходом событий. Так, В. Кожин в «Нашем современнике» (№ 4, 1988) впервые сумел указать на идеологическую запрограммированность и неизбежность многомиллионных жертв большевизма как всемирного явления истории (в том смысле, в каком о социализме писал И. Шафаревич).

Шатрова, кажется, больше всего таится опасность неудачи его стремления к справедливому, здоровому, духовно полноценному обществу. Ведь, чтобы социализм развился (как того хочет Шатров) в этом направлении, ему необходимо отказаться от примитивных мировоззренческих представлений о сущности человека, общества, истории, бытия. Но этот примитивизм – не „ошибочное отклонение от принципов социализма“, а его суть: когда абсолютизированы материально-социальные процессы и провозглашен их примат над духовными.

В этой ограниченности постановки проблем Шатров более всего проявляет себя как истинный социалист, пытающийся налить новое вино в старые мехи. Может быть, сам не сознавая этого? Ибо – вспомним еще раз цитату – вынужден существовать в своей жизненной среде и „быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать...“

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

ЛЕВ

01 АГНИВЦЕВ Н. – „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ – Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. – Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. – Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. – Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. – Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. – Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. – Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. – Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. – Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. – Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. – Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. – Шалапин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. – Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. – На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. – За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. – Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. – Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. – Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. – Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. – Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. – Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. – Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. – Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. – Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша – Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша – Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша – Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша – Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. – Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. – Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ – Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

CHOCHOLOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

В. В у л и ч

Миф Бориса Хазанова*

„Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви“.

А. С. Пушкин, о книге Радищева.

„Правду нельзя и узнать, если ее не любить“.

Паскаль, „Pensées“.

1. Сотворение мифа

Разметало нас по Европе, по всему свету. Но европейцами мы не стали. Чем-то неуловимым мы отличаемся от аборигенов. Может быть, у нас менее контролируемы движения, выражения лиц, интонации?

И мы всюду чужие. Где бы мы ни были, даже если абсолютно „solo“ мы образуем остров. Такова судьба эмигрантов. Необитаемый остров, если „solo“. Или — „Остров погибших кораблей“. Кораблей с оборванными парусами,

* Б. Хазанов, „Миф Россия. Опыт романтической политологии“. Liberty Publishing House, New York, 1986.

обломленным бушпритом, оборванным такелажем, пробитыми бортами и трюмом. Мы слишком долго плавали.

Но вот, в какой-то „полдень лучезарный взвивается струйка дыма“, и в поле зрения — новый кораблик, кокетливый и нарядный. „Вот он, белоснежный, гордо входит в гавань“... Глаза жадно устремляются на него. На борту читаешь, красивой славянской вязью: „Миф Россия“. Смотришь на флаг-мачту, ищешь знакомые три цвета. Но... флаг этого корабля — густо черный!

*

Гордишься каждым талантливым человеком, выходцем из России. Среди „жрецов бессюжетных романов, без знаков препинания и диалогов“, всякая хорошая, тонкая проза радует глаз. К этой категории относится проза Б. Хазанова. Интерес к Борису Хазанову основывается, прежде всего, на его „русско-интеллигентности“, на живости его мыслей и суждений. Потому что для русского сердца нет ничего милей одухотворенного ума. Кроме того, в памяти хранится приятное воспоминание: есть у Бориса Хазанова изумительно-хорошая статья: „Опровержение литературы“. Помимо ее общего глубокого смысла, подкупают тонкие замечания о языке, „добропорядочном“ синтаксисе, о „салоне“, в который приглашал читателя классический роман, в противоположность сегодняшнему „вертепу, наполненному сбродом“; и в ней есть, в самом построении ее, идеальная уравновешенность композиции.

Я иногда перечитываю эту статью, как слушают музыку. Или, как образец, как нужно писать.

Но есть один абзац в этой статье, может быть как раз ее лучший, который вызывает замечание. Это абзац о времени. В „концентрате“ это звучит так: „Действительность — это воспоминание Бога о мире. Время для Него течет наоборот“. Мысль — нравится. Однако: удивляет пафос первооткрывателя. Вопросу времени посвящена огромная литература.

О времени у св. Августина, в „Исповедях“; Т. С. Эллиот писал (почти дословно, у Б. Хазанова): „Настоящее и прошлое, вероятно, присутствуют в будущем, а будущее уже было в прошлом“.

Занимались вопросом времени также такие небезызвестные люди, как Ньютон (в своих „Принципия“), Лейбниц; астрономы Эддингтон и Джинс, Фламарион (в „Рассказах о бесконечном“), Метерлинк (в „Жизни пространства“). Метерлинк писал о вечном мировом настоящем и о расширении мига настоящего в бесконечность прошлого и будущего. О времени – в книге „Населенная вселенная“, Гэтленда и Демпстера. Да и Гете, со своим „Вечно повторяющим себя в бесконечности“, что Шпенглер взял в качестве эпитафии к „Закату Европы“, – говорит о том же.

Б. Хазанов повторяет уже сказанное. И это же делает он и в „Мифе Россия“. Все, что он говорит в этой книге – существовало на рынке давно, было уже бесконечное количество раз сказано, – и по большей части даже „хором“, то ли историками определенного направления, то ли людьми определенного лагеря.

Но, в соответствии с монументально-многообещающим названием, „Миф Россия“, и с литературным талантом автора, от книги ждешь многого. Блеска глубоких психологических оценок, прежде всего.

Тем более поражает некий мелкий искусственный пруд, искусственная заводь разбираемой книги. Вам преподносится „menu-fix“, из ставших уже „ширпотребом“, затрепанных от постоянного цитирования, Филофея, Чаадаева, Радищева, „заезжих иностранцев“, Печорина и т. д. Весь „золотой набор“ старателей этого жанра, употребляемый как ключи-отмычки к „загадкам русской истории“.

Борис Хазанов – в двойной роли: историка и художника. Для русского искусства характерно, что в нем человек больше Мастера. И здесь: Хазанов-человек командует мастером.

Безусловно, хорошее рассыпано и здесь: „Радио говорило по-русски, и на лацканах у служащих красовалась

эмблема Аэрофлота; граница летела вместе с нами“; „...странное чувство свободы и потерянности, что-то похожее на невесомость“. „Вождь унес с собой рецепт бессмертия...“ „Испустил дух Великий Портрет“. Хороши „орвелловские“ страницы. („Суть состоит в отсутствии сути. Смысл порядка — сам порядок“).

Но вот тут обнаруживается (в отличие от Орвелла), что вместе с Вождем испустил дух и народ! И приходит четкое ощущение „нерусскости“. В целом, проза этой книги не-русская и в том смысле, что она крайне рассудочна и предельно конструктивна. В ней точно взвешено, вымерено, попробовано на вкус каждое слово. Кропотливая лабораторная работа. И даже — работа алхимика.

Мысль „полетная“ сильно отличается от мысли „лабораторной“. Вырисовывается и точный, кропотливо созданный план. Вам показан высокий, до неба, карточный домик. Потом на него дуют, — и он рассыпается, лежит грудой плоских кусочков картона, на каждом из них — клочок русской истории, и каждый пронизан черной, заговоренной пулей. Совершив „колдовское“ дело, Б. Хазанов, как колдун из „Страшной мести“ Гоголя, взвивается в поднебесье (хотя и не на коне, а только на прозаическом самолете Аэрофлота).

На приеме у психиатра имеешь смутное ощущение, что он знает о тебе что-то такое, чего ты сам о себе не знаешь. По этому принципу построена книга. Твоя прошлая судьба, во всех превращениях, известна автору на десятки поколений назад.

Какие великолепные воздушные мосты перекидывает Б. Хазанов прямым от русских **генов** к коммунистическому режиму! Это — метод и практика создания Мифа России.

*

Юнг доказывал, что миф абсолютно реален, что он построен из психологических элементов, которые сами по себе доказывают онтологичность разбираемого события

или лица. В мифе возможное на равных правах с действительностью.

Однако в числе значений слова „миф“ есть и другое: просто выдумка. По грустной аналогии, вспоминаешь книгу нацистского идеолога А. Розенберга — „Миф XX века“. Содержанием этого мифа было высокомерное надругательство над Россией, ее историей и культурой. Аналогия эта всплывает в мозгу не случайно. Книга Б. Хазанова во многом напоминает книгу Розенберга.

Книга состоит из „от Орвелла“ и „от себя“. Кто может не согласиться с Орвеллом? Но, вот, с Б. Хазановым — не соглашаешься. Прimitив народ, примитивная не-история, примитивная не-жизнь. Недаром, Кораблик был — под черным флагом...

Наряду с огромной темой России, на равных правах обсуждается „трепет забот эмигрантских“, паспортная система... Это напоминает софизм об Ахиллесе и черепахе...

*

„На Западе прозвучал чистый, как хрусталь, голос Паскаля, сказавшего: Все наше достояние — в разуме. Будем стараться правильно мыслить, вот основа морали“, — пишет Б. Хазанов.

И вот именно, с **этой** точки зрения будем рассматривать книгу Б. Хазанова. Но до того вернемся на миг к Паскалю. Эта глава у Паскаля предписывает рассудку совсем другие правила, нежели те, которыми пользуется Б. Хазанов. И его монополия на мудрость представляется (рассудку же!) крайне уязвимой. Кажется, что Б. Хазанов пренебрег мыслями Паскаля о **порядке и границах** рассудка и оттого он непрерывно повторяет ошибку, которой Паскаль ни при каких условиях не допустил бы, — смешивания причины и следствия. „Правда в наше время настолько затемнена, и ложь так широко распространена, что правду нельзя и узнать, если ее не любить“, — пишет Паскаль. И еще: „Христос и св. Павел обладали порядком Любви, не рассудка. /.../ Так же и св. Августин“. И еще:

„Сердце имеет свое понимание, которого рассудок не знает. Бога чувствует сердце, не рассудок“.

Книги и работы сорта „Миф Россия“ — все однотипны, конвейерны, одинаковы и повторяют одна другую до мелочей. И воспринимаются они как что-то вроде „solo на тромбоне“, притом в диапазоне одной октавы. В изумлении стоишь перед грудой обломков, на которые разбивают Империю, тысячелетнюю историю, народ, полную страданий жизнь, возникновение и цветение идей; Небо и Землю. Все атомизировано, удушливая пыль мешает дышать и застилает глаза.

„Миф Россия“ — не книга, разоблачающая коммунизм. Но — обвинение исторической России. При этом, обвинив во всем Россию, не только снимается ответственность с главных виновников, но и предоставляется **алиби идеологии!** И она может спокойно сидеть, болтая ногами и посмеиваясь, и готовить атаку на следующую жертву. Очередь, кажется, за Латинской Америкой. Но и в Европе дело найдется!

Либеральная Европа флиртует с марксизмом, сдувая с него пушинки, и ни в какой мере не делает его ответственным за свершающуюся у всех на глазах гибель мира. Да и Б. Хазанов, приехав на Запад и поразившись цветению марксизма в европейских „умах“, глубокомысленно замечает: „Возникает странная мысль, что само по себе „учение“, может быть, вовсе ни при чем: его роль свелась к артикуляции того, что было первичным по отношению ко всем теориям“.

2. Увлечение словом

„Быть писателем — значит представлять и защищать человеческое достоинство“.

Б. Хазанов.

Увлечение словом, в плане какой-то заданной предвзятости, заводит писателя в опасные места, где, как

совершенно естественная реакция на принуждение текста, испаряется смысл.

Вспоминается, из начальной еще школы: магдебургские полушария, торичеллиева пустота... Из сферы выкачан воздух, и полушария держатся вместе только давлением извне. Подобно этому, и многие образцы сегодняшней литературы. Искусно локализованная пустота. В давлении же извне недостатка не ощущается, поскольку творит эту литературу — целая армия!

В „Мифе Россия“ множество примеров такой пустоты, где мысль, странным образом, превращается в свою противоположность. Где коэффициент выразительности слов, внешне ловко подогнанных, и держащихся вместе, на деле — нулевой. Это совершенно **удивительные** конструкции, где слова не соответствуют своим смыслам, и где нет ни одного слова правды! Чтобы не было голословным, возьмем один абзац: „От растительного существования страна переходит к временной утопии./.../ время вождей, потрясающих кулаками, и ответом им служит **согласный** гул толпы... **Восторг сотрясает массы(!)**“. „На три, на четыре десятилетия гигантское неподвижное царство охвачено лихорадкой строительства /.../ Но на полпути к земному раю силы оставляют измочаленного гиганта, и он вновь впадает в оцепенение. И снова до чуткого слуха Европы (!) доносится могучий храп... Между тем, утопический потенциал медленно копится в мозгу погруженного в летаргический сон (!) народа“.

„До чуткого слуха Европы...“ „Могучий храп...“ Вспоминается описываемое время. Это было время, когда вся Россия была **поднята на дыбу**, и была сплошным сгустком боли! В XIV веке „черная смерть“ за короткое время выкосила в Европе 35 миллионов человек. И, вот, такая же „черная смерть“ — бушевала над Россией три четверти века... И предсмертные стоны десятков миллионов ни в какой, самой игривой метафоре, нельзя представить как „могучий храп“. Соответственно истине (и человеческому достоинству, заботливо прописываемому Б. Хазановым писателям!) нужно было бы написать: „До нечуткого

слуха Европы, предсмертные стоны десятков миллионов не доходили...”

Вспомним, **об этом времени**, у Ахматовой, — как „...кричит стомильонный народ...“ И — „Звезды смерти стояли над нами,/ И безвинная корчилась Русь,/ Под кровавыми сапогами,/ И под шинами черных марушь.“

Называть же это — „могучим храпом“ — в лучшем случае, стиль дешевого конференсье, развлекающего публику на концерте самодеятельности.

А вот, „романтико-политологическая“ история марксизма, детища **русского народа**: „Так, вперемежку с обломками иудео-христианской мифологии, родилась новая **русская утопия**, захватившая значительную массу населения бывшей Российской Империи, утопия, которая ослепила, ужаснула, очаровала, загипнотизировала чуть ли не весь мир“.

„Вражду к культуре можно считать специфически русским явлением“. И „...духовная культура России кажется фантомом, искусственно навязанным этой стране“. В этом свете — ценное свидетельство: „Когда, вскоре после революции, еврейского поэта Бялика, выехавшего в Палестину, спросили, что произошло в России, он ответил: ’Ничего особенного; хазир (боров) перевернулся на другой бок’ “. За этим следует авторский вздох: „В этих словах не было ничего, кроме усталого неверия“.

Не шедевр ли? „Мы наблюдаем воистину апокалипсическое зрелище: бессознательное целого народа становится его исторической действительностью“.

А вот, такая же фальшь во фразе: „Через семь десятилетий после революции люди отдают себе отчет в ее неудаче“. (Тугодумы же эти люди!). Во фразе, что ни слово — то фикция! И о семи десятилетиях, и о „неудаче“ (это ведь смотря для кого!), и формулировка „отдают отчет“. Народ „отдал отчет“ несколько раньше, с самого начала (не считая всех тех, кто вместе с „отчетом“ отдал и жизнь...). А для устроителей этой революции она не была неудачей. Плодами своей в ней победы они пользовались десятилетия. И может быть, что и дальше было бы так,

если бы Chief Salamander, страдавший, как известно, некоторой подозрительностью, не усмотрел в конце 40-х годов у своих верных слуг и исполнителей скрытого лукавства, и, в соответствии со своей благородной натурой, не предпринял энергичных шагов к мести. Что и разрушило многолетний гармонический статус кво... Именно с тех пор, устроители, создатели и поддерживатели режима начали его ругать...

„Всякое покушение на государство, даже извне, встречает единодушный отпор“. Как видно, события Второй мировой войны, добровольная сдача в плен миллионов и Власовское движение бесшумно прошли **мимо** внимания Б. Хазанова...

Такая небольшая частность русской истории, как татарское нашествие, описана с элегантною легкостью: „Русская равнина поглотила энергию завоевателей (почему-то равнине для этого потребовалось триста лет!), и татары повернули коней у самых рубежей Западной Европы“. „Поляки, а за ними французы, завязли на грязных дорогах... немцы утонули в снегу“. Как просто: русская равнина поглотила... А миллионы убитых, захваченных в плен, проданных в рабство? А выжженные города? А битвы? А невероятное напряжение и **сплоченность** народа, во всех случаях нашествий? Но — России ведь не полагается иметь **историю!**

*

„Мировоззрение Ленина...“ Невольно спотыкаешься об эту формулировку. **Было ли** у Ленина именно мировоззрение? Есть ли мировоззрение у парового котла, у колеса, у пружины? Маниакальное мышление доктринера — очень далеко от мировоззрения. Это работа двигателя внутреннего сгорания.

Зато, о людях истинного **мировоззрения** у Б. Хазанова поразительные откровения, читая которые испытываешь даже неловкость. Роман Достоевского, пронизанный провидениями, символами и молниями, почти на сто лет

предвосхитивший гениальную оценку происходящего в мире Орвеллом, охарактеризован как работа человека, „наделенного крайней подозрительностью“.

Интересна и свободно-непосредственная оценка Н. Федорова. „Нечесаная борода, маленькие глазки, но сумел увлечь Л. Толстого, Вл. Соловьева, Достоевского“. Дальше Н. Федоров эффектно представлен стихийным материалистом, вульгарным позитивистом.

*

И, в заключение, прощальный привет бывшим соотечественникам, среди которых, возможно, были и друзья. Отзыв о русском народе: „Тот, кто жил в России, мог заметить черту, характерную для многих, живущих там. Ее часто описывали, как антибуржуазность и широту характера /.../ Какова бы ни была мера правоты /.../, черта эта подкупает и пугает одновременно. Иногда вы можете уловить в выражении глаз какую-то сумасшедшую искру: это она. Я бы назвал ее душевной, а также духовной интеллектуальной недисциплинированностью, внутренней растрепанностью, душевным хаосом“. И, как следствие, все эти качества заставляют людей видеть в коммунистическом государстве единственный гарант своего благополучия, т. е. спасения от собственного хаоса. И здесь-то и приходит на помощь русскому — **утопический потенциал**... Получается цельная, закругленная психологическая теория. И можно только удивляться, как русский народ жил до революции без всех этих сложных комплексов... И никто (даже маркиз де Кюстин!) не замечал у этого народа „сумасшедшего блеска в глазах“.

В целом же, все характеристики русского народа в книге представляются, как попытка выжать еще каплю крови у убитого.

Страшная забава.

3. Алиби идеологии

„Силовые поля, созданные нашим госу-

дарством, тяжелая, в триллионы тонн масса его, сверхужас и сверхпокорность, которые оно вызывает в человеческой пушинке, таковы, что делают бессмысленными любые обвинения против слабого, незащищенного человека“.

В. Гроссман, „Все течет“.

Б. Хазанов выступает в роли рецензента сложной и трагической Истории. Автора охватывает „неодолимое искушение, напоминающее искушение Христа(!)“, поднявшись над историей, окинуть ее всю единым взглядом. И он „отчетливо различает вектор и некую логику“.

История — как узловое письмо. Но чтобы его верно понимать, нить должна быть непрерываемой, и без искусственно добавляемых или заменяемых узлов. В советской школе нам, для уяснения „истории России“ (где тоже определяли и „вектор“, и „логику“...), был дан в пользование лаконичный серенький обрубок, — „Краткий курс русской истории“, Покровского. Она начиналась с „пролетарской социалистической революции“, и ею же и кончалась. В однозначности простоты, нам давалась глыба-данность, которая, невероятной тяжестью своей навеки придавливала нас к определенному нам историческому месту, лишая возможности и движения, и дыхания. Станным образом, русская история Б. Хазанова, по эффекту напоминает ту светло-серенькую книжонку, на газетной бумаге тех бедных лет, по которой наши неискушенные школьные головы должны были уяснить, кто мы, и откуда, и почему все было так горько-неуютно и страшно вокруг. Хотя, по характеру, эти две книги совершенно различны: первая была учебник, правила поведения в новом обществе, написанная лакеем, вторая — психолого-историко-философский трактат, написанный человеком высокого интеллекта. Из этого трактата нам предлагается понять, кто мы, и откуда, и почему все так горько-неуютно и страшно вокруг.

„Исторический телескоп“ можно регулировать на предельное приближение, или отдаление. Соответственно, получаешь картины в крупном плане, или вид общий, но уменьшенный. Кроме того, в истории надо воспринимать **процессы**, которые совершенно не укладываются на неподвижные и плоские координаты эвклидова мира, но представляются элементами мира не-эвклидова, проекциями на несущиеся кривые поверхности: жизни, психологии и т. д. Это сложные процессы, при участии существований, воли и действий людей; психологии, в соединении со временем, как полем действия. И, при этом, все пронизано иррациональным, — и время, и человек, и события. И особенно это важно для понимания истории наших дней.

Что, однако, бросается в глаза, когда закрываешь книгу? Может быть, четко-говоряще, в „опыте романтической политологии“ Б. Хазанова, **даже** не то, что он говорит, а то, о чем он „говоряще“ умалчивает, где он слеп, глух и забывчив.

Можно ли, во взятой здесь теме, обойти всю предреволюционную историю с начала века, войну и революцию, гражданскую войну, становление коммунистического режима?

В сценарии убийства России — отсутствуют убийцы, довольно важные действующие лица..

Часть книги — была бы совершенно приемлема, нужна и оправданна. Это часть, которая написана в орвелловских тонах, критика идеологического строения, речей вождей, их бессмысленности. „Суть состоит в отсутствии сути...“ „Смысл порядка — это сам порядок“. Что касается последнего — верно. Но что касается сути — то ее даже переизбыток, это невероятно сложное идеологическое построение, на службе у закабаления, порабощения народа. Что цитаты из классиков марксизма-ленинизма „принимают вид священной абракадабры“ — тоже верно. И вполне в духе Орвелла. Но что „это сакральный язык, и этим ограничивается его функция“ — неверно. Функция его гораздо шире. Она заключается в поддержании Сути, и вывихивании мозгов, в переделке самого сознания чело-

века (об этом — еще у Троцкого!), планомерном и действенном, ведь он имеет не только гипнотическую силу, но и полномочия категорического императива!

Повторяя (творчески и талантливо) Орвелла, автор был бы очень силен, если бы все время перо его не соскальзывало, и не смешивались: причины и следствия... Образцы: „Провозгласив общественный труд почетной обязанностью всех граждан, государство превратило его в позор и проклятие. Учредив тотальный надзор за людьми, оно лишило общество последних остатков солидарности и уничтожило само общество. Объявив родину ценностью, оно превратило ее в тюрьму“. Все верно. Но все это — следствие Причины.

В этом постоянном убегании от причин делается абсолютно **беззвучным** поставленный автором вопрос: „Если представить себе некоторое высшее и беспристрастное судилище — кого мы посадим на скамью подсудимых?“ А есть такое понятие в юстиции: „*autog moral*“.

„Тоталитаризм превращается в образ жизни...“ Да, верно. Но и это ведь — следствие!

Самое лучшее в книге — замечание: „Тоталитаризм — по ту сторону...“ То-есть, признается его метафизический характер, что и составляет его подлинную суть.

Кажется, на миг, что правда у Б.Хазанова на языке: „Опыт нашего века говорит нам, что ложь, страх и насилие, когда они пользуются современными средствами массовой индоктринации и новейшими методами подавления, способны творить чудеса“. Но это правда, „случайно сорвавшаяся с языка“. На этой высоте автор не удерживается. Не эту частоту выбирает он для эмиссии. Как бы сожалел о сказанном, он добавляет: „Мне хотелось бы только предостеречь от упрощений“. И возвращается на ложный путь.

Только сравнить! Металлический лязг, железный скрежет точных формул Орвелла: „Власть не средство, она — цель. Революции совершают для установления диктатуры. Чтобы предотвратить равенство людей, чтобы Высшие могли оставаться Высшими навсегда“, с фразой

Б. Хазанова: „Суть — в отсутствии сути...“, и вы видите формулировку Хазанова легкой, как перышко колибри, которым можно, разве что, пощекотать. Это — облегченный Орвелл. Чеканные формулировки Орвелла представляют финал продуманной работы анонимной дьявольской организации „интеллектов“, в циничном использовании психологии и слабостей человека. У Б. Хазанова скетч, разыгранный на подмостках, сооруженных на головах русского народа; прошедшего „все круги“, но, к удивлению автора, каким-то таинственным образом еще дышащего. Глава так и называется: „В посрамление семиотики“. По всем признакам, больной давно должен был окачуриться.

И, при всем вышесказанном, **психологически центрально**, что „Миф Россия“ — позиция Б.Хазанова, а не оценка...

Эта книга поражает какими-то идеально отшлифованными поверхностями исторических категорий и преемственностей. Как „хоры стройные светил“ выстраивается „исторический поезд“ Б. Хазанова. Даже церкви и соборы рушатся сами, бесшумно, при молчаливом одобрении народа. Все участники русской истории у Б. Хазанова в абсолютно чистом виде. Химически-чистая интеллигенция, сумрачно-тупой народ, безблагодатно-темное христианство, идеальная слаженность predetermined национальным характером событий... Законченная простота сложности: злокачественные гены русского народа, совершенно логически, даже несмотря на отсутствие истории, расцвели тоталитаризмом. И сам народ исчез в социальной метаморфозе! (Не в братской могиле — земляной, голодной, алкогольной безвыходности отчаяния, но в естественном вырождении. К тому же — вырождению заслуженном).

Включая главы „Реквием по исчезнувшему народу“ и „Воскресение интеллигенции“ — все это какой-то абсолютно частный (хотя и общий для известного лагеря!), и стерильно-оперативный подход к описанию русской истории. Даже, как будто, и не имеющий себе

равных по психологической незамутненности.

Не смущает возникновение подобного же строя в других местах. Тайнственное бытие Идеологии, как и деятельность тех, кто привел к ее владычеству, замалчивается и добродушно игнорируется. И, наоборот, повторяется без конца заезженный текст лозунга, что советский режим только копия деспотического русского прошлого. И это выглядит безответственно и страшно, как спички, зажигаемые на бочке с порохом.

Псевдорелигия, угрожающая сегодня миру и свободе, одна. Та, которая была заброшена в Россию, искалечила ее, и теперь угрожает самому своему источнику.

Весь Ленин вырос на Марксе. И никто не может отрицать, что Маркс — целиком европейский мыслитель. И, к слову! — „учение“, выросшее из этого интеллектуального союза, учение, которым нам забивали головы (диамат, диалектический материализм!), в своей сути совершенная логическая ересь, доктринальный урод. Потому что каждая диалектическая философия, по своей сути, противостоит каждому материализму. Марксизм — доктрина религиозная, хотя построена она на отрицании религии, а прокламирует себя в терминах экономики, социологии и философии.

4. Ист ория

„И взял Давид венец царя их с головы его /.../ а в нем было золота талант и драгоценный камень — и возложил его Давид на свою голову, и добычи из города вынес очень много... А народ, бывший в нем, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими“.

2-я Книга Царств; 12:30,31.

„Укрывшийся от палящих лучей истории, немецкий историк Себастьян Гафнер доказывает, что революция ничего не меняет“. (Слава историку!). Это мнение вполне совпадает с мнением автора „Миф Россия“.

Само отношение к русской истории — инструмент политики. Главное в книге — обвинительный акт России и русским. „Существующий режим есть порождение русской истории, помноженной на национальный характер. Всякий народ достоин своего правительства, следовательно, русский народ **заслужил** то, что с ним сделали“. Как говорится, коротко и ясно! Трагедия предреволюционной России. Измены, интриги, заговоры, чехарда министров, фатальное поведение Государя.

Но и это все не свалило бы Россию, если бы за этими выстрелами в спину не стояла сама Идея разрушения! Активнейшая, организованная и щедро оплачиваемая пропаганда развала. Еще в русско-японскую войну финансировалось поражение России. Еще шире финансировалась революция 1917 года. В 1945 году, немецкие архивы попали в Англию, где были изготовлены микрофильмы, ставшие предметом изучения группы исследователей в Georgetown University. Сегодня известны не только имена всех „связных“, но и размеры всех сумм, полученных Лениным на проведение революции в России.

Плавают Б. Хазанов в светлых интеллектуальных водах над политикой! А вернуться надо к рубежу: 1917. Когда настало господство организованных (до зубов) профессиональных революционеров. Неверно говорить о „рухнувшей“ цивилизации, как это делает Б. Хазанов. Надо говорить о цивилизации **разрушенной**! Тотальный террор, убийство нации, интернациональное засилье в правящих кругах, физическое уничтожение народа. Губили и науку, но в первую очередь лучших, всех, кто мог мыслить, сопротивляться, имел характер и смелость. Уничтожители были психологами, и мастерами растления. Они знали, что в революции освобождается все накопленное подспудное зло, которое есть в каждой стране. И что есть в человеке мутная субстанция, которую можно

использовать, чтобы залить ею душу. Террор же был в феерическом разнообразии сортов. Чего стоит только приказ Троцкого: „Изрубить саблями заложников, но так, чтобы не затрагивать головы“... Или „предложение“ Зиновьева (не моргнув глазом!) уничтожить десять миллионов человек! Что постепенно и привели в исполнение.

Россия не знала о таких судьбах. Эти судьбы штамповались в орвелловском Министерстве Любви, теми, кто его создал. И совершенно ясно, что без полного подавления общества, система не могла бы существовать. Оружием же, употребленным для приведения России в полный упадок, было: социальный регресс во всех областях жизни. Агрессивный утопизм преуспел в захвате власти над полнотью дезорганизованной массой, в силу целого ряда причин. Главной из них была война с ее разгромом. Именно сюда включилась Организация развала: пропагандой на фронте и в тылу и т. д. Все это сегодня хорошо известно и документировано, так же как и то, кем оплачивались всяческие „окопные правды“. А после прихода к власти, программа этих „рыцарей“ везде одна: обезглавить саму нацию, зажать в тиски террором и уничтожением физическим. Повалить все, что было национальной основой, в первую очередь, религию. Заменить национальное мироощущение интернациональным. В наступившей эпохе революционного террора „ленинские нормы“ стали стандартом: с расстрелом заложников, потоплением барж с заключенными и т. п. Если бы кто-нибудь из русских царей отважился на подобное, даже в отношении злейших врагов?! Какие крики потрясли бы мир! А здесь проходило все „тихо и гладко“.

Бессильна-беспомощна ирония Б. Хазанова насчет „импортной идеологии“, о чужеродной, разрушительной силе коммунистической власти, о заговоре и насилии, о разрушении русской культуры. И здесь представляет он свою позицию: „Любить Россию, ненавидя ее (!), бесконечно труднее, чем любить **воображенный** народ, ненавидя **придуманное** метафизическое зло“. „Нам разъясняют, что русский народ попал под иго коммунистов/.../, что

некая, чуждая России власть поработила страну, подобно иностранному завоевателю“. Понятно, это — в ироническом ключе! Б. Хазанов объясняет коммунизм в России неким острым психозом. В другом месте говорит даже о „трехфазной шизофрении“, кончающейся распадом личности. „Пациент живет внутри созданной им системы бредовых идей и представлений, как живут в доме, построенном своими руками“.

Интересно, как объясняет Б. Хазанов, что все ключевые позиции власти в стране были в руках малой этнической группы, ни к народу, ни к стране, ни к ее истории никакого отношения не имеющей? Это подтверждается простой статистикой. Но статистика не интересует автора „Мифа России“. Его книга — „опыт романтической политологии...“

В заключение своей истории „Россия проваливается в тартарары“ (Хазанов), но „история СССР всего только эволюция государственного мифа“ и особенно это доказано „блестящей победой марксистско-ленинской идеологии“ (заложенной в русских генах). И вообще, Россия просто нечто вроде... динозавра (!), здравствующего, вопреки преклонному возрасту.

Новый порядок Б. Хазанов называет охлократией. Но, только, — правила ли „чернь“ хоть один день? Единственный пример — ленинская гипотетическая кухарка.

„Русская“ революция 1917 г. не только не была русской, но была совершенно открыто импортирована. И разрушение культуры входило в ее план. Б. Хазанов пишет: „Духовный стандарт общества упал так низко, что страна стала напоминать древнюю империю, завоеванную варварами, этими варварами, однако, были ее собственные дети. Руины взорванных и загаженных церковей выглядели последними полумертвыми свидетелями рухнувшей цивилизации /.../ Ничего не осталось от изумительного искусства, от оригинальной философии Серебряного века. Не было больше ни творцов, ни потребителей этой культуры“. (Здесь правда. Всех перебили!).

Но как расплывчато... Взрывали храмы... Кто? Почему?

Например, храм Христа Спасителя. Может кто-либо поверить, что этот храм, гордость русской истории, был уничтожен по воле русского народа? Храм, построенный на народные деньги, в память победы в Отечественной войне!

Писать о нынешнем бескультурье несложно. Но почему бы не написать правды о **разрушении** культуры? О разбазаривании Эрмитажа, Публичной библиотеки, и больше: об изъятии русских классиков из всех библиотек России? Об истреблении неимоверного количества ученых и мыслителей. Или Б. Хазанов об этом не знает? Разгром библиотек проводился под руководством Крупской... Неужели, кто-либо может верить, что все это проводилось по воле русского народа?!

*

История — есть история. Ее нельзя сделать небывшей. „Есть такое мнение, — берет быка за рога, с первых же строк, Б. Хазанов, — об инородцах“. Есть. И не только „мнение“, но и переизбыток фактов. „Стремительность крушения не перестает озадачивать... Тысячелетнее царство **внезапно** проваливается в тартарары“.

Как известно, последние четверть часа решают исход боя. Известно признание Ленина, что „бой“ был выигран благодаря активной помощи евреев. „Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа, и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы“.

Волна, на гребне которой были „профессиональные революционеры“, прибыла из Америки, чтобы возглавить собой исключительной силы разрушительное движение, подготавливаемое давно. „Духовными вождями“ его были революционеры-евреи.

После революции евреи стали правящим классом России, занимая все ключевые позиции. Двухсотмиллионной страной правило трехмиллионное этническое меньшинство. В 1933 г. еврейская газета «Jewish Chronicle» опублико-

вала данные, по которым одна треть всех евреев в России занимала официальные должности в правительственном аппарате.

Азиатские черты установленного в России режима принадлежат не русскому народу, но тому народу, который революцию запланировал, возглавил и провел. Эти черты были еще более развиты в последующем существовании нового государства.

Б. Хазанов пишет: „Русская история сбивает с толку ученого... мистифицирует самый трезвый ум“. И оттого растерявшиеся „ученые“ представляют суррогаты идей как истины? Отходят куда-то на задний план страшные картины трагедии и мученичества народа, и над ним производится даже и скорый, и примитивный суд. Вроде, как пресловутой „тройки“... (тоже — „наследие старой России“?).

И вот, читаешь эту бойкую „романтическую политологию“ и представляешь себе автора, как он ее пишет, со включением всех интеллектуальных сил, с ясностью и душевной легкостью, и даже с юмором. Особенно хорошо подобран иронически-шутливый, добродушный, почти веселенький эпитет „назадачливый“, в фразе: „Можно было убить незадачливого монарха и его семью... А русскую историю победить нельзя“... Все поднимается, сколько ни вали, как Ванька-Встанька. Из любой ямы, грязи, из немеряной крови.

„Можно было убить...“ Как бегло, в одну строку. **Кому** можно? **Как** убить? Иной раз, чем яснее лоб, тем страшнее написанное...

*

Французская революция 1789 г. дает нам ключ к раскрытию тайны. Она связующее звено между английской революцией 1640 г. и русской 1917-го. Все эти три революции, ступени одного процесса. После подавления французской революции Европа тайно кипела в подготовке новой революции. Луи Блан был прообразом Ленина. А с

середины 1840-х гг. на сцену выходит К. Маркс. И марксизм становится общей политической стратегией в „искусстве“ захвата и удержания власти.

Тоталитарное государство — интернациональное творение Запада. Достаточно прочесть хотя бы „Левиафан“ Гоббса, написанный еще в 1651 году. У Гоббса: абсолютная власть государства, постановления государства не подлежат никакой апелляции, государству принадлежит контроль над общественным мнением. Государству подчинена и церковь. Это ли не прообраз тоталитарного государства?

Новое государство СССР стало не государством диктатуры пролетариата, но диктатуры идеологии при посредстве партии. Кто-то сказал, что смешивать пролетариат с партией, все равно, что смешивать лошадь с наездником! Народ же нужно было довести до состояния вырождения и духовного разложения. Это духовное убийство организовано шло по областям: школы, семьи, экономики. И, разумеется, разгрома религии.

Несчастьем России была **спровоцированная** Первая мировая война. Нация, исходящая кровью, лишалась и зрения, и ориентации. И все же, Россия стояла уже перед выстраданной победой. Тогда на нее обрушили войну гражданскую. Путем стравливания и сеяния разногласий в народе, его разделили. И так душили его собственными руками. Трещины в теле нации все время углублялись, перманентно, подспудно проигрывалась все та же гражданская война.

А вот и „инструкция“ для такой кампании. Из Ветхого Завета: „Так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот, и обратно, и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего“. Можно ли удивляться результатам, достигнутым за 70 лет?

Власть Сталина представляла собой власть партии и анонимного сообщества. В России орудовали „иностраные варяги“, от тени Маркса, до живого Бела Куна.

Пройдя через прокрустовы ложа, испанские сапоги и пр. — человек, у Орвелла, понимающего как никто, истоки теорию и практику тоталитаризма, научается любить Старшего Брата. Но в России, к ее чести и славе, даже тотальное рабство и избиение не привели к такой любви! Любили Старшего Брата в России те, кто сами его там водворили и на царство поставили. Любили по общности психологии, и как охранителя привилегий.

А народ опять пошел на войну, и исходил цынгой с первой же зимы ее. И полег костями без числа. Но дошел до центра Европы. А когда вернулся — Старший Брат и присные отняли все и, в первую очередь, оружие. И калекми растекся народ по земле.

А нам благодушно внушают: охлократия.

Кажется, никто до сих пор не утверждал, что описанное в „1984“ — **естественный** вид человеческого общества. Однако Б. Хазанов **именно** это и утверждает своим „Мифом“. Это — смысл всей книги. На всех ее страницах.

5. Которых есть царство небесное

„...И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду...“
А. К. Толстой, „Иоанн Дамаскин“.

Может быть, что, как разновидность человеческой психологии вообще, существует и психология „национальная“, определяющая „различные измерения понятий“, когда иные вещи не только чужды, но и недоступны постижению. Именно, в силу **чужести**.

Удручающе-тускло утверждение Б. Хазанова: „Нигде слова Нагорной Проповеди „Блаженны нищие духом“ не были поняты так, как в России, ибо они были поняты буквально. Нигде нищета духом не была окружена таким ореолом святости, ибо противоположное состояние — духовное богатство — связывалось с понятием о богатстве материальном“. Отсюда же производит Б. Хазанов тенденцию к „антикультуности“ в России.

„Блаженны нищие духом...“ Для безрелигиозного сознания это нонсенс. А „Откровенные рассказы странника“, написанные простым крестьянином, вряд ли такое сознание восхитят. Ведь надо постичь совсем иное восприятие мира: раскрытие навстречу ему сердца, ощущение близости и благодатности всего, и освобождение ото всего связывающего. Ощущение радости дарения и любви, бескорыстности служения, причастности глубокой мудрости бытия. И служения великой красоте всего этого. Все это — знание сердца, не рассудка. Верно, что это воспринималось как святость, да это и есть вид ее.

Юродствование тоже можно назвать специфически-русским явлением, оно как-то заложено в самой русской психологии. Юродствовали герои Достоевского, Лескова, юродствовал Розанов, да и сам Лев Толстой, со своей босоногостью. Но никто не упрекнет их в „бескультури“.

Стефан Цвейг заметил: „Раскройте любую из пятидесяти тысяч книг, ежегодно печатающихся в Европе. О чем они говорят? Все герои хотят быть богатыми, могущественными, счастливыми... Кто из героев Достоевского стремится к этому? Никто. Ни один“.

Каждому народу дана та мера познания истины, и в той форме этого познания, какие духовному складу этого народа свойственны. Упрощенно: религия народа это идеал Бога, формируемый самим инстинктом жизни. Она дает человеку целую систему этических понятий. Для русского человека, истинная красота начинается над бытом.

„В храме стояще Твоя славы на небеси стояти мнихом“. Это из текста каждодневной утрени. Такие тексты дают понять истинность крещения России, ответ на него души народной.

Лев Толстой, в 1890 году, при посещении Оптиной Пустыни, записал: “Б. говорит, что цель мира и человечества пополнение ангелов“.

Герцен с восторгом читал „Четьи-Минеи“. Константин Леонтьев: „Надежды серьезные надо основывать на такой религиозности, которая в силах перерасти рационализм и отрицание“.

В Послании к Евреям стоит: „Праведный верою жив будет...“ И дальше, вся глава 11 о вере, вере вне критики рассудка.

„Блаженны нищие духом...“ Да, понималось именно буквально, в евангельском смысле. Как слава **простоте и смирению**. Может быть, ключ к этому, находим в следующих словах Евангелия: „Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам...“ Которых есть Царство Небесное.

Русская душа была захвачена вечным, а не „завтра“. В этом ее истинное величие и свобода. Программы всяческих „завтра“ — творение Запада.

Излюбленный прием критиков русской ментальности — оперировать, как козырем, „извечным рабством“ русских. В основе этого суждения лежит ложное понимание свободы этими критиками. Свобода есть состояние аскетическое, не власть, но отречение, освобождение себя от вещей. Для того, чтобы сохранить свободу духа, Христос отверг власть над темным царством. Таков смысл второго искушения в пустыне.

В русской душе духовная свобода обесценивает земные ценности. Вспомнить „Пари“, Чехова: ведь это — центральный нерв русской психологии.

*

О „бескультурие“ в России, о „навязанной ей культуре“ спорить и скучно, и нелепо. Уместно только спросить: что критики типа Б. Хазанова понимают под культурой в человеке? В народе? Просветленность ли души, или затопленность массовой индустрией, скажем, молитвенно-сложенных рук, будь они и по выкройке Альбрехта Дюрера!

Вопреки Б. Хазанову, общий потенциал жизнеопределяющей духовности стоял в России необычайно высоко. Иначе нельзя было бы объяснить ни появления Пушкина, ни Гоголя, ни всей морализующей духовности русской литературы с ее, передаваемым по эстафете, медиумизмом, черпающим всегда из одних и тех же сфер.

Ничего подобного нет ни у одного народа.

Все это было. И есть. Если даже и под толстым слоем пепла или отбросов нашего убийственного века, со всеми его атрибутами: обедненными и изуродованными языками, шелухой исковерканных слов, которые больше не выражают мыслей. Если возврат сужден, то в России это случится раньше, чем у других. Потому что Россия страна религии. Где человек понимал свою нищету на земле, принимал ее познание как дар, и знал: нет у него ничего, кроме дарованного когда-то богоподобия.

6. Светящаяся аура русской истории

Что можно сказать в заключение отзыва о „Мифе России“? Главное: нет правды, где нет любви. Приходят „исследователи“ русской истории, вооруженные ведрами дегтя и кистями, стершимися от долгого употребления. И на таком уровне — все сползает в пошлость, как в „Мелком Бесе“, с обдиранием обоев и поливанием грязью стен старой квартиры. Спорить с такими „исследователями“ не имеет смысла, предвзятости и искажению доказать ничего нельзя. Однако, с их помощью, можно четче понять свою собственную позицию. И отойти в сторону с их дороги туда, где непреходяще и ясно указан нам путь нашей истории.

*

История трагична, как трагично всякое существование. Об этом знали еще солнечные греки, в эпоху своего расцвета. Один из них, особенно успешный, покрытый славой, пожинаящий лавровые венки на каждом шагу своей блестяще-успешной жизни, писал: „Высший дар — нерожденным быть...“

Трагичность — в запечатленности судьбой. Судьба же, не только трансцендентная суть, но и сплетение с характером и неизменностью духовного состава, поднимающегося, как от корней к листьям, к своему выражению в бес-

конечной сменяемости живущих. Где-то, у самых корней бытия, совершается претворение метафизических сущностей в реальные вехи существования. Так, словно бы в природе циркулировал один наличный духовный потенциал: народный тип всплывает на поверхность истории снова и снова. В разных обликах разных эпох, но всегда отмеченный своим **типом поведения**

Видится так, что верховная мудрость истории в ее консервативности, а не в революционности. В использовании ею старых форм и в их возможном улучшении. И залог будущего — наше прошлое. (Впрочем, так и у каждого народа на земле).

*

Можно сказать, что философия истории России больше показывает ее историческую суть, чем реальные коллизии. Суворов командовал войсками в 93 боях, и все 93 выиграл. Но, однако, это еще не история. Это только события.

Преподобный Сергей Радонежский был рожден после татарского разорения, когда русский народ потерял веру и в себя, и в жизнь. Преподобный Сергей был **национальным гением**, с максимальной одаренностью национальным духом. Таких нация рождает для своего восхождения. И такие всегда были на русской земле. Люди, которые предельно воплощали в себе тип национального поведения. И, как следствие, они выражали руководящие идеи времени, являясь своеобразным „историческим мотором“. Такие люди есть и сейчас. Такие люди двигают историю.

*

Что же касается русской истории, „уничтоженной“ Б. Хазановым, то сама история образования и выживания России в условиях, в которых это происходило, есть уже грандиозная история. Может быть нигде в мире, построе-

ние государства не было так тесно связано с национальной волей, как в России. И русская история имела качества, отличающие ее от других историй: духовное устремление к **всечеловеческому братству**.

Если представить себе духовные воплощения в виде звезд, то сколько на небе России звезд первой величины! И, прежде всего, потому, что в русском народном типе воплощены **добровольная жертва и страдание**.

7. Мистификация „Мифом“...

Книга Б. Хазанова „Миф Россия“ вышла и на немецком языке. Нужно ожидать и других переводов. Каким черным туманом войдет она в головы ее прочтущих, и какой обманной „симфонией“ дойдет до „чуткого слуха Европы“! Трудно найти для Запада позицию, более дезориентирующую и обезоруживающую, чем попытка представить коммунизм детищем России. При этом подкармливаются ошибки Запада, и представляется в ошибочном свете единственная реальная и большая антикоммунистическая сила — русский народ. Он намеренно обесценивается — и психологически, и нравственно, и духовно. В этом смысл „**Мифа**“, созданного Б. Хазановым. Что такие книги пишутся, закономерно. Пока есть спрос и заказ, будет и предложение.

Представляется, что вся внутренняя война в России относилась к числу тех войн, которые бывают проиграны до того, как они начаты. До такой степени все в них, их цели, оружие, тактика и методы, вне естественной человеческой природы. Это атака иррациональных сил. Нормальное положение вещей, равновесие, могут быть восстановлены только тогда, когда силы эти сами себя изживут.

Сегодняшнее положение мира являет собой точную копию происшедшего в России. И внутренняя борьба, война с этими силами, представляется тоже потерянной, до ее начала. Мир живет уже в атмосфере потери им этой войны.

Любой урок напрасен, если он не понят. Урок России,

которая со времени „русской революции“ перестала быть Россией, но стала конструкцией, управляемой неким Центром, через им же поставленное правительство. Б. Хазанов активно помогает миру этого не понять.

Западная Европа сегодня в положении Восточной Европы в 43 – 45 гг., когда проводились конференции в Тегеране и Ялте. Снова демонстрируется ленная зависимость великих демократий Запада от коммунизма. Позади — „славный путь“: потерянные 40 лет, в которые все усилия были направлены на то, чтобы производить как можно больше и жить как можно лучше. А совесть демократий не страдала от сознания, что рядом сотни миллионов людей ведут гибельное существование под гнетом самой страшной диктатуры. Не страдает „совесть“ и сейчас. Какой наигранной, искусственной и наивной представляется мелодекламация Б. Хазанова о демократиях! Относительно их практики и позиций в последние десятилетия, хочется сказать, вместе с К. Чапеком: „Какое безумие, какой позор!“

Сегодня, в тайных и зловещих подвалах человеческого безумия исчезла гарантия непрерывности самой жизни. Может быть, только общая наша нерелигиозность мешает нам признать непосредственное с нами соседство метафизики.

*

Из глубоких провалов, говорят, видны звезды.

Франсуа Мориак, в интервью, когда его спросили, имеет ли он основания для надежды, ответил: „Христианство. Маленькая точка света, которая блестит во тьме, может быть, блестит из России. После пятидесяти лет воинствующего атеизма, торжествующего материализма, коммунизму не удалось в этой стране стереть слов Христа — это невероятное происшествие. И даже больше: христианская вера вновь появляется в интеллигенции. Для меня это знамение“.

Вспомним и слова Вл. Соловьева: „Бессильно зло. Мы вечны. С нами Бог“.

Владимир Осипов

Гвоздь перестройки*

Явление Горбачева никто не предполагал. Никто не надеялся, что плесень застоя сдует такой порывистый шквал перемен. Некоторые даже сопоставляют настоящее время с семнадцатым годом. Говорят о Второй революции в России. Как знать: ломка форм власти и собственности не заслоняет по важности ломку в сердцах и душах людских, к которой, собственно, и зовет Горбачев, его ближайшие соратники. Заявлено во весь голос: страна находилась в предкризисном состоянии. Не только качество продукции и производительность труда, упало все. Социализм распивался и разворовывался. Высокие слова не покидали полотнищ и фанерных щитов. Каждое предприятие, хотя бы убыточное и бракодельное, каждый НИИ с нулевой отдачей алели лозунгами и призывами, что они молодцы и будут молодцами. А кого смущал разлад между словом и делом, между совестью на фанере и совестью в душе, тех одергивали, клеймили, а самых неугомонных судили за клевету. Недаром после январского пленума, провозгласившего демократизацию всерьез и надолго, были освобождены десятки политзаключенных. Утверждают, что многих освободили, так сказать, под расписку: “впредь не нарушать законность“. Если это так,

* Статья распространяется в русском самиздате с августа 1987 г.

то новое руководство должно ценить эти расписки честных и мужественных людей, не побоявшихся сесть за правду. Ведь это – векселя политическому курсу Горбачева. Брежневу таких расписок не дали бы. Люди поверили, что на этот раз не будет обмана. Образованность, личное обаяние, каковыми давно не обладал ни один лидер в стране, конечно, сыграли свою роль. Но тем больше спроса с такой личности.

Надо отдать должное новому руководству: сразу после Января (теперь уже не чешского, а советского), в подтверждение курса: „демократизм — суть перестройки“, были не только раскованы живые узники, но и освобожден от анафемы покойный Пастернак, реабилитировано творчество Платонова, Булгакова, Гумилева, Шаламова, затравленного Хрущевым Дудинцева. Поток очистительной литературы прокатился по нашей периодике. Публично были даны резко критические оценки серых десятилетий, сложившейся административной, экономической и нравственной системе (Залыгин, Бовин, Попов, Шмелев). Громко заявила о себе либеральная тройка: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Оказалось, что еще 30 лет назад они ратовали за перестройку. Вышли на публику поклонники рок-музыки и сама «Комсомольская правда» теперь им чуткая сестра.

При всей отрадности начавшихся перемен тревожит явный крен в одну сторону. Крен, отмеченный на апрельском пленуме правления Союза писателей. Поэт Станислав Куняев назвал имена тех, кого в нашей печати атакуют сегодня чаще всего. Это – Белов, Астафьев, Солоухин, Бондарев, Лобанов, Юрий Кузнецов, Лощиц. Их бьют за „почвенность“, за уважение к земле и традициям, к исторически сложившейся нравственности народа. За то, что хотят не стереть, а развить его самобытную духовность. Куняев сообщил, что после критической кампании, организованной против них, Кожинovu, Лобанову, Любоумрову, Лощицу стало трудно печататься. „Их ответы в свою защиту, объясняющие их позицию, – а каждый из них такие ответы писал – нигде не были напечатаны.

Разве это демократия и гласность?« Мафиозная критика на ветрах гласности ринулась чернить творчество Глазунова, кощунственно причислив его к фашистскому искусству.

Сложилось так, что одно направление – условно назовем его „евтушенковским“ – монополизировало почти всю прессу, всю печать (за исключением одного, как зубр, «Нашего современника» да в некоторой степени «Советской России»). Заполонило радио и телевидение.

Не дают оправдаться оболганной „Памяти“. Защитникам памятников, природы и трезвости кидают дохлую кошку антисемитизма. Никто из членов общества „Память“, даже самые горячие и темпераментные, не хулили еврейскую нацию. Кто-то однажды выступил (пожалуй, чересчур запальчиво) против **идеологии малой части** еврейского народа, но никто – против евреев как таковых. И уж совсем нечестно, подобно «Вечерней Москве», причислять к „Памяти“ хулителей христианства. Кому понадобились эта ложь, это улюлюкание и моральный террор? Первые плоды налицо: сразу после газетных памфлетов исключен из партии, т. е. предан гражданской казни, председатель „Памяти“ Ким Андреев. Так мы учимся демократизму. Учимся гласности и терпимости. Так понимаем идейный спор, так ведем полемику. Полемику с оргвыводами и угрозой тюрьмы. Один подписчик «Комсомольской правды», насытившись клеветы, потребовал даже засадить тех, кого подала газета. И мы еще утверждаем, что нам антипатичен культ личности. Да в каждом из нас сидит Ежов! Ибо хотим демократии для себя, для своего клана, т. е. фактически жаждем произвола, самодурства. Убожество холопов, научившихся выговаривать: „конвергенция“ и „плюрализм“. Что ж: сегодня расправимся с „Памятью“, а завтра будем травить Шмелева, его критику нашей системы? Стоит только начать, уважаемые граждане демократы. Вот ведь и рок-музыка претит многим. Так называемые металлисты прямо называют себя сатанистами. Их „песни“ то и дело славят дьявола. Адвокаты рока говорят: мы же атеисты, ни во что не верим,

нечистый у них — это „просто так“, для красного словца. Красное слово? Увы, все отлично понимают (и атеисты, и верующие в равной степени), что быть сатанистом — значит отвергать любую мораль (и „буржуазную“, и „социалистическую“), отвергать любые законы и правила, быть бесчеловечным, выращивать из себя злодея. У нас возникла непостижимая ситуация: патриотическое общество, ратующее за моральную чистоту, за верность отцам и отечеству, подвергается граду проклятий, а объединения безродных циников, поклонников порока и зла всячески культивируются и опекаются. Кстати, опекаются той же самой сестрой — «Комсомолкой», которая зовет к погрому „Памяти“. И на такой основе будем **перестраиваться?**

Да неужели не ясно, как Божий день, граждане демократы и бюрократы, что только патриотическое сознание, только устойчивая мораль может быть опорой перестройки?! Пестуем нигилистов, поклонников трывь-травы и тревожимся, как, например, один ответственный товарищ, „оживлением национальных и религиозных идей“. Бесовщина не пугает, религиозность бросает в дрожь. А чем же так плоха религиозность, дорогой товарищ? В своей не очень гладкой жизни я встречал верующих разных направлений: православных, истинно православных, католиков, баптистов, пятидесятников, даже иеговистов. Самая яркая их общая черта — предельная добросовестность в труде. Контролер ОТК им не нужен. У них никогда нет брака в работе, нет халатности и безответственности. Если изделие сделал верующий, то это наверняка изделие отличного качества. Не потому ли у нас в стране так снизилось качество изготавливаемой продукции, что снизился процент верующих? Верующие не только самые добросовестные работники, но и самые добросовестные граждане, самые законопослушные. Сегодня верующие могли бы стать надежной опорой перестройки. И не надо тревожиться по поводу „оживления религиозных идей“. У нас, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, 40 миллионов хронических алкоголиков и пьяниц. Это — надежный резерв атеизма.

Не стоит бояться: верующих в стране только **пятая** часть (тех, кто, по мнению советских социологов, не скрывает от окружающих своей веры).

Но эта пятая часть населения тоже должна иметь свои права. Демократия должна существовать для всего народа, в том числе и для верующего народа. И верующие должны иметь равные права с неверующими. А пока верующие ущемлены почти во всем. Во-первых, они все за пределами КПСС, ибо КПСС, в противовес линии многих компартий мира, в противовес политике большевистской партии времен Ленина, не принимает в свои ряды верующих. Значит, они не могут занимать ответственных мест в государстве и обществе. Видел ли кто-нибудь верующего директора завода? Верующего председателя райисполкома или хотя бы сельсовета? Верующего депутата кто-нибудь встречал? В послевоенные годы наши агитпункты пестрели плакатами: „Голосуйте за кандидатов блока коммунистов и беспартийных!“ Давно не видно этого лозунга. Много ли беспартийных в нашем Верховном Совете, в других органах? Мастером на заводе уже ставят партийного. Самую малую должность „должен“ занимать член партии, т. е. безбожник. Есть, конечно, верующие коммунисты. Об этом говорят факты отпевания членов партии в церкви по их завещанию. Мы знаем таких больших руководителей, как, скажем, Булганин и Маленков, ревностно верующими на пенсии. Но не только главой правительства, главой колхоза не стал бы ни один, окажись он в храме. Недавно, уже в период демократизации и гласности, «Правда» писала (12 июня 1986 г. — „Жупел“ Н. Кожанова) о возмутительном случае исключения из партии честного и добросовестного работника только за то, что он позволил похоронить отца по настоянию глубоко верующей матери по православному обряду. При этом «Правда» метко подчеркнула, что к злостным очковтирателям и хапугам у партийных комитетов довольно либеральное отношение. А вот за малейшую „уступку“ религии — быстрое и суровое наказание. Тут все герои, сплошная бдительность и возмездие.

Словно нюхом чувствуют чистую душу, неспособную к воровству и обману. „Не наш!“ Нет, я не призываю КПСС изменить свой Устав, не требую, чтобы правящая партия начала принимать в свои ряды верующих. В конце концов и культ безбожия заслуживает понимания. Но верующие должны стать действительно полноправными членами общества. Они должны иметь право быть избранными в любые органы власти, включая Верховный Совет СССР. Собственно говоря, они не лишены этого права законом, но лишены обычая, установившейся практикой. В социалистической Венгрии священнослужители заседают в парламенте. Иные лекторы объясняют это национальной и исторической спецификой европейской страны. Якобы мы — из Азии, специфики такой не имеем. Не наши ли предки заседали на земских соборах и решали миром дела общины?

На январском пленуме М. С. Горбачев выдвинул существенное, по сути революционное положение: „Важное направление демократизации общественной жизни — выдвижение на руководящую работу беспартийных товарищей. Это принципиальный вопрос“. Генсек не стал бы употреблять понятие „беспартийный“ формально, т. е. подразумевая лишь тех, кто чисто случайно не член партии. Наши беспартийные космонавты посылали на лету из космоса заявления в партию, ибо все их мировоззрение, включая атеизм, абсолютно тождественно мировоззрению аппарата. В данном случае речь идет, естественно, о беспартийных не по форме, а по содержанию, о таких людях, взгляды которых (православие, либерализм) в чем-то не совпадают с партийной идеологией. Ведь в этом и состоит демократия не на словах, а на деле. Демократизация будет пустым звуком, если беспартийные, в том числе верующие, не будут занимать руководящих постов. Только при взаимном сотрудничестве коммунистов и беспартийных, коммунистов и верующих перестройка может иметь успех. Равноправие верующих с атеистами — залог подлинного обновления нашего общества. Это — гвоздь перестройки. Я уже говорил о

честности и добросовестности верующих в труде. Наличие верующих на руководящих и ответственных постах (наравне с честными партийцами) создало бы надежный заслон воровству, коррупции и обману. Сама партия в здоровом соперничестве с верующими энергичнее бы очищала свои ряды от рвачей и хапуг. Исчезло бы то досадное разделение народа, разделение общества по признаку отношения к религии, которое, как анахронизм гражданской войны, все еще бытует сегодня. Конкретно речь идет об отмене неписанного закона, рутинной практики запрета на руководящие посты, запрета на профессию. Это первое.

Во-вторых, демократизация немыслима без отмены ограничений в сфере информации. Верующие должны получить доступ к радио и телевидению. Генерал Ярузельский считает возможным поздравлять поляков по телевидению с праздником Рождества Христова. У нас не только не поздравят, ни один директор словом не обмолвится про праздник миллионов. Наши издательства даже открыточку к православному торжеству не напечатают. Только торговая сеть молчаливо подбрасывает куличи к Пасхе. До чего лицемерно звучат упреки в адрес слушателей зарубежных радиостанций. А как же не слушать, когда и „Голос Америки“, и Би-Би-Си, и проклинаемая „Свобода“ передают православную церковную службу, проповеди и библейские тексты. Передавала б Москва, не слушали бы Лондон. У нас порой на пространстве, равном европейской стране, нет ни одного действующего храма. Если нет храма вблизи, только и уповать на „Америку“ с ее религиозными передачами. Великая держава, к которой приковано внимание всего мира, держава, ратующая ежедневно за мир и прогресс, готовая учить и просвещать континенты, боится дать своим верующим крупицу времени на радио и телевидении, дать полосу в печати. Русская Православная Церковь, например, должна иметь свою газету. Лесная промышленность, воздушный транспорт, любая отрасль, любой регион, крупное предприятие — все имеют свою газету. Все, только не Цер-

ковь. Время от времени Церкви разрешают высказываться в печати либо против Пентагона, либо против „лжи“ о дискриминации верующих. Сказал, что тебе хорошо, теперь отойди в сторону и стой молча, пока не позовем. Будешь пай-мальчик. Жалкий по объему, жалкий по тиражу „Журнал Московской Патриархии“ практически недоступен миллионам православных. А между тем существует потребность далеко не в одном тонюсеньком журнальчике. Недавно группа верующих напомнила о ничтожности тиражей Библии, богослужебной литературы. Не издается отдельными книгами богословская литература. Какой номенклатурный чиновник уготовил Церкви только одну роль в обществе: бороться за мир и разоблачать НАТО? А проблемы нравственности? Церковь, чья вечная „специальность“ — этика, могла бы успешно искоренять зло в обществе, бороться с нерадивостью в труде, пьянством, эгоизмом, потребительским отношением к жизни. Помимо серьезных научно-богословских журналов Церковь могла бы издавать общедоступный проповеднический журнал, прививая альтруизм и патриотизм, способствуя перестроке. При этом, конечно, кто-то из „несунов“ и пьяниц обратится к вере. Не здесь ли зарыта собака страха? Точите же свой ум и перья, шевелитесь, вооружайтесь в полемике. Вам платят хорошие деньги за пропаганду атеизма, а ваша бездарная пресная макулатура не находит покупателя, идет в утиль. Мы осуждаем убыточные колхозы, нерентабельные предприятия и НИИ. И должны баловать тунеядцев от атеизма? Кто искренне убежден в безбожии, кто страстно заинтересован в нем, тому не страшна открытая полемика с верующими, тот найдет свежие слова и доводы в споре с „Церковной газетой“, с христианской периодикой. Тот отстоит свое мировоззрение. Статья 50 Конституции СССР гарантирует свободы: слова, печати, собраний и т. д. „Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям... возможности использования печати, телевидения и радио“. Бог с ней, с политической свободой. Элемен-

тарная духовная свобода религиозного слова, религиозной печати пока у нас не обеспечена так, как этого требует буква Конституции. Впрочем, другая статья более откровенна. Статья 52, гарантирующая свободу совести, „то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду“. Следовательно, согласно брежневской конституции, одним разрешено молиться, другим — вести пропаганду против религии, наступать и сечь. Это что, равноправие? Разрешено только молиться. Защищаться от атеистической пропаганды, отбиваться от обвинений, порой надуманных и оскорбительных, полемизировать, спорить с атеистами — запрещено? Откуда вообще взялась эта нервозность, этот болезненный страх религии? Не с той ли эпохи, когда леваки-психопаты отвергали все оптом: культуру, семью, отечество, государство? Нигилизм давно в могиле, давно в могиле теория свободной любви и обобществленных детей. Идея об отмирании государства сменилась накрепчайшей государственностью. А вот ее близнец — идея об отмирании религии роскошествует как бурьян на консервированном строительстве. Реабилитирован патриотизм, имя России очищено от плевков, даже Энгельса критикнули за русофобию. Стали понимать архитектуру, Достоевского. И только одна вера продолжает оставаться под прицелом. „Религия есть опиум народа“ — повторяется ежесуточно. А рядом, буквально рядом, в том же тексте сказано так: религия — это „сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков“. „Сердце бессердечного мира“! Какая любовь, какое сочувствие предлагается взамен? Да мы только и твердим о стрессе, об этом нервном двадцатом веке. Взаимная ругань дома и на работе, постоянная грызня, сплетни, пересуды и зависть. Мы чуточку потеплели от пьянок на производстве. Но до чего же это искусственная теплота! Наши лучшие писатели единодушно отмечают кризис честности, рост эгоизма и отчуждения. Пока атеизм не родил собственную сердечность,

пусть ненавязчиво сосуществует рядом с бездушием вера, пусть будет она ориентиром нравственности, барьером вседозволенности. Не нам равняться на албанскую Моську.

Мир стоит на грани ядерной войны, в которой, по мнению специалистов, не будет победителей. Самого мира не будет, а мы продолжаем хлопотать о полной победе атеизма. Если мы все погибнем атеистами, нам будет легче? М. С. Горбачев справедливо говорит о новом политическом мышлении, о новом мышлении как таковом. Это новое миропонимание означает, естественно, и мир атеизма с верой, мир между атеистами и христианами. Пора отрешиться от веры в неизбежную гибель веры. Пора понять, что даже если нам посчастливится избежать большой войны, религия достаточно долго будет гнездиться в сердцах человеческих. А разжигать огонь вражды к верующим значит способствовать большой вражде на планете. Видимая сторона конфликта между Западом и Востоком — это спор идей. Запад обвиняет Восток в зажиме свободы, в особенности — религиозной свободы. Терпимое отношение нашей власти к религии и Церкви, установление фактического равноправия атеистов и верующих с допущением последних на руководящие посты и с правом их на информацию и просветительство станет краеугольным камнем новой, настоящей разрядки напряженности. Лояльное отношение к вере укрепит мир и отдалит человечество от атомного порога. Если сосед не воюет со своими домашними, легче веришь в его миролюбие. Суть перестройки — в демократизации. Самым существенным и самым очевидным проявлением демократизации стал бы поворот от политики ограничения и ущемления религии к дружественному дуэту с ней. И атеисты, и верующие — сторонники перестройки. У нас одна Родина. Одна на всех. Ее обновление — наша двуединая цель.

Таруса, август 1987 г.

Глеб Анищенко

В ы б о р *

„Истина дается только методе, да и то остается неотъемлемой от нее: истина же как результат — битая фраза, общее место“.

Александр Герцен.

I

В истории России, по крайней мере, начиная с XIII века, можно проследить одну закономерность. В начале каждого столетия (10-е — 20-е годы) страна более или менее осознанно выбирает свой путь на весь век. Именно в это время происходит крупнейшее событие, которое задает инерцию развития на 100 лет. В середине же века, в 50-е — 60-е гг., событие менее крупное не изменяет выработанного направления, но корректирует его, вносит своеобразную поправку.

Таким образом, слово „век“ имеет для России не только хронологическое и метафорическое, но и провиденциальное значение.

В 1223 г. — судьба народа решается на реке Калке. В

* Перепечатка из самиздатского журнала «Выбор» № 1, Москва, 1987.

1252 г. — великое княжение в поработанной татарами стране получает св. Александр Невский.

1304 – 28 гг. — Русь мечется между Тверью и Москвой и в конце концов выбирает путь московский: в 1325 г. св. Петр переносит митрополичью кафедру, а в 1328 г. к московскому князю переходит и великое княжение. В середине века также выделяются два события: церковное (1354 г. — митрополитом становится св. Алексий) и светское (1363 г. — вокняжение Дмитрия Донского).

В XV и XVI столетиях точки выбора отодвинуты за пределы веков на 20 лет: 1380 — Куликовская битва, 1480 — „великое стояние“ на реке Угре. В середине этих веков отмечены 1462 г. — вокняжение Ивана III, который существенно уточняет путь развития освобождающейся Руси, и 1565 г., когда Грозный вводит опричнину.

Начиная с XVII столетия подобное членение становится предельно четким. Возможно, так кажется оттого, что эти времена и события стоят ближе к нам, и мы яснее понимаем их смысл.

XVII в.: 1605 – 13 гг. — застыв между бытием и небытием в смутное время, Россия Гермогена, Минина и Пожарского выбирает царем Михаила Романова и тем определяет свою судьбу. Начавшееся в 1648 г. царствование Алексея Михайловича прояснило суть этого выбора.

XVIII в.: петровская революция — в начале и воцарение Екатерины II (1762) — в середине.

XIX в.: война в 12-м и восстание в 25-ом гг. 1861 г. — отмена крепостного права.

XX в.: революция и братоубийственная война. 1941–45 гг. — война Отечественная и XX съезд партии в 1956 г.

Отмечая эти факты, я не собираюсь делать далекоидущие (и, тем более, антропософские) выводы. Я хочу лишь зафиксировать закономерность и рассмотреть ее конкретное воплощение в судьбе России XIX и XX веков.

II

„Как посравнить да посмотреть век нынешний и век

минувший“, – говорит Чацкий в „Горе от ума“. Грибоедов, как никто иной, сумел передать дух всеобщего шатания, смятения и предчувствия, царивший в России в период смены одного века другим. Ничто еще не определилось, все может быть, и герои пьесы отчаянно (хотя и не всегда осознанно) борются за то, чтобы определить собой будущее страны.

Люди „додекабрьские“ разительно отличались от людей „последекабрьских“. Сравните раскрепощенность, свободу Чацкого и Онегина с обреченностью, связанностью, подчиненностью обстановки Печорина, Обломова, Базарова. Последние как бы ощущают, что страной уже совершен выбор, и они не в силах его изменить.

Рассмотрим последовательно четыре отрасли, по которым развивалась Россия в XIX веке: 1. Государственное правление; 2. Общественное движение; 3. Церковь; 4. Искусство. (Я не выделяю науку, т.к. она никогда не была определяющей силой нашего развития).

1. Государственное правление

В единой державной стране выбор совершало не все правительство, а одна, „высвеченная“ историей, личность – царь.

Александр I – самый свободный из русских монархов XIX века. Свобода, правда, несколько сковывались ощущением вины за пролитую почти на его глазах кровь отца. Но положение Александра Благословенного нельзя даже сравнивать с железным детерминизмом, который испытали его преемники. Одиноким, беззащитным Николай I среди бушующей гвардии сам не может понять, кто он: царь? великий князь? самозванец? Все это – без всякой личной вины, а просто как наследственный дар царственного брата. Или – Александр Освободитель, у которого был один выбор: погибнуть от пули или от бомбы. Современники ждали мудрых решений от человека, которого сделали мишенью в тире. Приблизительно в таком же положении находился и Александр III.

Могли ли эти люди подняться выше обстоятельств, довлевших над ними? Могли, конечно, — человек свободен. Но в такой обстановке для полного преодоления обстоятельств нужно было быть святым. А святости можно лишь желать, но не требовать от царя.

В начале века вопрос задавался людям свыше и уклонение от ответа было вне человеческой воли, воля проявлялась лишь в характере выбора. Позже, когда выбор уже совершался, чтобы изменить его, человек сам должен был поставить вопрос, сам проявить импульс свободы, что невозможно без христианской установки. Таким образом, говоря в статье о „предопределенности“, я имею в виду не давление рока, а лишь совокупность внешних, внеличных условий, которые крайне отягчают свободный выбор.

Александр I был свободен. Он — царь-перекресток. Три пути, три образа всю жизнь маячили перед императором: Сперанский, Аракчеев, Федор Кузьмич.

Сначала царь вступает на дорогу, указанную „интимным кабинетом“, тогда и открывается путь Сперанского: создание в России нового варианта западных демократий.

Сделав несколько шагов в этом направлении, Александр возвращается к исходной точке, и упорно ожидавшийся Аракчеев предлагает свой способ управления страной: палку. Она и стала окончательным выбором самодержца Александра, ее и пытались переломить на Сенатской площади. Эта палка вместе с царским скипетром перешла к Николаю I, (которого Толстой назвал „Палкиным“). Итак, Александр I совершил выбор, определивший облик самодержавия на весь XIX век.

Я упоминал о возможности еще одного решения, которое условно связал с именем Феодора Кузьмича. Этим я вовсе не хочу сказать, что считаю известную легенду реальностью. Важен факт, что такая легенда возникла. Она олицетворила третий путь, простиравшийся перед царем: путь христианского подвижничества. На этот путь Александр, пока был на троне, так и не решился вступить. Он отдал предпочтение аракчеевской тирании, ком-

пенсирюя антидуховность выбора мистическими искажениями христианства.

И если действительно Александр Павлович побрел по Руси с посохом Феодора Кузьмича, то это — запоздалая попытка оправдаться, переменить свое место в обществе и, тем самым, перечеркнуть сделанный выбор. Феодор Кузьмич существовал (если существовал) в ином, нереальном пространстве. Это была легенда, даже если она воплотилась в жизни. После 1825 года судьба Александра-человека могла меняться, судьба же Российской монархии была надолго определена.

2. Общественное движение

История декабризма так же, как царствование императора Александра, — непрерывная цепь колебаний. Все разногласия, по сути, имели одну глубинную основу: вопрос о крови. На этот вопрос существовало три ответа.

1. Купить политическую свободу любой ценой. Наиболее последовательным приверженцем такого решения был Павел Пестель. Он не настаивал на определенном способе действий, но полагал, что все должно измеряться высшей ценностью — гражданской свободой. Большинству декабристов, разделявших подобные взгляды, наикратчайшим путем к цели представлялось массовое восстание, бунт. Многие члены тайных обществ то приходили к такому решению, то отказывались от него. Якубович, например, перед самым восстанием в Петербурге предлагал свой план народной революции: разбить кабаки, напоить чернь и повести ее на Зимний дворец. Однако совесть большей части декабристов не могла примириться с тем, чтобы борьба за свободу превращалась в кровавую бойню: „Мы более всего боялись народной революции, ибо она не может быть некропролитной и недолговременной“ (Кн. Е. Трубецкой). Этот нравственный страх боевых офицеров в переводе на язык кабинетных политиков XX века и называется „страшно далеки они были от народа“.

2. Произвести в государстве бескровные изменения — нравственно просветить и образовать общество. Эта мысль победила на раннем этапе декабризма — в Союзе благоденствия. Но со временем „просветительство“ теряло популярность среди декабристов. Этот путь оказался самым сложным, требовал наибольшей личной ответственности, не приносил скорых плодов. Сторонники такого развития либо отходили от Общества (А. Н. Муравьев, Н. Тургенев, М. Орлов), либо частично изменяли взгляды (С. Муравьев-Апостол, Пущин).

3. Путь „малой крови“ — военный переворот, изгнание или убийство императора (в крайнем случае — и членов его семьи). Одним из первых на этот путь хотел вступить Иван Якушкин. Он собирался выстрелить в царя в Успенском соборе и тут же застрелиться: дело изображалось как „дворянская дуэль“.

Вообще, надо сказать, у декабристов античное представление о чести отодвигало на задний план христианскую нравственность и христианское отношение к личности: „С детства изучая историю греков и римлян, я был воспламенен героями древности... Для блага общества я готов был и отца моего принести в жертву“ (Каховской).

Это направление имело сторонников (Якушкин, Лунин) уже на раннем этапе декабризма. Позже оно стало быстро пополняться людьми, отошедшими от первых двух течений. К 1825 году идея „малой крови“ стала главенствующей в тайных обществах.

Это и был их выбор.

*

После того как заговорщики нравственно разрешили себе „кровь“, внутренний смысл будущих событий был определен. (Именно это позволило Грибоедову и Пушкину художественно проанализировать сущность предстоящего восстания еще до его начала). Декабристы теоретически „преступили черту“, и Провидение уже не дает уклониться от практической реализации теории: „Всякий,

кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем“.

Кровь магически влияет на участников восстания. Одни в страхе бегут от нее (Трубецкой, Булатов, Якубович): именно бегут, а не отказываются нравственно. Другие же находятся под воздействием какого-то дурмана: „Как в страшном, непонятном сне, они друг другу в тишине готовят гибель хладнокровно“.

Зачем пуля Каховского прошивает андреевскую ленту Милорадовича? Зачем тянутся к пистолету пальцы Вильгельма Кюхельбекера, привыкшие лишь к классицистическому перу? Тактическая необходимость? Нет, тактически это — нелепость, но это — фиксация: кровь, кровь ненужная, кровь невинных. Самый, пожалуй, нравственный из участников восстания, искренне религиозный князь Оболенский пытается штыком оборотить назад лошадь Милорадовича. Оболенский и в тайное-то общество пошел как на Голгофу, чтобы подвижничеством смыть кровь, которую он пролил на дуэли, стреляясь вместо своего кузена. Князь не собирается наносить никакого вреда Милорадовичу, но по чистой случайности лошадь метнулась, и штык Оболенского вонзился в ногу генерала. Эта случайность оказывается закономерным звеном кровавой цепи. От площади Сената кровь, увеличиваясь в объеме, стекает по Неве, льется у Трилес, где восстал Черниговский полк, капают с губ сорвавшихся висельников. „Крови бояться не должно!“ (Каховской).

После 14 декабря общественное движение XIX века все наращивало кровавые звенья, пока цепь убийств не задушила страну в столетии двадцатом. По нравственной направленности и нравственным типам декабристы не имеют ничего общего с поколениями „борцов“, пришедшими им на смену. Но декабристы в них повинны, они как бы разрешили своим выбором последующую кровавую деятельность. Новые поколения имели право сказать: „Богаты мы, едва из колыбели, ошибками отцов...“.

Что же касается „позднего ума“... Если предположить, что Александр I действительно преобразился в Феодора

Кузьмича, то нечто похожее произошло и с декабристами. В Сибири многие из них стали или подвижниками (Лунин), или почти праведниками (Оболенский, Волконский, А. Беляев). Когда они вернулись в Россию, потомки либо отвернулись от их нравственного света (революционеры), либо преклонились перед ними (Герцен, Толстой). Но это (как и у Александра I) – путь человеческий, а не политический. Исправить содеянного „святые старики“ уже не могли.

Кровь не бывает малой.

3. Церковь

В главе о государственном правлении я писал, что выбор пути совершала одна, „высеченная“ историей, личность – царь. Так же дело обстояло и в искусстве, где „голос мой был эхо русского народа“. Единодержавная власть и искусство были наиболее личностными, почти всегда говорили устами конкретного человека. Напротив того, общественное движение, Церковь в России XIX в. не отождествлялись с отдельными людьми. Они и по природе своей не личностны, а соборны. Соборное мнение и совершало выбор.

В начале XIX в. Церковь (в статье я имею в виду историческое, а не метафизическое тело Церкви) решала вопросы о своем положении в обществе и об отношении к государству. Тут, мне кажется, открывалось четыре возможности.

1. Первая ассоциируется с именем архимандрита Фотия. Властная Церковь полностью поддерживает государство, но только при том условии, что государство следует путем, указанным Церковью. В противном же случае она становится в оппозицию к правительству.

2. Другой путь, если можно так выразиться, – демократизация Церкви, некоторое „обмирщение“ ее. Церковь занимает положение, достаточно независимое от государства, но более тесно входит в жизнь общества. До начала 20-х гг. самой крупной фигурой в этом течении

был митрополит Московский Филарет.

Если в первом направлении угадываются тенденции католические, то во втором заметна склонность к протестантизму, недаром организационные формы этому течению дало Британское библейское общество.

3. К середине 20-х гг. стало очевидным, что названные течения не выражают мнения всей Церкви. По-видимому, она оказалась не готовой к любому изменению своего положения в государстве и обществе. Взор ее обратился не к Фотию и не к Филарету, а скорее к митрополиту Петербургскому Серафиму. Церковь выбрала третий путь: остаться тем, чем она была во всю послепетровскую эпоху — государственным департаментом духовных дел. Такую позицию и занял митрополит Серафим в декабрьском выборе 25 года: Церковь не выражала своего мнения (какое бы оно ни было), а выполняла государственную службу.

Самый чуткий из русских иерархов того времени — митрополит Филарет — понял, что Церковь совершила выбор, и как бы подчинился ему: со второй половины 20-х гг. позиция Филарета уже практически не отличается от той, которую занял митрополит Серафим.

Результаты такого выбора не замедлили сказаться: к середине XIX в. Церковь становится „предрассудком“ для нигилистических „детей“ и формальностью для либеральных „отцов“. Лишь в начале века двадцатого начинается обратное движение общества — в Церковь.

4. Но у Церкви была еще одна возможность, на которую всей своей жизнью указывал преподобный Серафим Саровский: отойти от государства (совершившего антидуховный выбор), удалиться в символический „скит“ и стать истинным духовным пастырем народа. Св. Серафим указывал на дорогу преп. Феодосия, Сергия, Нила, с которой Церковь сошла в послепетровскую эпоху.

Казалось бы, что чистота одного из величайших русских святых должна была ослепить современников. Нет, образованное общество в своем рьяном движении промчалось мимо саровского чудотворца, попросту не заметив

его. Прошла мимо и Церковь. Понадобился целый век, чтобы мнение народное, старания Нилуса (откопавшего „Беседы с Мотовиловым“ под броней голубиного помета) и личная воля св. Николая II утвердили имя Серафима как святое. И даже тогда Церковь не захотела признать свою ошибку и противостояла канонизации.

Итак, правительство, декабристы, Церковь не сумели проявить свободную волю. Они опустили руки и повели страну по пути, на котором свобода не реализуется.

4. Искусство

Следовало бы сказать не „искусство“, а „духовная жизнь“, но я выбрал первое слово, чтобы не возникало путаницы с предыдущей главкой (о Церкви). Действительно, почти вся духовная жизнь образованного русского общества XIX в. сконцентрировалась в искусстве, а то, в свою очередь, в литературе. Литература же XIX в. говорила голосом Пушкина. Именно он, Пушкин, совершал выбор в этой сфере.

Колебания и метания Пушкина вполне сопоставимы с подобными процессами в государственном правлении, Церкви, общественном движении. Особенно близко подходят друг к другу пути Пушкина и ранних декабристских обществ. Попробую их сопоставить.

Первый этап, 1815 год. Пушкин пишет первое политическое стихотворение – „Лицинию“. Смысл его можно определить так: если общество загнивает в разврате, нужно отстраниться от него и нарисовать для потомков сатирическую картину современности:

„Вспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу“.

Физическое же тело порочного государства разрушится само собой, а для завершения этого процесса найдутся варвары.

Через год, в 1816-ом, возникает первая декабристская

организация – Союз спасения, – которая не имеет единой политической программы, а так же, как и Пушкин, лишь констатирует в самом общем виде недовольство существующим правопорядком.

Второй этап, 1817 – 20 гг. Петербургский период Пушкина. Герой „Деревни“ воспринял призыв стихотворения „Лицинию“: удалился от „порочного дворца цирцей“ и поселился в деревне. Но там ему открывается новая истина:

„Я здесь от суетных оков освобожденный
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить...“

Свобода личная невозможна без общественной. Любое нарушение закона – это оскорбление чувства свободы, низведение ее до тирании. А от этого не скрыться и в деревне:

„Здесь барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца“.

Именно „свободная душа“ заставляет Пушкина отказаться от прежней позиции затворничества, осознать себя „другом человечества“ и выдвинуть новый лозунг: „О, если б голос мой умел сердца тревожить!“ В этот период „свобода просвещенная“ представляется поэту так:

„Владыки! вам венец и трон
Дает закон – а не природа:
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон“.

Не к потомству, а к современникам обращается теперь поэт, он непосредственно участвует своими стихами в просвещении общества.

Голос Пушкина, тревожащий сердце, был не одинок в России того времени: в 1818 г. возникла самая массовая организация декабристов – Союз благоденствия. Это был период, когда в декабризме возобладало „просветительство“. Союз благоденствия, по существу, выходит за

рамки конспиративной организации и стремится включить в себя все здравомыслящее, что есть в России. В эти годы декабристы и все образованное общество наиболее тесно связаны между собой. Пушкин же выражает идеи декабристов даже гораздо точнее, чем они сами.

Третий этап, 1821 год. Пушкин в Кишиневе пишет уже не „просветительские“, а революционные стихотворения „Кинжал“ и „В. Л. Давыдову“. Пером поэта движет разочарование в том, что голос сможет растрожить сердца, сможет убедить владык склониться „главой под сень надежную закона“. Если же „дремлет меч закона“, то на защиту свободы встает „тайный страж, карающий кинжал“. Общественное благоденствие может быть куплено лишь кровью тирана:

Но нет, мы счастьем насладимся.

Кровавой чаши причастимся -

И я скажу: Христос воскрес“.

„Последним судьей“ общественного правопорядка становится тираноборец. В порочном государстве он как бы заменяет собой закон.

Новые тайные общества (Северное и Южное), возникшие в 1821 г., окончательно сходят с пути „просветительства“ и напрямую решают вопросы о восстании и цареубийстве. Таким образом, и Пушкин, и декабристы занимают предельно радикальные позиции.

*

Эта точка — 1821 г. — становится распутием, на котором поэт и заговорщики навсегда расходятся. В то время, как декабристы выходят на дорогу, в конце которой видна Сенатская площадь, у Пушкина наступает жесточайший духовный кризис. Под сомнение ставятся не только все прежние кумиры (и творческие, и личные, и общественные), но и самая жизнь (в письмах проскальзывает мысль о самоубийстве). Пушкин выбирает.

Но вот загорается „чудное мгновенье“ пушкинского творчества — Михайловское — и выбор совершается.

Перелом запечатлен в трагедии „Борис Годунов“. Этим произведением поэт навсегда отрекается от „Кинжала“ и отмежевывается от декабристов.

В основе пьесы лежит трагический конфликт между неправедной властью и народом. Точка столкновения этих двух сил — вопрос о крови. Борис первым идет на убийство — по его приказу зарезали царевича Димитрия. Народ созвучно отвечает Годунову, множит пролитую им кровь: „тринадцать тел лежат, растерзанных народом“. Пушкин видел две стороны души простого народа: варварство и милосердие. Позже это видение воплотится в одном из образов романа „Дубровский“: кузнец Архип хладнокровно сжигает приказных, но тут же лезет на крышу, чтобы спасти от огня кошку. Два начала борются все время в душе народа.

Мудрый и добродетельный Борис, купив престол „малой кровью“, „думал свой народ в довольствии, во славе успокоить, щедротами любовь его снискать“. Он дал бедствующим хлеб, золото, работу, жилища. Но проснувшееся нравственное чувство заставляет народ отвернуться от „хорошего царя“. Те же люди, которые не так давно умоляли Бориса взойти на престол, теперь видят в нем не благодетеля, а убийцу. Общее мнение обретает „голос“ — Николку-юродивого: „Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит“.

В начале трагедии на царствование Бориса смотрят два человека: Пимен и Григорий. Оба они осуждают царя-убийцу. На этом сходство кончается. Пимен видит свой „долг, завещанный от Бога“, в том, чтобы, уйдя от мирских сует, донести до потомков правду и нравственный смысл происходящего:

„Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
Спасителя смиренно умоляют“.

Без труда можно заметить, что такой взгляд на действительность восходит к призыву лицейского стихотворе-

ния „Лицинию“ и противоречит „вольнoлюбивым“ устремлениям петербургского и южного периодов.

Григорий выбирает другой путь: взять оружие и низвергнуть несправедного царя, действуя от имени его жертвы. Идея „суда мирского“, которую воплощает Григорий, весьма созвучна идее пушкинского „Кинжала“. „Борис Годунов“ — это подход с другой стороны к тому же материалу, демонстрация следствий, вытекающих из такой позиции. На дороге тираноборчества Григорий проливает гораздо больше крови, чем в свое время Борис на пути к власти. Самозванец толкает весь народ на массовое убийство: „Кровь русская, о Курбский, потечет!“ И в людях вновь пробуждается зверство. В противовес юридическому звучит другой голос — мужика на амвоне: „Народ! народ! в Кремль! в царские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!“ Таким образом, Григорий лишь выполняет „чаяния народные“, когда по его приказанию бояре убивают семью Бориса. Но эта „малая кровь“ оказывается последней каплей, переполнившей чашу: кровь полилась через край. Тогда милосердие вновь перевешивает. В Григории узнают нового, неизмеримо более кровавого Бориса и отшатываются от него: „Народ в ужасе молчит“.

Итак, в „Борисе Годунове“ соперничают два отношения к действительности. „Кинжалу“ Григория противостоит слово истины, которое несет людям Пимен. Кровь и истина — два полюса трагедии. Образ Пимена разрастается: сам автор — Пушкин — видит как, „смиранный, величавый“ летописец. Но Пимен — это еще не весь Пушкин. Летописец хочет запечатлеть „земли родной минувшую судьбу“, поэт же говорит и о судьбе грядущей. Автор трагедии вмещает в себя и Пимена, и героя более позднего стихотворения, он — летописец-пророк.

Маленькая кровавая струйка из горла убиенного младенца становится истоком кровавых рек. Тираноборец перевоплощается в тирана. Вот прямой ответ „Бориса Годунова“ на декабристскую теорию „малой крови“. Пушкин успел художественно проанализировать основные нравственные постулаты декабризма и в ужасе отвер-

нуться от них еще до восстания. 7 ноября 1825 г. на столе в Михайловском уже лежал законченный ответ поэта людям 14-го декабря.

К этому времени окончательно рухнули прежние кумиры: просветительская „вольность“ Петербурга и революционное подвижничество Юга. Позже, в 1836 г., поэт презрительно скажет о них:

„Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли нам равно? Бог с ними“.

Положительный смысл этой новой свободы Пушкин объясняет в другом стихотворении:

„И долго буду тем любезен я народу,
Что **чувства добрые** я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я **свободу**
И **милость** к падшим призывал“.

Ни русский царь, ни русский митрополит, ни русский заговорщик не имели права сказать о себе хотя бы нечто подобное. Только русский поэт смог отвергнуть и тиранию, и свободу „закона“, и свободу „кинжала“. Он выбрал „иную, лучшую“ - **христианскую - свободу добра и милости**. Ее он восславил.

Устами Пушкина путь христианской свободы выбрала и вся русская литература.

14 декабря 1825 г. и царь, и декабристы были нацелены на взаимное уничтожение. Пушкин же не примкнул ни к тому, ни к другому стану: он обратился к ним не как к политическим деятелям, а как к людям. Царя призвал быть милосердным („Стансы“), а до декабристов донес свое сострадание их судьбе („Во глубине сибирских руд...“).

Во всем послемихайловском творчестве нравственность является единственным критерием оценки и личности, и государственного правопорядка. Человечество стоит выше законности, - хочет сказать Пушкин в одном из последних произведений, посылая героиню „Капитанской дочки“ - Машу Миронову - „просить милости, а не правосудия“ у императрицы. Устами же Гринева автор продо-

лжает скрытую полемику с декабристами: „Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений... Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка — полушка, да и своя шейка — копейка“.

III

Так родилась великая русская литература XIX века. Часто говорят, что в России великая литература возникла оттого, что не было иного способа выразить свое мнение и все силы общества сосредоточились в художественном творчестве. Это смехотворно. Почему ничего подобного не произошло в Болгарии либо в Алжире? Нелепо думать, что стоило бы организовать посредственный парламент, и не стало бы величайшей литературы. Нет, взлет нашей литературы объясняется тем, что она одна сумела противопоставить всему падшему обществу свет христианской свободы и нравственности.

Русская литература XIX в. — героический оплот, осаждаемый со всех сторон. Литературе как бы мстят за то, что она осталась чиста среди общей грязи. Каждый выдающийся русский писатель находился под перекрестным огнем черни государственной и черни демократической. Тут наблюдается некоторая закономерность. В ранний период творчества, когда писатель еще не определился, его травит государство. Когда же он окончательно встает на ноги, вырабатывает свою позицию — набрасывается демократическая общественность. Не было ни одного значительного зрелого писателя, который не объявлялся бы реакционером (повезло Лермонтову — он не успел „созреть“ как объект демократической травли и удостоился лишь эпитафии светской черни: „Собаке — собачья смерть“).

В то же время монархи грубо отталкивали русских

гениев, которые стремились помочь самодержавию. Представьте себе судьбу русского трона, если бы его окружали Пушкин, Гоголь, Островский, Достоевский, Толстой (я называю лишь тех, кто сам заявлял о желании служить государству). Тягчайший грех перед Россией наших императоров в том, что они не приняли помощь, которую хотели оказать монархии русские писатели:

„Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу“.

После смерти писателей государство и „демократия“ остервенело набрасывались на их наследство с целью исказить его и использовать в своекорыстных целях.

Находясь в таком положении, наши литераторы вынуждены были сделать ряд уступок, но все-таки сумели устоять на пути, выбранном для них Пушкиным.

*

В этом — национальное значение нашей литературы, в этом — ее мировое значение. И русский народ все больше тянулся к свету своей литературы. Чистому духовному началу ее созвучно откликнулась нравственность народная.

Слово „народ“ я употребляю здесь в значении „нация“, а не „простолюдины“. Рассуждая о пути России, я совсем не говорил о простом народе, т. к. считаю, что мы, образованное русское общество, не пошли в познании простого народа дальше Пушкина. А он вывел: „Народ безмолвствует“. Это совсем не значит, что бездействует. Народ движется, но движется благодаря толчкам извне. Чаши зверства и милосердия попеременно перевешивают друг друга.

Буни так объяснил двуединую душу народа: „Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том, и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, „шатость“, как говорили

в старину. Народ сам сказал про себя: „Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона, – в зависимости от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев“.

И вот в XIX веке правительство и революционеры вытесывали из души народной дубину, а писатели старались преобразить дерево в икону.

Весь русский народ живет лишь потому, что подавляющая масса его – простой народ – так и не склонилась в сторону зверства, несмотря на страшное антидуховное давление. На пути внутреннего духовного освобождения русские писатели и русский простой народ могут стать естественными союзниками в борьбе с бесчинствующей сатанинской силой; могут, если когда-нибудь сумеют понять друг друга.

*

Я уже говорил, что после Пушкина литература сделала некоторые уступки „демократии“. Это отразилось в самом характере так называемого критического реализма, в идеологической заданности искусства.

Кроме чисто „нигилистических“ писателей типа Щедрина и Слепцова, были еще литераторы, которые, с одной стороны, стали в позу сторонних наблюдателей того, что происходит в России, с другой – не скрывали своих нигилистических симпатий. Самой значительной фигурой этого направления был Тургенев. Печальным памятником ему остался Кармазинов в „Бесах“.

Изменения, происходившие в литературе в середине века, очевидны из сопоставления Пушкина и Тургенева. Пушкин вывел тип разрушителя в „Капитанской дочке“ и, несмотря на симпатию к Пугачеву, как к личности, вынес свой приговор: „Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный“. Тургенев же показал в „Отцах и детях“ разрушителя нового времени (Базарова), сознательно ориентируясь на Пушкина. Но и тени пушкинского отшатывания от разрушения уже нет. Симпатии

смешиваются с отстраненностью: „Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, и все-таки обреченная на гибель, потому что она все-таки стоит в преддверии будущего“.

Несмотря на все эти уступки, литература не выронила своего духовного знамени. Через весь девятнадцатый век его пронес „первый“ русский писатель: из рук Пушкина знамя принял Гоголь, у него — Достоевский и Толстой.

К концу века революционно-демократическое движение стало побеждать и правительство, и Церковь, оттягивая у них громадные массы сторонников. И чем больше побед революционеры одерживали на других фронтах, тем больше сил бросали они на штурм последней крепости — литературы. Атаки шли по разным направлениям. Одни революционеры, по традиции Чернышевского, „прикидывались“ писателями, чтобы подрывать литературу изнутри. Другие перетягивали к себе на службу второстепенных литераторов, вроде Горького, создавая им шумный успех в обществе.

Но атаки приходились не только на арьергард литературы — начинала сдавать и „гвардия“. Пожалуй, последним, кто сражался без страха и упрека, был автор „Бесов“. После него стены крепости начинают трещать, силы защитников истощаются. Толстой не выдержал как бы эмоционально — мечась из стороны в сторону, он в последние годы, незаметно для себя, стал удаляться от прямого христианского пути русского писателя, доходя до почти нигилистического отрицания. Чехов, напротив, никаких резких движений не делал: он застыл на месте и, по тургеневской традиции, замкнулся в „Футляр“ стороннего наблюдателя всеобщего распада.

Но цитадель литературы все-таки устояла в веке девятнадцатом.

IV

Такой пришла Россия к началу XX века, к новой точке выбора.

1. Государственное правление

Снова появляется царь-перекресток — Николай II. Он, как и Александр I, явственно ощущает необходимость совершить выбор. Император колеблется, ни одно решение не оказывается окончательным — он как бы устраняется от выбора. Результат этого устранения — „кровавое воскресенье“ и кровь, последовавшая за ним. Отречение, которое подписал царь в 1917 г., было уже не выбором, а итогом кровавого решения, принятого в 1905 году.

Удивительно и еще одно сходство двух монархов, начинавших последние два века. И тот и другой стремятся изменить свой выбор и свою судьбу, встав на путь христианской справедливости уже не как императоры, а как одни „из малых сих“. Если в память о возможности иного пути Александра I осталась легенда о Феодоре Кузьмиче, то точно так же до нас дошло предание о последних днях Николая II. Безвольный и нерешительный царь Николай Александрович перевоплотился в светлого и несгибаемого великомученика святого Николая. Николай II привел Россию к революционной гибели. Св. Николай стал единственным святым из рода людей, носивших фамилию Романовых.

2. Общественное движение

Перед Россией был разложен пасьянс общественных партий. Но выбор совершался не голосованием в Думах или в Учредительном собрании. Общество выбирало путь, а не партию. Той или иной партии нужно было лишь доказать, что она тверже других стоит на пути, по которому направляется общество.

С одной стороны, представлялась возможность эволюционного улучшения существующего государства. На другой чаше весов лежало революционное разрушение

нынешнего правопорядка во имя создания нового, более совершенного: „Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...“ Это „затем“ было воздушным замком, идеальной химерой, наполнялось самым фантастическим содержанием. Таким образом, единственной реальностью на данном пути оставалось разрушение. Эта чаша и стала перевешивать. Общество начала XX века, продолжая движение века XIX, неудержимо кренилось в сторону нигилистического разрушения.

Я не хочу сказать, что общество хотело крайностей. Напротив, требования были весьма умеренными, разрушение представлялось частичным. Это было еще одной химерой: санки, покатив с вершины горы, должны были затормозить на ее середине. Так представляло себе дело Временное правительство. Оно захотело остановиться в разрушении на полпути и посредине скользкого ледяного жолоба заняться государственным благоустройством. Блок нашел очень точный образ, показывающий, какого рода общественный сдвиг хотела бы увидеть сомыслящая ему интеллигенция: „...Взлет доски качелей, когда она вот-вот перевернется вокруг верхней перекладины. Пока доска не перевернулась — это минута, захватывающая дух, если она перевернулась — это уже гибель... Задача всякого временного правительства — удерживая качели от перевертывания, следить, однако, за тем, чтобы размах не уменьшался. То есть довести закочевавшую страну до того места, где она найдет нужным избрать оседлость, и вести ее все время по краю пропасти, не давая ни упасть в пропасть, ни отступить на безопасную и необрывистую дорогу, где страна затоскует в пути и где Дух Революции отлетит от нее“.

Большевики же лишь толкнули взлетевшие качели, стали у подножия горки и дернули санки на себя. Они смогли продемонстрировать наиболее последовательное разрушение в реальности и посулить наиболее фантастические плоды в будущем (немедленный мир, крестьянскую землю, национальную независимость, народную власть). Этим, кажется, и решается вопрос о насильствен-

ном захвате власти большевиками. Общество стремилось к разрушению — большевики показали себя истинными разрушителями, общество стремилось влево — большевики забегали вперед и ускоряли естественное движение. Не большевики завоевали Россию, а русское образованное общество (о простом народе я здесь не говорю) выбрало большевиков. Они же просто поставили точку над *i*: показали обществу, куда оно стремилось.

3. Церковь

В начале XX века — небывалый церковный подъем. Причем он с одинаковой силой захватывает и интеллигенцию, и простой народ. Нация возвращается ко Христу, хотя часто и кружным путем (мистицизм, сектантство).

И вот, перед Церковью загорается точка выбора — Поместный Собор 1917-18 гг. Решение Собора о возрождении Патриаршества вновь выводит Церковь на прямую дорогу, с которой она сошла в приснопамятные петровские времена. Соборное мнение, воплощаясь в голосе Патриарха Тихона, звучит на всю Русь, говоря о том, что впервые за 200 лет Церковь обретает самостоятельное место в русском государстве.

Но принципиально изменились и условия, в которых приходится действовать Церкви: во главе христианской страны стало атеистическое правительство. Это правительство требует, чтобы Церковь отказалась от своей самостоятельности и приняла другое решение. Случай небывалый (как и все, что происходит в это время): одна отрасль не борется с решением другой, а просто требует его отмены.

Бремя выбора атеисты возлагают на рамена св. Тихона, искусственно отделяя его ото всей Церкви (я имею в виду тюремное заключение). Патриарх отрекся от своего прежнего противостояния атеизму. Как показали дальнейшие события, решение св. Тихона — это еще не решение всей Церкви.

Отречение Патриарха подвергало проверке, испытанию

решение 17-18 годов. Церкви предстояло доказать в тягчайших новых условиях, что она готова к роли духовного оплота России. Иными словами, следовало выбрать между позициями Тихона до и после отречения. И снова открываются три пути.

1. Тихоновцы предлагали еще раз подтвердить готовность Церкви быть духовным пастырем страждущего народа, его опорой в противостоянии атеизму.

2. Позиция обновленцев состояла в том, чтобы, став в полную зависимость от большевистского государства, получить возможность заниматься внутренним преобразованием Церкви.

3. После нескольких лет борьбы и колебаний, испытав варварское давление извне, Церковь отвергла первые два пути и пошла третьим — путем митрополита Сергия и его сторонников. Восстановление Патриаршества стало пониматься не как символ возрождения духовной России, а как формально-организационное внутрицерковное дело. В государстве воинствующих атеистов Церковь попыталась сохранить за собой приблизительно ту же подчиненную (но, конечно, менее престижную) роль, которую она играла в православном государстве XVIII, XIX веков, закрыв глаза на изменения идейной сущности правительства. Церковь не „паела стадо“ (по завету Христа), а лишь боролась за свое физическое выживание как определенной организации. На сергианском пути отделение Церкви от государства приобретало зловещий смысл. Церковь отсекалась от всего русского народа, делалась по отношению к нему сторонним, замкнутым на себе институтом.

Только сейчас, во второй половине века, возникла надежда на то, что трагическое разделение Церкви и народа может быть преодолено. Одним из первых проблесков этой надежды стало служение о. Дмитрия Дудко, который показывает, какую роль может православный священник играть в современном мире.

4. Искусство

В русском духовном ренессансе начала XX века, несмотря на небывалый взлет всех видов искусства, ведущую роль сохранила литература. В ней же, как и в начале XIX века, главное место заняла поэзия. Среди всех великих поэтов того времени был один, уста которого отчетливее других произнесли решение, принятое всей литературой. Этот поэт — Александр Блок.

Дело не в том, что Блок был талантливее других (это — дело спорное). Кроме таланта чисто поэтического, он обладал пушкинским свойством „отзывчивости“, талантом „эха“. Сам Блок всегда ощущал, что он не просто поэт, а „голос“ литературы. Поэтому именно у Блока так сильно желание связать два литературных века: „...Передо мной — Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой“.

Однако Блок не только не соединил XIX век с XX-ым общей литературной традицией, но напротив того, окончательно размежевал их. Он завершил век XIX и заложил совершенно иные нравственные принципы в основание литературы XX века.

Уже после кровавого 1905 г. Блок вывесил белое знамя капитуляции над писательской крепостью: „Сам я не „террорист“ уже по тому одному, что „литератор“. Как человек я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных./.../ И, однако, так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положений — что я действительно не осужу террора сейчас“. К ногам этого „озлобления коллективного“ и бросил Блок писательские знамена: „Нам завещана в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, во вздохах измученных общественных деятелей XIX века, в светлых и неподкупных, лишь временно помутившихся взорах русских мужиков —

огромная... концепция живой, могучей и юной России... И если где такая Россия „мужает“, то, уж конечно, — только в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу, науку, философию“. В этом отрывке из письма Розанову (1909 г.) Блок, с одной стороны, декларирует продолжение традиции Пушкина, Гоголя, Толстого; с другой — он фальсифицирует эту традицию, отождествляя ее с направлением „общественных деятелей XIX века“. На этом сгибе и рвутся связи двух литературных веков.

Блок-поэт запечатлел свой выбор в поэме „Двенадцать“. Это целое исследование о разрушении и разрушителях. Исчисляются объекты разрушения: прежний мир („мировой пожар раздуем, Мировой пожар в крови...“), прежняя Родина („Пальнем-ка пулей в Святую Русь...“), прежняя любовь (убийство Катки), прежняя религия („Эх, эх, без креста!“). Показываются разные психологические этапы: разрушение идейное („Мы на горе всем буржуйам Мировой пожар раздуем...“), инерционное („Загубил я, бестолковый, загубил я сгоряча...“), самоцельное, аргументированное заведомой ложью („Ты лети, буржуй, воробышком! Выпью кровушку за зазнобушку“, которую „загубил“ не буржуй, а сам говорящий). Разрушение как инородный предмет вторгается в живой организм и вызывает его расстройство: разгульную бурю как в природе („Разыгралась чтой-то вьюга“), так и в человеческой душе („Запирайте этажи, нынче будут грабежи!“).

Блок писал в дневнике: „Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира“. Поэтому новые апостолы — „бубновые тузы“ — не могут еще вырваться из заколдованного круга прежнего бытия: „Так идут... Позади голодный пес, Впереди... — Иисус Христос“. Пес — старый мир, Христос для Блока — старый, слабый бог: „Я сам иногда ненавижу этот женственный призрак“.

В этой связанности со старым миром и старым богом и состоит, по Блоку, слабость разрушителей: „Красная гвардия — вода на мельницу христианской церкви. В этом — ужас. В этом — слабость красной гвардии: дети в желез-

ном веке“. Для перехода в новый мир нужно сотворить нового бога: „Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, „достойны ли они Его“, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого“.

Но разрушители „идут державным шагом“, и на следующем этапе Блок видит перевоплощение хаоса в гармонию, претворение разрушения в созидание Другого бога: „Ничего, кроме музыки, не спасет... Но музыка еще не примирится с моралью. Требуется длинный ряд анти-моральный, требуется действительно похоронить отечество, честь, нравственность, право, патриотизм и прочих покойников, чтобы музыка согласилась примириться с миром“. Таким теперь стало кредо русского литератора.

В списке „покойников“ пропущен еще один — русская литература. Но сам Блок был готов к смертному приговору: „Я не удивлюсь еще раз, если нас перережут во имя порядка“. Как человек, Блок не захотел или не смог выйти за пределы „старого мира“. Оставаясь его „гражданином“, Блок успел произнести благословение „бубновым тузам“, перекрестить ножи. После этого уста поэта затворились — „мавр сделал свое дело — мавр может уйти“. За несколько месяцев до смерти Блока называли „покойником“. Реальные похороны не заставили себя ждать.

*

Блок лишь гениально обобщил то, что едва намечалось у Толстого и Чехова, то, что вполне явственно звучало у Горького, Андреева и их современников. По пути, намеренному Блоком, восторженно пошло большинство писателей следующего поколения. Владимир Маяковский декларативно заявил о замене пушкинского гуманизма „новым“. В „Оде революции“ Маяковский варьирует образ кузнеца Архипа, сжигающего приказных и спасающего кошку:

„Ты (революция) шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус заливчатский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе“.

Но, полемизируя (может быть невольно) с пушкинской оценкой бунта („Не приведи Бог видеть...“), поэт XX века обращается к революции:

„Тебе обывательское
– о, будь ты проклята трижды! –
И мое,
поэтово
– о, четырежды слався, благословенная!“

Вслед за Блоком, впервые за свою историю, русская литература благословляла разрушение.

Правда, до последнего вдоха отбивался Гумилев. Правда, Бунин разоблачил блоковский символ: „Революция – стихия... Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются“. Но эти частные сопротивления не меняли общего хода дел. Борьба литературы с падшим обществом закончилась. Крепость была сдана на потеху и разграбление бушующей черни.

После капитуляции, которую принял Блок, наши писатели (где бы они ни были – в России или за границей) – лишь отдельные осколки некогда великой силы. Примечательно, что никто из значительных писателей начала века (кроме Гумилева) не был уничтожен властью. Прежние литераторы либо бросали оружие к ногам победителей, либо оставляли место боя – Россию. Позже Сталин стал расправляться со своей новой литературой, а на старых писателей и внимания почти не обратил: до того

они были безопасны. Лишь Мандельштам, Клюев и немногие другие угодили под „колеса“, да и то уже приобретя статус „советских поэтов“.

Русский писатель стал снова бороться за роль нравственного вождя народа лишь во второй половине века, после смерти Сталина, когда вся страна старалась хоть несколько изменить свой путь. Тогда на всю Россию прозвучали голоса уже умершего Булгакова и уже воскрешенного Солженицына. Дай Бог, чтоб под этими знаменами русская литература пришла к своему нравственному возрождению.

*

В XIX веке литература определяла почти всю духовную жизнь общества, соединяя в себе и искусство, и религиозную философию. Но, с течением времени, становилось все заметнее, что философия, питаясь соками литературы, стремится к относительной самостоятельности, к тому, чтобы стать особой ветвью на литературном дереве. Родоначальники русской философии были писателями прежде всего: В. Одоевский, Хомяков, Достоевский, Толстой. Но уже по отношению к Леонтьеву и Соловьеву слово „писатель“ отходит на второй план и окончательно отпадает (в своем прямом значении) в характеристике плеяды великих русских мыслителей начала XX века.

В России литература не питалась плодами философской мысли, как в большинстве других стран, но сама родила философию, плоть от плоти своей. Философии и было суждено занять то место в духовном развитии общества, которое литература утратила. Нравственное знамя писателей XIX века подхватили философы века XX-го.

В то время, когда революция начинала свое триумфальное шествие под восторженные возгласы деятелей искусства и литературы, философы имели мужество поставить свои „вехи“ в духовной жизни России.

После революции философы были единственными бойцами русской культуры, которых нельзя было ни сломить,

ни обольстить. Принудительная высылка философов в эмиграцию была нравственной капитуляцией новой власти перед русской мыслью.

Борьба не прекратилась и за границей. Почти у всех философов (в отличие от большинства эмигрировавших писателей) на эти годы приходится пик творчества, а все вместе они ощущают себя единоплавленной силой. Философы боролись за то, чтобы, даже находясь в эмиграции, влиять на духовную жизнь России. И они добились своего. Томы их сочинений, просачиваясь сквозь кордон, доходили в конце концов до тех, кто остался на своей земле, но по воле обстоятельств утратил связь со своей культурой.

Именно деятельность наших философов и богословов стала решающим толчком для начала главного духовного движения, возникшего во 2-й половине XX века в России — религиозного возрождения. Когда Церковь и литература практически сложили оружие в борьбе за души людские, философы продолжали сражение. Начавшееся возвращение русского образованного общества к Богу — их победа, их клятва верности заветам писателей XIX века.

Великое противостояние философов не переродило страну — оно лишь способствовало пробуждению национально-религиозного самосознания русских, а вместе с ним — и надежд на духовное возрождение нации. Эти надежды сохраняются, пока хоть какая-то часть народа стоит на пути христианской свободы. Расширение этой части, увеличение ее удельного веса внутри нации, внутри всего мира — единственное возможное приближение к истине бытия. XX век и у нас, и на Западе неопровержимо доказал тупиковость любого другого движения.

*

Итак, возвратимся к хронологии. Я старался показать, что духовная история нашего народа делится на четкие столетние циклы. Сходным временным точкам разных

веков соответствуют сходные явления и процессы. Но при совпадении внешней структуры намечается и различие: каждый вековой круг спирали времен все туже сжимает историческое пространство и человеческую судьбу, все категоричнее ставит проблему выбора.

Думаю, что такой взгляд на предметы вряд ли можно упрекнуть в мистицизме или в фатализме. Речь идет о метафизической стороне строения бытия. С этой точки зрения вековая цикличность должна удивлять не больше, чем то, что человек при свете дня оживает, а с наступлением темноты замирает, или то, что после Крещения наступают морозы, а после Пасхи — весна. Просто столетние отрезки наш разум тяжелее улавливает, нежели суточные, месячные, годовые. Поэтому вести разговор о том, как ляжет виток спирали в следующем веке и какие пути выбора откроются на его плоскости, мне представляется более сложным, но не менее логичным, чем строить зимой летние планы, исходя из того, что в июле будет тепло. Другое дело, что ни один человек не может знать заранее, какой выбор сделает народ (или одна из его частей) в будущем веке.

Рассмотрим вторую половину этого столетия в сопоставлении с предыдущим веком: 1855 и 1953 — смерть тиранов; 1861 и 1956 — порыв общественного покаяния; „оттепель“ 60-х и безвыходная придавленность 70-х годов. Сейчас наша страна вступила в новое, девятое десятилетие. XIX век и тут дает определенные ориентиры. 80-е годы — это время, когда груз предыдущего еще чрезвычайно тяжел, но „из-под глыб“ уже начинают прорастать новые побеги. Восьмидесятники — всегда чернорабочие, всегда в какой-то мере рабы времени, они „доживают век“. Но именно они и закладывают новый фундамент, хотя от них, как правило, скрыто даже то, какое здание вырастет на этом фундаменте: тюрьма или храм. Конечный итог скрыт от строителей, но он зависит от их работы: воздвигнется то, что будет заложено в основу.

В такие времена даже голос гения может ничего не

изменить в судьбе страны, остаться гласом вопиющего в пустыне (что и случилось с Достоевским и Соловьевым в конце XIX века). Нужен коллективный, соборный труд, гений может лишь к нему призвать, а потом возглавить его. Пушкины и Блоки — явятся позже, в начале века, и выскажут то, что накоплено до них. Иное дело — гений 70-х — 90-х годов. Он не „голос народа“, а его „слуховой аппарат“, который уловил то, что мало кто слышит при царящем гвалте и общей глухоте. Задачи гения — озвучить едва уловимую весть, донести ее до народа.

Личность, способная выполнить такую задачу, сейчас есть — Александр Солженицын. Он, в свое время, завершил этап народного самосознания и развития 60-х гг. — написал „Архипелаг ГУЛАГ“ и „Бодался теленок с дубом“. Лицо же писателя 70-х — 80-х годов Александр Исаевич обрел, главным образом, в публицистике этого периода. (Опять-таки напрашивается параллель с „Дневником писателя“ Достоевского 1870-х гг.). Начиная с „Письма вождям“ и „Жить не по лжи“ Солженицын не подводит итога общему движению, а противостоит ему, зовет народ (и народы) в ту область света, которая открылась писателю.

Решение, которое примет наша страна в XXI веке, зависит от того, сумеем ли мы все воплотить в общем соборном творчестве (я имею в виду самое широкое значение этого слова) ту нравственную свободу, проповедь которой звучала и звучит в России. Следующая же ошибка в выборе может стать решающей и необратимой. Мы можем исчислять и анализировать лишь земные годы и столетия, но их соотношение с временами и сроками истинными — великая тайна. Мы не знаем конечного количества витков, не знаем который из них завершит спираль, после какого поворота человечество предстанет перед Высшим Судом. Но к этому последнему выбору мы идем по шаткой лестнице наших лет.

Москва, 1982 — 1983.

Мысли и факты*

(Из обращений В. Брюсовой, Г. Литвиновой
и Т. Пономаревой в высшие
партийно-правительственные инстанции)

I

В последние месяцы некоторые органы печати, как по команде, начали кампанию против русского „шовинизма“ и русского „национализма“. Речь идет о «Московских новостях», «Известиях», «Огоньке», «Вечерней Москве», «Советской культуре». Все статьи направлены против патриотического объединения „Память“. До этого были нападки на наших писателей — В. Белова, В. Астафьева, на режиссера и актера Н. Бурляева, на экономиста Б. Исакова, на историка А. Кузьмина, критика В. Кожина и на многих других.

Мы, авторы этого письма, не входим в какие-либо объединения, но мы не можем равнодушно смотреть на происходящее.

Невольно возникает вопрос, с чего это вдруг русские люди, видные деятели нашей культуры, впали в один порок: национализм, шовинизм, антисемитизм и даже фашизм. Искони одной из черт русского национального характера было ярко выраженное чувство народолюбия. Это неопровержимо подтверждает история. Именно России суждено было стать первым многонациональным государством, на базе которого и возник СССР.

Что же заставило русских сегодня поставить вопрос о

*Из журнала «Земля» № 5 / 1988 г., Москва - Таруса. Редактор В. Н. Осипов.

национальном достоинстве своей нации, своего народа? Будем откровенны — такие причины возникли, и не по вине русских. Все дело в том, что в настоящее время русские оказались и давно в неравноправном положении по сравнению с другими народами. В чем это проявляется? Еще результаты переписи 1979 года показали со всей очевидностью, что среди всех союзных республик Российская Федерация оказалась на последнем месте по всем жизненно важным социально-экономическим, культурным, демографическим показателям, а в ее рамках — русский народ! А ведь к 1917 году Россия была наиболее развитой страной среди тех, которые потом объединились вокруг нее в СССР.

Сегодня Россия отброшена на последнее место по таким основным показателям, как рождаемость, материальный уровень населения, образование, жилье, дороги, транспорт.

Наступление на русскую культуру, на историческое наследие России принесло и приносит неисчислимые потери: наши внуки практически уже не будут знать родной русской литературы, будут лишены возможности видеть русское зодчество, слушать русскую музыку. Все это исчезает на наших глазах, многое уже потеряно безвозвратно. Советская молодежь уже не знает имен таких гигантов отечественной культуры, как Собинов, Нежданова, Москвин... их изничтожают насадители эпидемии рок-чумы.

Происходит это под разными предлогами — в виде борьбы с религиозными и расовыми предрассудками, под лозунгом создания новых ультрасовременных форм псевдоискусства. Русское изобразительное искусство подавляется ложным новаторством. Западная мировая культура оборачивается для нас губительной антикультурой. На глазах утрачиваются традиции дружной и крепкой семьи, нравственности, навыки труда. Именно к этому приводит фетишизация незрелых взглядов молодежи, что с таким энтузиазмом навязывает нашему обществу телевидение.

Разве во всем этом смысл „нового мышления“ эпохи перестройки?

Мы являемся очевидцами фактической дискриминации русских деятелей науки и искусства. В академических институтах, творческих союзах, на руководящих работах доля русской национальности катастрофически упала и продолжает падать. Недавно проведенная кампания переквалификации в Академии наук СССР, в филармониях, других организациях более всего ударила именно по русским, еще более зловеще усилив национальную диспропорцию. Почему русские должны принять это как должное? Дело дошло до того, что русским позволено занимать лишь низшую сферу социальной пирамиды, что руководство Россией должно принадлежать некоему „интернациональному мозговому центру“. Еще бы, — ведь по числу лиц с высшим образованием на душу занятого населения нас перегнали даже бесписьменные в недалеком прошлом чукчи, якуты и другие национальные меньшинства.

Так в этом, что ли, наш интернациональный долг — сдать все свои позиции во всех областях, решающих судьбу народа?

Мы решительно заявляем, что навязываемая нам модель „интернационализма“ в действительности является вопиющим искривлением национального равноправия. Подлинный интернационализм всегда основывается на подлинном равноправии народов. Все партийные документы утверждают, что интернациональным может быть только национальное, идущее от народа, противостоящее космополитизму.

Мы не можем мириться с тем, что русский народ оказался перед угрозой деградации. Исторический долг интеллигенции в том, чтобы не умер ее народ. Но кто-то этому всячески способствует. Однако можно с уверенностью сказать, — если русский народ будет ослаблен и обескровлен, исход будущих сражений с силами социального зла будет предрешен заранее.

Наш патриотизм жестоко подавлялся в 20 – 30 годах, он служил мишенью для злобных обвинений почти так же, как сейчас. А во время Великой Отечественной войны, когда надо было бросаться под танки, о нем вспомнили, и

без него худо было бы не только русским, но и советским людям и европейским народам!

Итак, возросшее внимание, которое русские стали обращать на судьбы своего народа, рождено создавшейся несправедливостью, вследствие чего процесс развития Российской Федерации опасно замедлился. Возникает естественный вопрос: разве интернационализм ставит условием судьбу одного народа приносить в жертву другому, вплоть до полного самоуничтожения?

Патриотизм русских исходит вовсе не из убежденности в собственном превосходстве, из требований преимуществ для себя за счет других, и тем более не подходит под понятие „национализма“ и „шовинизма“. Не нужно спекулировать словами, размахивая ими как дубинкой, — это отнюдь не способствует укреплению дружбы народов. Не нужно ставить знак минуса к тому, что является нормальным проявлением самосознания человека.

Теперь потребовались новые героические усилия, чтобы вывести страну из кризисного состояния, расчислить путь к прогрессу с помощью перестройки. Все это происходит потому, что „интернационалисты“ не желают считаться ни с традициями жизни и быта народа, ни с самой землей, которая им совсем не дорога (сколько лучших земель в поймах рек ушло безвозвратно под воду!), ни с человеком. Могли ли русские в Госплане додуматься до того, чтобы за счет продажи алкоголя обеспечить выплату рабочим зарплаты? Нет, это — хорошо исторически знакомая зловещая тень шинкаря, обирающего и спаивающего народ.

А развал театра, засилие рок-музыки, трюкачество в живописи!

Нет, пусть мы не будем „идущими впереди“, пусть мы будем не столь скоропалительными в своих решениях, но мы не станем экспериментировать самым главным, что у нас есть дорогого — нашей Родиной.

Непоправимый ущерб нашей столице Москве нанесла преступная деятельность ГлавПУ. Может ли наш народ забыть об этом? Только в Москве уничтожено более 2000

памятников, часто без всякой надобности, из ненависти к русской культуре: на местах многих из них построены общественные уборные.

Наша пропаганда настойчиво и справедливо говорит о праве наций на самоопределение. Разве это имеет отношение только к национальным меньшинствам? Русский народ лишается этого права. Мы лишены Российской Академии наук, лишены права жить по собственным, а не чужим правилам. И мы понесли уже огромные материальные и нравственные издержки.

Напрасно, однако, кое-кто полагает, что с нами все покончено. В русской истории были трудные времена, но народ выходил с честью из испытаний, закаляясь в борьбе и укрепляя свой характер, оставаясь дружелюбным и щедрым, терпеливым и широким. Но русские никогда не смиряются с тем, чтобы их превратили в послушных исполнителей чужой воли, в „гоев“ — те, кто ставит это своей целью, — жестоко просчитается.

Перед нашим народом стоит программа не мнимого, а подлинного интернационализма на основе равноправия наций, и в этом залог преодоления всех временных трудностей.

Брюсова Вера Григорьевна - доктор искусствоведения, член Союза художников СССР, лауреат Государственной премии РСФСР;

Литвинова Галина Ильинична — доктор юридических наук;

Пономарева Тамара Алексеевна — член Союза писателей СССР.

II

В последние годы сложилась ненормальная и опасная ситуация в области национальных отношений народов СССР. Этим обеспокоены и средства массовой информации, взывая к чувствам интернационализма представителей разных национальностей.

Но можно ли сводить национальные перекосы к культурно-психологическим категориям? — а возобладала именно такая тенденция. Уходить от решения этих проблем — значит „загонять болезнь внутрь“. По-видимому, эти вопросы нужно решать, исходя из сложившейся социально-демографической ситуации.

В чем заключаются эти перекосы? Мы не будем касаться всех республик, но лишь Российской Федерации.

Существующее положение

Экономика. Российская Федерация занимает ведущее положение как в развитии экономического потенциала страны, так и в госбюжете СССР, но жизненный уровень в республике самый низкий.

Стало известно, что у нас в Законе о государственном бюджете заложено, оказывается, экономическое неравенство между республиками. Наибольшими льготами пользуются те республики, которые вносят наименьший вклад в общесоюзный бюджет. Ведь подоходный налог составляет их полную собственность, тогда как общественный бюджет формируется **преимущественно за счет РСФСР**. Эта несправедливость заложена в распределении дохода от товарооборота и по многим другим статьям финансирования.

Наиболее развитая экономически страна РСФСР с трудолюбивым народом и высокой, унаследованной от прошлых поколений культурой труда, доведена до **крайне низкого прожиточного уровня**. Неравенство возрастает в прогрессии. Ясно, сколь пагубно может сказаться это на дальнейшем развитии экономики и политической стабильности нашего государства.

Сельское население Российской Федерации вынуждено нередко уходить в город для обеспечения хотя бы минимального прожиточного уровня. Города РСФСР с высоко развитой промышленностью хуже других снабжаются мясо-молочными продуктами, хотя республика производит более половины их. РСФСР вырабатывает большую

часть электроэнергии и машин, но энерговооруженность сельского хозяйства ниже других республик. Значительно хуже дело обстоит с дорогами и, в особенности, с жильем. В Москве, например, более 10% населения живет в общежитиях, а норма жилья самая низкая — менее 5 кв. м. на человека. Это — в столице!

Начиная с 20-х годов и вплоть до настоящего времени, Россия стала ареной сомнительных экономических и научно-технических экспериментов, подрывающих ее экономику, разрушающих экологию: гидроэнергетика, которая вывела из строя плодороднейшие земли, водные ресурсы, рыбное хозяйство и т. д.; уничтожение „неперспективных“ деревень; внедрение вредных проектов типа переброски северных рек; возведение атомных электростанций с неизученной системой захоронения радиоактивных топливных отходов, вопреки научным рекомендациям не строить близ крупнейших городов и у истоков больших рек, ввиду вероятности глобальных катастроф, последствия чего сегодня уже ясны всем. Между тем известно, что с 1978 года большинство из стран мира отказались от сооружения атомных электростанций.

Все это самым непосредственным образом сказывается на **социально-демографической** ситуации в России, и в особенности — русского народа. По большинству жизненно-важных показателей РСФСР оказывается отброшенной назад по отношению к другим республикам. Россия, которая до революции занимала первое место по приросту населения, теперь имеет самый низкий уровень рождаемости. Прирост населения обеспечивается лишь за счет ассимиляции с другими народами, охотно принимающими русские имена и фамилии.

При низком прожиточном уровне мужчина не может обеспечить семью. Происходит ее распад. Женщинам приходится много трудиться, в том числе на тяжелых физических работах и на вредных производствах. Матери не могут уделять достаточно внимания воспитанию детей, а при широком распространении алкоголизма и наркомании катастрофически возрос процент рождаемости

неполноценных детей. Школы-интернаты для них переполнены. Опасных размеров достигла детская смертность. В этих детях, несчастных жертвах социальной несправедливости, наше будущее?! Будущее народа — наследника Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, Андрея Рублева и Сурикова, Пушкина и Лермонтова, Глинки, Мусоргского и Чайковского, Толстого и Достоевского.

При существующей ситуации, по имеющимся прогнозам специалистов, уже **через поколение русское население сократится вдвое**. Создавшееся положение полностью подпадает под понятие ГЕНОЦИДА.

Столь же неблагоприятно обстоит дело в кадровой и квалификационной политике. Русские оттеснены во всех сферах, составляющих верхушку так называемой социальной пирамиды: в управлении, науке, творческих организациях, словом, там, где формируется национальное самосознание.

По принципу „освободить науку от русских“ прошла переаттестация в институтах системы Академии наук СССР. Русские во многих случаях были освобождены от должности или переведены на более низкую ставку, а представители других национальностей повышены, многие из них занимают две-три высокооплачиваемые должности.

Политическое устройство РСФСР и административное руководство имеют урезанную государственную структуру по отношению к другим республикам. В России нет республиканских Академии наук, Академии художеств, Консерватории и т. п. По существу, в настоящее время положение подходит под троцкистско-сионистскую программу — „Федерация для национальностей с отдельными центрами, без отдельного центра для русских“. Ныне русские оказались бесправными в своей стране!

В области идеологической жизни положение достигло предельной остроты. Органы массовой информации: телевидение, радио, пресса взяли открытый курс на русофобию, бойкотируя защитников русской культуры,

предоставляя „зеленую улицу“ ее ниспровергателям. Невозможно себе представить, что и сегодня, в условиях гласности и демократии, наше письмо будет обнародовано, хотя в нем приводятся общеизвестные и объективные факты.

Как по договоренности разом закрылись — Третьяковская галерея, Исторический и Русский музеи, Эрмитаж, Большой театр, культурные центры во многих областных городах. Все это происходит с ведома и при попустительстве организаций, ответственных за этот фронт нашей духовной жизни. Чуждые нам явления активно пропагандируются адептами странно понятой „перестройки“, взявшими на себя роль учить народ „интернационализму“, призывая к оголтелой „охоте на ведьм“, учить тех, кто имеет другое представление об интернационализме, — не как эпигонской погоне за космополитической „культурой“.

После того, как в нашей стране было уничтожено, вопреки воле народа, невиданное количество памятников истории и культуры, этот процесс продолжается безостановочно и по сей день.

За последние годы вывезено и выкрадено при выезде из страны за рубеж национальных сокровищ культуры нашего народа на 40 – 60 миллиардов рублей!

РСФСР — единственная республика, в школах которой не изучают историю страны и родного края как самостоятельный предмет. Россия была одной из первых стран мира, где природоведение было поставлено на научную основу, но вот уже 60 лет как этот предмет изъят из учебных программ. Народ, лишенный своих духовных ценностей, обречен на вымирание.

В этой связи стоит напомнить слова Н. М. Карамзина: „Я не смею думать, что у нас в России было не много патриотов, но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут“.

Оно и выходит, что народ, протянувший руку братской

помощи, выступает ныне в роли „Ивана-дурака“.

Известно высказывание В. И. Ленина, что „интернациональное и есть антинациональное“. И разве интернационализм ставит условием судьбу одного народа приносить в жертву другому, вплоть до полного самоуничтожения? Подлинный интернационализм может основываться только на подлинном равноправии наций.

В. Г. Брюсова — доктор искусствоведения, член Союза художников, лауреат Государственной премии РСФСР;

Т. А. Пономарева — член Союза писателей СССР.

Н. Г у р к о

Правда о встрече во Дворце культуры ЗИЛ*

26 января в Москве, во Дворце культуры завода имени Лихачева состоялась встреча руководителей патриотического объединения „Память“ с партийными руководителями города и района, с руководством завода и администрацией ДК, посвященная вопросу регистрации этого объединения (этот вопрос решается уже более года, но „Память“ юридического статуса так и не имеет). 31 января в газете «Советская Россия» была опубликована статья

* Из журнала «Земля» № 5 / 1988 г., Москва – Таруса.

„Не понаслышке“, рисующая эту встречу в искаженном виде. Как участник встречи считаю своим долгом рассказать, как это было на самом деле.

Что организаторы встречи пошли на нее с готовым решением, что их задачей было не регистрировать „Память“, а наоборот, и что они нисколько не сомневались в своем праве решать ее судьбу, стало ясно из речи первого же оратора — начальника управления культурой исполкома Моссовета тов. Бугаева. Им было сразу же заявлено, что новое название „Памяти“ носит „подстрекательский“, „демагогический“ и „провокационный“ характер. И что „Память“ пытается говорить „от имени всего народа“, на что „не имеет права“.

При этом содержание возвания не было оглашено или изложено даже вкратце. Выйдя к микрофону, секретарь „Памяти“ Д. Д. Васильев потребовал огласить документ, прежде чем обсуждать его и наклеивать ярлыки. Под аплодисменты бóльшей части зала Васильев повторил свое требование несколько раз. Но ответом на это закономерное требование было заявление представителя МГК КПСС тов. Виноградова о том, что возвание уже „прочитано“ и „обсуждено“... в коллективах ЗИЛа.

Убедившись, что „Памяти“ на этом странном мероприятии, поименованном „встречей“ с „Памятью“, даже не будет предоставлено слово, руководители объединения покинули зал.

Трибуной, естественно, завладел победитель — тов. Виноградов. Он сказал, что не мог допустить чтения возвания, т. к. оно носит провокационный, антисоветский характер и в нем содержатся выпады против руководства страны. Далее он обвинил Васильева в демагогии и „спекуляции на трудностях“. „А разве вы не пользуетесь демагогией? Разве нельзя говорить о трудностях?“ — раздались крики из зала. Но тов. Виноградова это не смутило. Он сделал то, зачем сюда пришел — объявил, что объединению „Память“ отказано в регистрации.

Затем было еще больше десятка выступавших. Некоторые члены „Памяти“ высказались против Д. Д. Васи-

льева, обвинив его в том, что он, захватив лидерство, повел объединение по неверному пути. Так, выступавший В. Кузнецов сказал, что считает поведение Васильева провокационным: на одном из вечеров „Памяти“ ее лидер утверждал, что существует заговор сионистов против русской культуры. С резким осуждением „Памяти“ и ее руководителя выступила также преподаватель философии одного из московских вузов тов. Белова, сообщившая, что в квартире у Васильева висит портрет Николая II...

Но были и другие выступления. Несколько человек рассказали о том, каким преследованиям они подвергались за связь с объединением „Память“. Особенно остро выступил В. С. Шумский. Вот приблизительная цитата из его выступления:

— Не так давно на Пленуме МГК КПСС секретарь исполкома Моссовета тов. Прокофьев упрекнул бывшего первого секретаря МГК КПСС тов. Ельцина в том, что тот на встрече с „Памятью“ 6 мая 1987 года сдавал одну позицию за другой. Но кто мешал самому товарищу Прокофьеву выступить на этой встрече и попытаться отвоевать сданные позиции? Он этого не сделал, он вместе с другими аплодировал выступавшим. Так же и вы, товарищ Виноградов. Я выступал на той встрече с Ельциным. После нее в прессе началась кампания травли руководителей объединения, досталось и мне. Первую пространную публикацию поместили «Московские новости». Потом опубликовала свою статью в «Комсомольской правде» Е. Лосото, вылившая на нас ушаты грязи. Слушая западные „голоса“, я был поражен тем обстоятельством, что они критикуют „Память“ с тех же позиций, приводят те же доводы, используют те же выражения и формулировки, что и наши газеты...

Последним выступавшим на встрече в ДК завода имени Лихачева был бородатый молодой человек, чье выступление особенно памятно, так как оно закончилось скандалом. Молодой человек сообщил, что за связь с „Памятью“ был изгнан с работы и по этому поводу обратился за помощью к одному из секретарей Московского

городского комитета партии. Но в помощи ему было отказано. Молодой человек назвал поименно работников горкома, виновных в его мытарствах. В частности, было названо имя Виноградова. Но внезапно за спиной выступавшего выросла фигура одного из работников райкома. В порыве служебного рвения он, видимо, решился грудью защитить вышестоящих товарищей. Он вырвал микрофон у молодого человека и закричал:

— Мы не позволим вам критиковать и позорить работников горкома, мы не хотим вас слушать!

Из зала раздавались крики: „Почему не даете договорить! Отдайте назад микрофон!“ Но были в зале и люди, аплодировавшие райкомовцу.

В публикациях «Московской правды» и «Советской России» ни об этом вопиющем эпизоде, ни о других выступлениях в защиту патриотического объединения „Память“ не было сказано ни слова. Упомянуты лишь выступления ее критиков и недоброжелателей. Пресса пыталась представить встречу в ДК ЗИЛ как акцию осуждения представителями рабочего класса демагогов, крикунов и отщепенцев. На самом деле рабочих в зале почти не было. Да если бы и были — кого они должны были подвергнуть осуждению? Кота в мешке? Ведь ничего конкретного о „Памяти“, о ее новом „воззвании“, целях и задачах им не дозволено было услышать.

Триумф в прессе, конечно, полный... Но триумфа на вечере не было — организаторы не смогли даже достойно завершить его.

Пресса и руководящие организации Москвы используют против „Памяти“ те методы, за которые они ее пытаются критиковать — демагогию и право, которого на самом деле нет ни у кого, — говорить от имени народа.

Хранить вечно!*

В № 29 в публикации „Мемориал совести“ «Огонек» предложил провести выставку проектов памятника жертвам сталинских репрессий в октябре-ноябре 1988 года во Дворце культуры МЭЛЗ. Проекты и предложения направляйте по адресу: 105023 Москва, пл. Журавлева, 1. ДК МЭЛЗ.

И вот уже две недели звонят по телефону, шлют письма и приходят во Дворец культуры люди – спрашивают, советуют, предлагают... Собственно, по-другому и не могло быть. Ужас сталинизма – всенародный стыд, всеобщая боль. Необычность объявленного «Огоньком» конкурса в том, что в нем призываются участвовать не только профессионалы, а все желающие. Не обязательно присылать выполненные по правилам проекты, это могут быть идеи, концепции, эскизы, даже просто неумелый рисунок. Важно, чтобы каждый смог реализовать святое право на память.

Все, что связано с годами культа личности, вызывает огромный интерес. Но особенность его сегодня, пожалуй, в том, что в переосмыслении и переоценке прожитого большинству из нас отведена пассивная роль читателей и

* «Огонек» № 32, Москва, 6 – 13. 8. 88.

слушателей. Невозможность почтить всех, кого поглотила „черная дыра“ необъявленной войны с собственным народом, неоплатный долг перед ними все чаще порождают потребность не в созерцательной, а в активной позиции.

Представляется важной и нужной идея организации антисталинских акций, в которых люди смогли бы принять непосредственное участие. Вот почему на заключительном этапе конкурса «Огонек» и ДК МЭЛЗ планируют провести Неделю Совести, сбор от которой будет перечислен в фонд мемориала.

Экспозиции исторических материалов, фотографии, живопись и графика, спектакли и кинофильмы, обличающие культ личности, день „репрессированной поэзии“ и „лагерной песни“, вечера памяти людей, чьи имена были вырваны из памяти в угоду палачам, – примерно так видятся сейчас дни недели.

Ее программа еще будет уточняться (надеемся, что и с вашей, уважаемые читатели, помощью), но смысл ясен: ни в коем случае не ограничиваться рассмотрением лишь одной фигуры „вождя“ – сталинизм страшнее Сталина: обсуждение истоков и механизмов всевозможных культов, путей их искоренения и поисков гарантий демократии, взаимоотношений личности и государства.

Эта неделя не может не быть страшной. Но она должна стать очищающей. И безоговорочно разоблачительной, показывающей несостоятельность сталинских методов во всех областях: политической, идеологической, экономической, нравственной, военной... Принцип прост: источник и критерии оценок и выводов – только правда и полная информация. Ничто так не изобличает, как подлинные документы. Ничто так не потрясает и не убеждает, как виденное своими глазами.

Мы рассчитываем, что в Неделе Совести примут участие ведущие деятели культуры, ученые, публицисты, дипломаты, военные...

У меня нет иллюзий: идея проведения недели встретит не только сторонников. Почему же в сознании многих все

еще существует прочный охранный слой сталинизма, так живуч мифический ореол его величия?

Потому что Сталин – отчасти это мы сами. Почти в каждом из нас до сих пор сидит маленький иосиф виссарионович и не дает подняться в полный рост ни нам, ни Державе. Страшные постулаты психологии сталинизма, замешанные на страхе и крови миллионов, проникли в подсознание, вьелись в плоть почти на генетическом уровне. До конца отречься от Сталина – значит переломить себя.

Как же извращена и изуродована должна быть мораль общества, если обычного уголовника настигает всеобщее презрение, а иногда и смертная казнь, а у виновника миллионов невинно убиенных и растерзанных все еще находятся сторонники и покровители.

Потому что миллионы (вдумайтесь, как страшно часто приходится употреблять это слово) – это для многих абстрактно, это не для всех осязаемо?

Где же выход? Выход только один: разоблачить Сталина до конца.

Очень важно сказать всю правду о Войне. Победа в ней – наиболее сильнодействующий на широкие массы аргумент сторонников исторической правоты линии Сталина. Но надо же назвать истинную цену победы, оплаченную потерями сверх всякой возможной меры из-за недалековидности и стратегических ошибок Генералиссимуса.

Поднимаясь в атаку с криком „За Сталина!“, страна истекала кровью от наносимых им же ударов в спину ножом нескончаемых репрессий. Народная война велась фактически на два фронта: с фашизмом и сталинизмом. Необходимо, наконец, обнародовать правдивые цифры потерь в этих боях. Думаю, что они будут соизмеримы...

Палач и жертвы не могут состоять в одной партии. Да и вообще, палач-коммунист – что может быть противоестественнее? Тысячи и тысячи честнейших людей были восстановлены в партии посмертно. Что же мешает посмертно исключить из партии пославшего их на гибель, его слуг и последователей? Как писали в справках о реа-

билитации, „в связи с вновь открывшимися обстоятельствами“. Надругательство над идеалами?

А то, что главный преступник „всех времен и народов“ до сих пор покоится у Кремлевской стены рядом с Мавзолеем – не надругательство?

... Раздался телефонный звонок: „Опять жертвы репрессий, сколько можно копать в истории?“ Убежден: война со сталинизмом – вопрос не только истории. Это самый что ни на есть текущий момент! Вопрос выбора,. С кем быть?

На папках с делами особо опасных „врагов народа“ делалась пометка „хранить вечно“. Сталинизм сам вынес себе приговор. Память о нем должна остаться в истории человечества с грифом „хранить вечно“.

Александр Вайнштейн, директор ДК МЭЛЗ, лауреат премии Совета Министров СССР.

„Русская идея“: проблемы культуры – проблемы кинематографа

«Искусство кино», № 6, Москва, июнь 1988 г.

В статье содержатся ответы на анкету, предложенную редакцией журнала «Искусство кино» ряду деятелей науки и культуры. В анкете вопросы о русской „мессианской идее“, ее роли в русской культуре, о связи этого явления с пробуждением русского национального и религиозного самосознания. Поставлен также вопрос о связи „русской идеи“ с творчеством Андрея Тарковского. Приводим ответ на анкету математика, члена-корреспондента Академии Наук СССР **И. Шафаревича**. *Ред.*

Ситуация парадоксальна: русская мессианская идея, с одной стороны, как будто вовсе не существует, а с другой – существует, даже очень реально.

Мессианизм – вера в „избранность“ некоторой нации, религии и т. д., призванной, по ее убеждению, спасти человечество, определить его судьбу. Прообраз всех таких учений – содержащаяся в иудаизме концепция избранного богом народа, которому будут „служить народы и царства“, и вера в грядущего его спасителя – Мессию (машиах – помазанник).

В этом смысле русского мессианизма (или русской мессианской идеи), насколько мне известно, никогда не существовало. Я не знаю никаких его проявлений ни в русской истории, ни в фольклоре, ни в литературе. Автором этого термина является, кажется, философ Н. Бердяев, связывавший его с концепцией Москвы как Третьего Рима, высказанной в XVI веке псковским мона-

хом Филофеем. Аргументация Бердяева – очень дилетантская, не опирающаяся на сколько-нибудь основательный материал. Работы историков-профессионалов (например, в трудах „Пушкинского дома“ за 1962, 1969, 1974 гг.) ее не подтвердили. Трудно указать на какое-то конкретное проявление русской мессианской идеи в виде распространенной концепции, устойчивой традиции. Даже Достоевский, особенно напряженно размышлявший над судьбой русского народа, говорил (называя это „своей фантазией“) всего лишь о мечте, что „нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет новое слово миру“. Претензия очень скромная и вполне оправдавшаяся: он сам, например, и был таким „новым словом“.

И все же термин „русский мессианизм“, хотя и обозначающий несуществующее явление, оказался очень ходовым. Употребляется он или по недоразумению, или, чаще, как средство в полемике. Его применяют в попытках осмыслить наши насущные проблемы с точки зрения наших же духовных традиций и исторического опыта. Иначе говоря, речь идет о надежде, что наша страна будет расти органично, на основе своей тысячелетней истории. Это естественное желание, диктуемое заботой о сохранении нашей национальной индивидуальности, изображается как стремление русских навязать всему миру свои архаичные идеалы, толкающие страну к культуре силы и произвола и враждебные другим народам. Оно-то и клеймится ярлыком русского мессианизма. В менее ученом варианте те же чувства выражаются такими терминами, как „черносотенцы“ или „охотнорядцы“ (это когда и Охотного ряда уже нет!).

Поразительно, что точно те же полемические приемы были в ходу более ста лет назад. Так, приведенная выше „фантазия“ Достоевского была немедленно осуждена, как попытка выделить Россию „в избранный богом народ“. А начинающий Тургенев был так увлечен духом партийной борьбы, что нарисовал образ славянофила, который „ест редьку, западных людей бранит и пишет донесенья“ (то есть доносы!).

В чем же заключается этот круг проблем? Не в русском мессианизме, конечно. Я думаю, в том, как нам не заблудиться в наших многочисленных проблемах, не дать частным и мелким заслонить глубинные и самые насущные, отделить одни от других.

Это особенно важно сейчас, когда многое меняется и будущее, возможно, принесет гораздо большие перемены, но в то же время нас обступают такие грандиозные, такие трудные вопросы. О наших реках, о Байкале, о Севане, о русских черноземах. Об алкоголизме и наркомании, о сокращении рождаемости. О наших городах, памятниках архитектуры и церквях – как остановить их разрушение и начать залечивать раны. Величайшей радостью было возвращение нам в самое последнее время столь многих памятников нашей культуры. Но это показывает в то же время, чего мы были лишены долгие годы. И здесь еще остается сделать очень многое. Разве не горько, например, что в ФРГ издано (по-немецки) самое полное собрание сочинений Владимира Соловьева, а у нас не опубликовано ничего из его философских трудов, хотя переиздаются Гегель, Шеллинг и Николай Кузанский?

На фоне таких проблем и особенно сейчас, когда появилась надежда к ним подступиться, могли бы отойти на задний план вопросы не столь судьбоносные, на некоторых требованиях можно было бы настаивать с меньшим шумом. Надо только взглянуть на сегодняшнюю жизнь из перспективы более чем тысячелетней истории нашей страны, ощутить благоговение (да простится мне старомодное слово) и ответственность перед историей. Историки утверждают, что наши предки умели смотреть на свою жизнь с „точки зрения вечности“ (поэтому летопись, посвященная в основном современным событиям, начиналась часто с сотворения мира). Нам бы для начала научиться смотреть хоть с точки зрения нескольких веков своей истории, осознать сегодняшнюю жизнь как органическое продолжение. Только такая позиция может дать надежный критерий в оценке относительной важности обступающих нас проблем.

Казалось бы, такая точка зрения не должна была вызывать никакой „поляризации нашей интеллигенции“. Но, вероятно, есть парадоксальная истинность в постановке вопросов редакцией, и столь естественные чувства действительно выглядят сейчас, ввиду разных причин, как „очень сложное, противоречивое, пока неисследованное явление, которое условно можно назвать неопочвенничеством“ – это само по себе знаменательно, хотя и печально.

Из перечисленных вами фильмов мне запомнился „Андрей Рублев“. Поразила меня картина мрака, грязи, ущербности и жестокости, которую она рисует. В такой жизни явление Рублева было бы невозможно и бессмысленно. А ведь это была эпоха великих художников и святых: откуда же они появились? Современники писали о тогдашних иконописцах: „божественные радости и светлости исполняхуся“; преподобный же Андрей – „всех превосходящ в мудрости зельне“. И тот фаворский свет, который современники видели разлитым в иконах Рублева, и светлый образ как самого „преподобного Андрея“, так и воскресающей Руси – все будто замарано слоем грязи.

К сожалению, это далеко не единственный фильм такого направления. Другой вариант – „Сказ о том, как царь Петр арапа женил“. Жалость берет, когда глядишь на бедного арапа, по милости жестоких разбойников попавшего в это гноище – петровскую Россию. Все без исключения „птенцы гнезда Петрова“ – это мелкие и злобные жулики. Очень тщательно подобран типаж: свинные, маленькие глазки, носы картофелиной, ничего не выражающие тупые физиономии – таковы почти все, вплоть до мелких статистов. Еще один вариант – „Агония“. Выйдя после этого фильма из кинотеатра, я долго не мог прийти в себя. Здесь – Россия 1916 года: нищета деревень, бредущие по дорогам нищие, голодные едят дохлую лошадь. (В России, которая и до войны кормила пол-Европы, а во время войны потеряла рынки сбыта!). В фильме есть один человек – Николай II, дурной, слабый,

нечестный, но все же человек. Но другие – на всю страну не находится ни одного человеческого лица, одни карикатуры. Верх бестактности: сын Николая II – Алексей, ребенок, которому суждено через два года погибнуть, изображается злобным паучком, Крошкой Цахесом. Применен такой прием: вставлено много кусков старой хроники (или съемок под старую хронику?), благодаря непривычной скорости кадров все как будто дергаются, все приобретает характер несерьезности. Взгляд на Россию – сверху вниз, иронический. Остается впечатление, что авторов фильма отталкивает не общественный строй старой дореволюционной России, им антипатична вся страна, как таковая, в ней не оказывается ни одного светлого пятна, ничего достойного. Очень соответствующая духу фильма музыка придает всему действию (то есть русской истории) характер невеселой, неприятной оперетки.

Для всех фильмов этого профиля символичным представляется эпизод, происшедший при съемках сцены разгрома Владимира в „Андрее Рублеве“ (по рассказам снимавшихся): чтобы инсценировать пожар, положили пиротехнические шашки на колокольню Успенского собора, потом забыли их убрать, отчего начался уже настоящий пожар, который с трудом погасили. Так, чтобы поразить зрителя, на распыл пускается и образ России, и образ самого Рублева, и собор с его фресками! По-видимому, тут есть какая-то общая тенденция: нечто очень похожее пишут и о театре (например, «Наш современник», 1987, № 9). Может быть, художественные критики объяснят: в чем тут дело?

Вернуть Солженицыну гражданство СССР*

Вопрос читателя:

„В чем суть этого парадокса?“

Я лишь понаслышке знаю о книгах А. Солженицына. Правда, однажды держал в руках „Один день Ивана Денисовича“, но прочесть не дали... Слышал, что „ГУЛАГ“ – это главное управление лагерями, а также о том, что писатель то ли сам уехал из СССР, то ли его выслали. Как так получилось, что лауреат такой престижной премии, как Нобелевская, оказался вне СССР? В чем он не нашел общий язык в нашей стране и с кем? В чем суть этого парадокса?

г. Одесса.

В. Карнаушенко.

Мнение литературоведа

В феврале 1974 года Указом Президиума Верховного Совета СССР лауреат Нобелевской премии писатель А. И. Солженицын лишен гражданства СССР по статье 64 Уголовного кодекса „за измену Родине“. А. И. Солженицын был арестован у себя на квартире, отправлен в

* «Книжное обозрение» № 32, Москва, 5 августа 1988 г.

Лефортовскую тюрьму, там ему были объявлены статья и приговор. Специальным самолетом он был вывезен за пределы своей страны. К этому моменту ему шел 56-й год.

Жизнь в России вместила учение в двух институтах, войну (о чем речь пойдет ниже), 8 лет лагерей, ссылку, работу учителем математики в деревенской, а потом в рязанской школе, литературное признание и каждодневный и одухотворенный труд безо всяких скидок на угрожающие условия жизни, травлю, клевету, болезнь.

Несмотря на все выпавшее на его долю, Солженицын прошел свой путь на нашей земле как человек счастливый, глубоко убежденный в нужности, неотвратимости перемен, за которые он и бился со всей мощью своего писательского дара и общественного темперамента.

Кстати, нашей сегодняшней гласности он добивался еще в 1969 году. Вот его слова в письме от 12 ноября 1969 г. Секретариату СП СССР: „Гласность, честная и полная гласность - вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности - тот равнодушен к отечеству“.

Чаша терпения руководства тех лет переполнилась, когда в декабре 1973 г. на Западе вышел первый том „Архипелага ГУЛАГ“. Надо сказать, что Солженицын не вполне добровольно пошел на выпуск за границей этого своего заветного, скрываемого до времени произведения, о котором знали лишь несколько его ближайших друзей. Обстоятельства вынудили его совершить этот шаг. Дело в том, что в августе 1973 года был конфискован один из первоначальных вариантов книги. Затем при невыясненных обстоятельствах погибла Елизавета Денисовна Воронянская, пожилая, одинокая ленинградка, которая много лет помогала Солженицыну как машинистка.

Публикация „Архипелага“ на Западе была ответом Солженицына на конфискацию его рукописи и гибель его помощницы.

Выход „Архипелага“ всколыхнул нашу печать. Два месяца обличающие автора подвалы, грозные передо-

вицы, возмущенные письма непрочитавших книгу граждан, профессиональные карикатуры Бор. Ефимова не сходили со столбцов газет. Потом последовали Указ о лишении гражданства и принудительная высылка автора крамольной книги. Недели через две после высылки А. И. Солженицына все его книги, изданные в нашей стране, и журнальные публикации рассказов были изъяты озо всех библиотек и сожжены.

А издано у нас к этому времени было немало. Читатели запомнили „Один день Ивана Денисовича“, „Матренин двор. (Не стоит село без праведника)“, „Случай на станции Кречетовка“, „Для пользы дела“ и, наконец, „Захара-Калиту“. Все эти вещи печатались в «Новом мире» при А. Т. Твардовском („Иван Денисович“ еще и в «Роман-газете», и в издательстве „Советский писатель“), большинство, в особенности „Иван Денисович“, было восторженно принято прессой, однако...

История с конфискацией рукописи „Архипелага“ была не первой в цепи насилий над архивом писателя.

11 сентября 1965 года на квартире лиц, которым А. И. Солженицын доверил хранение своих рукописей, был конфискован его роман „В круге первом“, а также стихи („Сердце под бушлатом“) и пьесы, написанные еще в лагере. Эта первая конфискация архива послужила началом травли Солженицына, привела к его исключению из Союза писателей СССР (октябрь 1969 г.), выставила его под шквал непрерывной клеветы, угроз и оскорблений. И главное — выдвинула заслон публикации его произведений на родной земле. Ни одна из книг, которые он написал в России после 1965 года — „Раковый корпус“, „Бодался теленок с дубом“, „Август четырнадцатого“ (не говоря уже о сценариях и рассказах), не была допущена на страницы советской печати.

Может возникнуть вопрос: зачем вспоминать все это сейчас, когда имя Солженицына без бранных эпитетов начало появляться в нашей печати, когда, как мне говорили, «Новый мир» хочет печатать „Раковый корпус“?

Мы же признали, что Солженицын написал нечто цен-

ное, мы даже согласны эти культурные ценности взять себе. Так и быть, мы воспользуемся результатами его труда, плодами его растоптанной жизни. А он пусть будет нам за это благодарен, пусть будет счастлив, что Родина вспомнила о своем сыне.

„Искусство принадлежит народу“ – вот лозунг, который мы видим с детства, и он отпечатался у нас на сетчатке глаз. Судьбы лучших наших писателей, артистов, ученых настоятельно требуют внедрить в сознание поколений еще один лозунг: „Творцы подлинного искусства (и науки) – это великая ценность любого цивилизованного народа“.

А мы топчем ногами свои великие ценности, оплевываем их, даже уничтожаем, а потом удивляемся – куда девалась доброта, милосердие, чувство собственного достоинства, нравственность, уважение к труду, а значит, и умение трудиться.

Поэтому вместо просьбы о разрешении на публикацию „Ракового корпуса“ Солженицыну надо прежде всего сообщить об отмене несправедливого приговора, обвиняющего его в измене Родине. Ему нужно вернуть гражданство СССР. Только после этого станут уместны публикации его книг и их критическое осмысление на страницах наших газет и журналов.

В подтверждение неотъемлемого права А. И. Солженицына на гражданство СССР (если вообще нужны такие подтверждения человеку, родившемуся в этой стране и прошедшему вместе с народом все нелегкие перипетии судьбы своего поколения) приведу строки из его реабилитационного дела (определение № 4 н-083/57 Верховного Суда Союза ССР от 6 февраля 1957 года):

„...Солженицын Александр Исаевич рождения 1918 г., уроженец г. Кисловодска, с высшим образованием, до ареста являлся командиром батареи, участвовал в боях против немецко-фашистских войск и был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звездой...

Из материалов дела видно, что Солженицын в своем

дневнике и в письмах к своему товарищу... высказывался против культа личности Сталина...

Из боевой характеристики на Солженицына... видно, что Солженицын с 1942 года до дня ареста, т. е. до февраля 1945 года, находился на фронтах Великой Отечественной войны, храбро сражался за Родину, неоднократно проявлял личный героизм и увлекал за собой личный состав подразделения, которым командовал. Подразделение Солженицына было лучшим в части по дисциплине и боевым действиям... Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 7-го июля 1945 года в отношении Солженицына Александра Исаевича отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления... прекратить“.

Итак, Солженицын храбро защищал свою страну, когда на нее напал Гитлер, в 30-е годы он задумал роман „Люби революцию“, в 40-е осудил сталинизм, в 60-е потребовал гласности. На протяжении жизни менялись его взгляды, накапливался горький жизненный опыт, окреп писательский талант.

Пора прекратить затянувшуюся распрю с замечательным сыном России, офицером Советской Армии, кавалером боевых орденов, узником сталинских лагерей, рязанским учителем, всемирно-знаменитым русским писателем Александром Солженицыным и задуматься над примером его поучительной жизни и над его книгами.

Елена ЧУКОВСКАЯ.

ОТ РЕДАКЦИИ

(Журнала «Книжное обозрение», Москва)

Письмо читателя из Одессы о книгах и судьбе А. Солженицына – не единственное в своем роде. Долгое время мы отвечали на такие письма по установившейся бюрократической практике – вежливо-формально, называя лишь общеизвестное. И вот появился в редакции мате-

риал литературоведа Елены Чуковской. Как узелком, он связал издавна и издалека тянущиеся нити.

Нить первая: читатели все больше и больше интересуются творчеством Солженицына.

Нить вторая: из того, что у нас опубликовано, мы знаем: Солженицын – это Писатель.

Нить третья: мы не знаем, что он такого написал в изгнании, чтобы о нем не говорить на Родине.

И нить последняя – конструктивная точка зрения, с которой вы только что ознакомились.

Других аргументов у нас пока нет, одни вопросы, На вопросы надо отвечать. Кто просит слова?

Отклики на статью Елены Чуковской*

„Учиться терпимости к живущим“

Отклики на любую задевающую социальный нерв публикацию центральных газет приходят в первую очередь от москвичей. Понятно: жители столицы в более выгодном отношении к редакциям с точки зрения времени и расстояния. Вот и на статью Елены Чуковской „Вернуть Солженицыну гражданство СССР“ в прошлом номере «КО» отклики начали поступать прямо с утра в день выхода газеты. Читатели звонили, приходили сами, присылали телеграммы и письма...

* «Книжное обозрение» № 33, Москва, 12. 8. 1988 г.

В числе первых приехал в редакцию с откликом кандидат медицинских наук и литератор М. Буянов. Горячо поддерживая предложение о полной прижизненной реабилитации А. Солженицына, он вспоминает о своем письме писателю в 1969 году в Рязань и его ответном письме. „Я горжусь этим письмом больше, чем всеми письмами, которые мне приходилось получать, вместе взятыми, – пишет М. Буянов.

Бывший осужденный по 58-й статье и реабилитированный в 1957 г., сын бывшего „врага народа“ Б. Файнерман написал: „Могу свидетельствовать со ссылкой на личный опыт: в описании лагерного и тюремного быта „врагов народа“ у Солженицына – святая правда“. И далее: „Если уж кого обвинять в антисоветчине, то не А. И. Солженицына, а тех, кто поливал грязью всемирно известного земляка, причем независимо от того, делали ли они это по заказу идеологов типа Жданова – Сулова или добровольно“.

Много можно приводить взволнованных, искренних, идущих от души слов, скажем, из писем М. Москвина-Тарханова, В. Светлова, телеграммы А. Оснача из Серпухова, Е. Литвин, М. Лебедева, В. Гопмана, В. Самусенко, А. Миллера из Москвы... Ограничимся лишь двумя выдержками.

Кандидат исторических наук К. Душенко:

„Наша история знает много, слишком много примеров отлучения художника от своего народа за высказывания и взгляды, не совпадающие с официальными. И рано или поздно за это приходится каяться – обычно после смерти художника. Надо учиться терпимости к живущим. Чтобы потомки не сказали про нас: „Они любить умели только мертвых“.

Читательница Л. Воробьева:

„При обращении в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой об отмене Указа о лишении писателя Солженицына А. И. гражданства СССР (надеюсь, ваша редакция оформит такое официальное обращение) поставьте и мою подпись“.

Мы много потеряли и теряем до сих пор людей, чей талант несомненен и необходим Отечеству. Недавно Виктор Астафьев в своем выступлении в Иркутске на встрече редколлегии журнала «Наш современник» с общественностью города сказал, какую вину чувствовал он, посетив могилу И. Бунина на кладбище Сент-Женевьев в Париже, вину не только свою, но и всех русских людей. Сказал он, что такую же вину будет ощущать его внук, посетив и другую могилу еще одного великого русского писателя, изгнанного из страны. Но у нас есть возможность вернуть в Россию этого писателя... Я говорю об Александре Исаевиче Солженицыне, лишенном советского гражданства в тот период нашего времени, который мы называем сейчас застойным, от которого сейчас отказываемся, потому что характеризовался он не только застоєм в экономике, но и извращением всех нравственных понятий, коррупцией, взяточничеством, всесилием административного аппарата, нарушавшего беззастенчиво неотъемлемые права граждан. И было бы естественным, чтобы мы отказались от всех незаконных действий, совершенных в ту пору, и мы сделали это в отношении так называемых диссидентов, инакомыслящих, которых освободили из тюрем и лагерей, но, чтобы быть последовательными в этой справедливой политике, мы должны вернуть России имя русского писателя А. И. Солженицына, появление которого в 1962 году с повестью „Один день Ивана Денисовича“ всколыхнуло всю читающую Россию, так как эта повесть была возвращением в нашу жизнь непреходящих ценностей нашей классической русской литературы, вся деятельность которой соответствовала пушкинским словам: „...Что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к павшим призывал“.

Эта повесть оказалась первым художественным словом, разоблачающим культ Сталина, и только сейчас стали появляться произведения на эту тему: роман А. Рыбакова,

рассказы Л. Разгона и повесть „Черные камни“ А. Жигулина.... Но А. Солженицын был первым.

Думается мне, что не будь рассказа „Матренин двор“, быть может, не появилась бы у нас та прекрасная и чистая деревенская проза, воздухом которой мы все дышали много лет.

Недавно в одном интервью на вопрос писателю, возможно ли возвращение его на Родину, Александр Исаевич ответил, что писатель возвращается на Родину сперва своими книгами. В другом интервью, более давнем, еще до перестройки, Солженицын сказал, что он все же предчувствует возможность побывать в России, а „мои предчувствия всегда сбываются“, добавил он. Дай Бог, чтобы это было так. Но одно его предчувствие как будто сбылось. В те годы, когда он жил в Рязани, я привез ему свою пьесу о 56-м годе, в которой война была лишь в воспоминаниях персонажей. Около часа мне довелось поговорить с Александром Исаевичем. В частности, он сразу же спросил меня, что было в моей жизни. Я ответил, что лагерей не было, была война. „О, это уже много“, – сказал Александр Исаевич и попросил рассказать о том, где и кем я воевал. Я рассказал. Пьесу он обещал быстро прочесть и написать свое мнение о ней.

Я очень скоро получил ответ, в котором Александр Исаевич высказал много критических замечаний о пьесе, но в заключение написал: „А вот, что я предчувствую: ваша „ржевская проза“ будет хороша и нужна. Займитесь ею серьезно“. Какую веру и прилив сил я почувствовал, нечего и говорить. Я действительно стал всерьез заниматься „ржевской прозой“, но „Сашку“ написал уже тогда, когда Солженицына выдворили из страны. Не успел я показать „Сашку“ и Виктору Некрасову – он тоже вскоре уехал. Я не знаю, дошел ли до Александра Исаевича мой „Сашка“, но, если дошел, то хочется надеяться, это, быть может, в какой-то мере подтвердило его веру в свои предчувствия.

А. Солженицын нужен России и всем нам не только как писатель огромного таланта, но и как личность. Стоит

только представить, какую силу, мужество надо было иметь писателю, чтобы в одиночку вступить в противоборство с могучей и жестокой административной системой, которая могла раздавить человека одним мановением. Кстати, тогда у него были уже маленькие дети, судьбу которых, а также и жены, он вполне представлял, если с ним случилось бы непоправимое, а такое случиться могло.

В его письме „Правительству Советского Союза“ выражена была огромная боль за происходящее в стране. И он верил, что к его словам прислушаются, иначе бы не писал. Верил, потому что просил он как раз о том, что мы сейчас осуществляем, – о гласности, о демократизации, о соблюдении прав человека...

На протяжении всей нашей истории мы слишком часто превращали союзников во врагов. А я убежден, что А. Солженицын сейчас наш союзник, он должен радоваться всем тем преобразованиям, которые происходят в стране, не может не радоваться, потому что в его патриотизме и любви к России сомневаться не приходится.

Нам сейчас необходимы и произведения А. Солженицына, и он сам. Потому что с такой силой, с такой мерой художественности о нашем прошлом не скажет никто. Нет сейчас у нас в России писателя такого уровня. Александр Исаевич должен быть с нами...

Вячеслав Кондратьев.

*

Полностью поддерживаю предложение литературоведа Елены Чуковской о возвращении выдающемуся писателю современности Александру Исаевичу Солженицыну гражданства СССР. Он был лишен его за свою борьбу против сталинизма, за права человека и гласность, демократические перемены в нашей стране. Сегодня особенно ясно, что все творчество А. И. Солженицына развивалось под благотворным воздействием XX съезда, осудившего культ личности Сталина. „Один день Ивана Денисовича“

мог появиться лишь в результате исторического поворота в 1956 г. Это было первое опубликованное в нашей стране высокохудожественное литературное произведение о сталинских лагерях.

Но писатель не остановился на этой книге, создав свой бессмертный труд „Архипелаг ГУЛАГ“, в котором собрал и обобщил гигантский материал о чудовищных репрессиях Сталина и его клики. „Архипелаг ГУЛАГ“ написан рукой не только талантливого писателя, но и блестящего историка-исследователя, мужественного гражданина своей страны. Книга, стиравшая одно из самых больших „белых пятен“ в нашей истории, стала не только данью памяти миллионам людей, погибших в годы сталинского террора. Она явилась своего рода первым камнем в тот памятник жертвам беззакония и репрессий, решение о сооружении которого приняло недавно Политбюро ЦК КПСС в связи с высказанными на XIX партийной конференции предложениями. В 70-е годы писатель А. И. Солженицын и выдающийся ученый-гуманист академик А. Д. Сахаров олицетворяли дух сопротивления здоровых и демократических сил советского общества сталинизму и брежневизму. Ныне А. Д. Сахаров возвращен в Москву, он в числе тех, кто наиболее активно борется за новое политическое мышление во внутренних и международных делах, за демократизацию и гласность, успех перестройки и ее необратимость.

Настало время исправить несправедливость и в отношении А. И. Солженицына. Во всем цивилизованном мире он давно уже справедливо считается одним из крупнейших русских писателей XX столетия. Можно соглашаться или не соглашаться с идейно-философскими взглядами писателя, но он принадлежит России, горячим патриотом которой является всю свою сложную и трагическую жизнь.

Сейчас, когда стране возвращаются многие ее политические деятели и военачальники, ученые, писатели и художники, необходимо, как пишет Елена Чуковская, „прекратить затянувшуюся распрю с замечательным

сыном России, офицером Советской Армии, кавалером боевых орденов, узником сталинских лагерей, всемирно известным русским писателем Александром Солженицыным...“ Необходимо его вернуть стране, судьба которой всегда была и его личной судьбой. Не приходится сомневаться, что возвращение А. Солженицыну гражданства СССР с глубоким удовлетворением будет воспринято не только на его Родине, но и во всем мире. Такой шаг еще выше поднимет в глазах мировой общественности авторитет процесса перестройки и гласности в Советском Союзе.

Я. Эттингер,
доктор исторических наук, член
оргкомитета добровольного Всесоюзного
историко-просветительного
общества „Мемориал“.

*

„Кто просит слова?“

Я прошу!

Ибо разделяю позицию Елены Чуковской, ясно и четко заявленную названием ее статьи: „Вернуть Солженицыну гражданство СССР“.

Так как одобряю честное и мужественное решение редакции «Книжного обозрения» не просто поставить назревший вопрос, но и вынести на открытое обсуждение.

Потому что считаю так же убежденно, как считал тогда, в 1974 году, что лишение Александра Солженицына советского гражданства и насильственное выдворение писателя за пределы страны было противозаконным деянием, позорным для брежневского режима и его главного идеолога М. А. Суслова. (Последний, к слову заметить, знакомясь с А. Солженицыным на встрече с представителями творческой интеллигенции в декабре 1962 года и лицедейски подлаживаясь под благожелательное отношение Н. С. Хрущева к повести „Один день Ивана Денисо-

вича“, представился писателю как „поклонник Вашего таланта“).

Нынешние поколения молодежи если и знают А. Солженицына, то лишь понаслышке и не столько по имени, сколько по сопровождающим это имя бранным и лживым эпитетам. Приходится поэтому, дополняя Е. Чуковскую, хотя бы вкратце напомнить, что значило оно для людей старших поколений, начиная с тех, кому сегодня перевалило за полвека, как много связывалось с ним в литературе 60-х годов.

Итак, повесть „Один день Ивана Денисовича“ – памятно ошеломляющий дебют писателя, о котором вскоре и помыслить стало невозможно, будто было время, когда литература обходилась без него. На признании никому дотоле неведомого рязанского учителя, недавнего зека, художником крупного, яркого, самобытного таланта сходились едва ли не все, зачастую включая и тех немногих, кто подобно Б. Дьякову (как открылось недавно, осведомителю-доброхоту и только по совместительству писателю), яростно не принимал повесть. То был воистину триумф Главной Книги не одного 1962 года, всего „оттепельного“ десятилетия, начавшего свой отсчет с XX съезда партии. /.../ Обнаженная жестокая правда сталинских лагерей, бесправной жертвой которых выступал, как принято говорить, „простой человек из народа“ – русский крестьянин, советский солдат, впервые получала в литературе права гражданства, потрясала как народная трагедия. Примечательно, что на защите ее от догматических интерпретаций в закамуфлированном сталинском духе нередко сходились даже такие критики крайних (тогда) воззрений, как покойный А. Дымшиц и здравствующий Ф. Кузнецов, позднее, правда отрекшийся от „заблуждений молодости“ печатным осуждением А. Солженицына в «Литературной газете». „Иван Денисович, его друзья и недруги“ – так назвал одну из лучших своих статей В. Лакшин. Стоило бы перепечатать ее сейчас вместе с повестью...

Литературным да и общественным событием станови-

лась каждая последующая публикация А. Солженицына. Воскрешая тогдашнее впечатление, не страшусь и сегодня назвать „Матренин двор“ рассказом художественно совершенным, достойным стоять в ряду высших образцов отечественной и мировой классики. К лучшим современным относил рассказ „Для пользы дела“ Даниил Гранин в „литгазетовской“ статье, целиком посвященной разбору этого шедевра.

С романами „Раковый корпус“ и „В круге первом“ вышло иначе: тоже принятые в «Новом мире» А. Твардовского, они так и остались неопубликованными. Неудивительно: недолгая „оттепель“ сменялась устойчивыми заморозками, время снова клонилось к духовному застою, в охранительной атмосфере которого преступления сталинизма становились темой сначала нежелательной, затем вовсе запретной. Но, зная оба романа тогда и хорошо помня поныне, не могу заглушить в себе мысль, которая не дает покоя вот уже два десятка лет: если б удалось «Новому миру» напечатать их, то, как знать, – не другому ли сложилась бы судьба не только писателя, но и самой нашей литературы?

Наконец „Архипелаг ГУЛАГ“. К тому, что сказано о нем Е. Чуковской, добавлю одно: при всем нынешнем обилии документальных публикаций о преступлениях сталинизма впечатляющие свидетельства, собранные и обобщенные А. Солженицыным, по-прежнему удерживают за собой значение самого фундаментального исследования.

К роману „Август 1914“ лично мое отношение более сдержанно: читая его, не мог подавить редакторского искушения „отжать“ несколько торопливый текст, подсократить, сделать чуть лаконичнее и тем придать ему большую динамичность. О последовавших за ним романах того же цикла судить не могу – не читал. Как не читал и многого другого, написанного и изданного за границей. Допускаю, что когда (если) прочту, то приму не все. Но это будет уже особая статья, другая сфера – моего, критика, профессионального спора с писателем, а

никак не его гражданства.

О том, что предшествовало постыдному по существу и разбойному по исполнению изгнанию А. Солженицына из СССР, лишению его Родины, где он, как участник Великой Отечественной войны, удостоен боевых орденов, а как писатель был выдвинут на соискание Ленинской премии, рассказано в мемуарной книге „Бодался теленок с дубом“. Не все в ней настраивает на согласие, и В. Твардовская, и В. Лакшин, выступившие соответственно в итальянской «Унита» и французской «Юманите», оспорили кое в чем мемуариста, указав на субъективность некоторых суждений о «Новом мире», А. Твардовском, ряде конкретных фактов из литературного бытия 60-х – начала 70-х годов. Однако субъективностью субъективностью, а развязанная и развязная кампания незаконных преследований инакомыслящего писателя, циничного нарушения его гражданских свобод, и творческих прав, „методология“ явных и тайных провокаций, клеветнических слухов, рассчитанных на моральную компрометацию, воспроизведены куда как объективно – до поименной и портретной узнаваемости вдохновителей и исполнителей разных чинов и рангов.

В канун четвертого съезда писателей СССР, на который А. Солженицын, конечно же, не был избран, он обратился к ряду делегатов с письмом, где открыто излагал программные требования демократизации и гласности, откровенно высказывал резко критическое отношение к застою в обществе и литературе, и с надеждой на писательскую солидарность обращал внимание на свою личную участь: конфискацию архивов, травлю, клевету. Было с чего взывать о помощи! В ту, недоброй памяти, пору собственным, как говорится, ушам не раз доводилось выслушивать с разных ответственных трибун: и родом-то А. Солженицын не то из помещиков, не то фабрикантов и в плен добровольно сдался, и с немцами в оккупации сотрудничал, и во власовской армии служил, и репрессировали его правильно, и не реабилитировали „за отсутствием состава преступления“, а на беду себе же поспе-

шили великодушно амнистировать.

Как восприняли писатели обращение к ним А. Солженицына? По-разному. Непосредственно на съезде в его защиту сказала несколько слов В. Кетлинская. Неизменную поддержку находил он у К. Чуковского, Л. Чуковской, В. Каверина. Помню неофициальное – о нем даже оповещений не было – обсуждение романа „Раковый корпус“ московскими писателями, взволнованные, заинтересованные, страстные выступления многих ораторов. Но они, к сожалению, Союзом писателей не руководили, в составе его секретариата не значились. Когда же дошло до того, что „дело Солженицына“ оказалось вынесенным на секретариат правления СП СССР, то заседание свелось преимущественно к авторитарному требованию покаянных самоотречений, которое и обратило к писателю, согласно указаниям, спущенным сверху. Правда, и среди тогдашних секретарей нашлось все же несколько человек – среди них, немногих, К. Симонов, – которые вели себя в меру благородно, не разменивали своего профессионального достоинства на политиканство. Увы, не они решали спустя время вопрос о членстве А. Солженицына в Союзе писателей. Решение о его исключении секретариат правления СП РСФСР принял с келейным единогласием при одном строптиво воздержавшемся (Д. Гранине). Эта противоуставная и, значит, противозаконная акция, как и последующее лишение советского гражданства, – взаимосвязанные звенья одной цепи, последовательные акты одной драмы. Предполагая ее финал, А. Солженицын отказался от поездки в Стокгольм на церемонию вручения Нобелевской премии, резонно опасаясь, что в возвращении домой будет тут же отказано. Однако, ожидая чего угодно, вплоть до ареста, судебного фарса, тюремного заключения, сумасшедшего дома и т. п., при всей своей пронизательности он, похоже, не подозревал, что гражданина СССР возможно выдворить из страны и без его согласия, насильно.

Когда А. Солженицына лишали советского гражданства, ничьих мнений, в том числе писательских, не

запрашивали. Тем, стало быть, полезней обменяться ими сейчас, когда пришло время отменить противозаконный акт. А в том, что поступить так необходимо, сомневаться не приходится. Как иначе снять с человека клеветническое обвинение в измене Родине, которой он не изменял? Вернуть ей писателя, талант которого – ее национальное достояние? Подтвердить это переизданием „Одного дня Ивана Денисовича“, рассказов и публикациями „Ракового корпуса“, в „Круге первом“, „Архипелага“?

Все вместе нужно раньше и прежде всего нам самим. Не для дремотного успокоения, а очищения нашей гражданской совести. Для утоления нравственного чувства справедливости. Для самоосвобождения от жгучего чувства стыда за позор противоправных действий, безгласными очевидцами которых нас сделали вопреки нашей воле. Так пусть же краснеют те, кому пристало краснеть как соучастникам. Назвать бы их, показать в лицо со всеми титулами да регалиями. Тех, кто, не зная запретных произведений „крамольного“ писателя, угодливо бичевал их, послушно подписывал всевозможные индивидуальные и коллективные протесты. Кто лишал его сначала писательского билета, а затем гражданского паспорта. Кто дирижировал всем этим из своих престижных кабинетов. Неужто не потупят, не отведут очей, смиряясь с оглаской?

Впрочем, не о них печаль, а о судьбе ошельмованного ими, отторгнутого большого русского писателя. О том, чтобы дать ему наконец возможность поступить с возвращенным гражданством так, как сам сочтет нужным. И не позволить сбиться горьким словам, которые он приводил в письме, разосланном делегатам IV писательского съезда.

— Они любить умеют только мертвых...

Валентин Оскоцкий.

*

Александр Герцен так и не увидел России. И не перестал от этого быть Герценом. Но русскому обществу разрыв с ним славы не прибавил.

Место Александра Солженицына в советской литературе не зависит от членства в Союзе писателей и даже от гражданства. Возврат ему официального доброго имени на Родине (неофициально оно всегда было добрым) нужен более всего нашему обществу для очистки совести и выпрямления литературного процесса.

Права Елена Чуковская: прежде чем вступать с Александром Исаевичем в переговоры о его публикациях, нужно, по-моему, извиниться и все поставить на свои места.

Лариса Васильева.

*

«Книжное обозрение» сделало благое дело, опубликовав замечательную статью Елены Чуковской „Вернуть Солженицыну гражданство СССР». При всей своей сжатости статья эта написана основательно, ее аргументы убеждают.

Как известно, Александр Исаевич Солженицын, никогда не изъявлял желания покинуть наше Отечество. Напротив, ратуя за „гласность, честную и полную гласность“ (тогда само это слово было как бы вне закона), за правду неотступающую – в пору, когда многие, может быть, большинство членов Союза писателей в лучшем случае помалкивали, а в худшем – лакействовали перед сильными мира сего, Солженицын, следуя традициям Льва Толстого и Федора Достоевского, готов был принять любые страдания за правду, нести свой крест до конца, оставаясь в родных пределах. И тогда-то его „за измену Родине“ (сказать правду, значит изменить Родине,

так что ли? – В. Л.) лишают гражданства СССР и насильственно выдворяют из нашей страны. Какой в этом официальном решении сказался изощенный опыт, нарабатанный за годы репрессий теми, кто привык осознавать и ощущать себя рычагами волюнтаризма. Формы репрессий бывают разными. Клевета, угрозы, наращивание психоза ненависти вокруг имени неугодного писателя и гражданина и, наконец, отторжение его от Родины людьми, возмнившими, что именно они обладают чувством патриотизма во всей его полноте, – все это, увы, имело место в истории Советского государства и до случая с Солженицыным. И потому требует глубокого осмысления и переосмысления. Между прочим, реабилитационное дело А. И. Солженицына, строки из которого приводит Е. Чуковская, было запрошено в Верховном Суде СССР в связи с тем, что А. Т. Твардовскому пришлось бороться на заседаниях комитета по Ленинским премиям с фальшивкой, зачитанной высокопоставленным официальным лицом о якобы сотрудничестве Солженицына во время войны с оккупантами.

Пора положить конец всем этим жестоким играм, направленным против лучших и достойнейших деятелей нашей культуры, а значит, и против духовного здоровья всего народа. Чуковская справедливо пишет о циничном пользовании „плодами растоптанной жизни“. Александр Солженицын все-таки выдюжил. Бориса Пастернака, как мы знаем, сгубила травля. А сколько других мучеников было! Сейчас возвращаются к нам фильмы Андрея Тарковского. Надо было бы вернуть отечественному читателю „Бабий Яр“ Анатолия Васильевича Кузнецова и книги Виктора Платоновича Некрасова... И, разумеется, опубликовать сочинения Солженицына. Наша литературная критика еще не сказала своего слова о том большом, на мой взгляд, хотя и неназванном влиянии, которое оказал этот большой писатель на развитие отечественной правдоискательской прозы последнего десятилетия. Конечно, Солженицын никакого отношения к социалистическому реализму не имеет. Но мы хотим прочитать

его, осмыслить, оспорить то, с чем не согласимся... Безусловно, поддерживаю предложение об отмене Указа 1974 года о лишении А. И. Солженицына гражданства СССР.

Писатель, художник, любой человек имеет право на бесстрашную мысль. Мы это выстрадали всем народом.

Владимир Лазарев,
писатель.

*

Поскольку в редакционном послесловии к статье Е. Чуковской задан вопрос: „Кто просит слова?“, позволю себе такое слово сказать. В том же послесловии вы пишете: „Мы не знаем, что он (Солженицын. – С. Б.) такого написал в изгнании, чтобы о нем не говорить на Родине“. В рамках своей информации попробую на это ответить.

Александр Исаевич долгие годы работает над большим циклом произведений об Октябрьской революции и событиях, ей предшествовавших. Да, в этих произведениях, в частности в повести „Ленин в Цюрихе“, автор высказывает своеобразный, непривычный нам взгляд на революцию, на личность и деятельность Ленина, взгляд отнюдь не „очернительский“, а просто непредвзятый. Но, позвольте, ведь сам Ленин с неизменным уважением относился к своим политическим оппонентам, видел в них, так сказать, и негатив, и позитив. Троцкого, скажем, он называл и „иудушкой“, и „самым способным человеком в настоящем ЦК“ (в конце 1922 г.), хотя наши ученые мужи предпочитают помнить только первое. И, уж во всяком случае Ленин никогда не уничтожал своих оппонентов, не вышвыривал их за пределы Отечества. Что же получается: 70 лет назад, когда все висело на волоске, такой подход к оппонентам не считался опасным, а теперь, худо-бедно, став могущественнейшей державой, на которую „косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства“, мы боимся человека, чьи мысли не во всем совпадают со старыми газетными передовицами? И готовы

по-прежнему отказываться от него, держать его произведения, признанные и читаемые во всем мире, вне отечественной литературы, философии, истории? Нелепо. Неумно. И во вред себе же самим, потомкам нашим.

При всем несовпадении тех или иных позиций Солженицына с господствующими в нашей стране сейчас, нельзя не признать, что в главном творчество Солженицына, его нравственно-этические, философские воззрения продолжают лучшие традиции передовой русской интеллигенции, мировой культуры в целом. Мы в свое время поспешили дружно заклеить „Архипелаг ГУЛАГ“, которого никто в глаза не видел, но все твердо знали, что это „антисоветчина“ и „клевета на Сталина“. Приведу цитату из 1-й книги „Архипелага“, который мне довелось прочесть вскоре после его выхода на Западе: „Самое главное в жизни, все загадки ее – хотите, я высыплю вам сейчас? Не гонитесь за призрачным – за имуществом, за званием: это наживается нервами десятилетий, а конфискуется в одну ночь. Живите с ровным превосходством над жизнью – не пугайтесь беды и не томитесь по счастью, все равно ведь: и горького не довеку и сладкого не до конца. Довольно с вас, если вы не замерзаете, и если жажда и голод не рвут вам когтями внутренностей. Если у вас не перешиблен хребет, ходят обе ноги, сгибаются обе руки, видят оба глаза и слышат оба уха – кому вам еще завидовать? Зачем? Зависть к другим больше всего съедает нас же. Протрите глаза, омойте сердце – и выше всего оцените тех, кто любит вас и кто к вам расположен. Не обижайте их, не браните, ни с кем из них не расставайтесь в ссоре: ведь вы же не знаете, может быть, это ваш последний поступок перед арестом, и таким вы останетесь в их памяти!..“ Какой порядочный, честный человек не подпишется под этой „клеветой“?

Не могу забыть и того, как в разгар „застойных“ лет (если не путаю, в 1973 г.) по рукам ходило обращение Солженицына „Жить не по лжи!“ Характеризуя ту славную эпоху примерно так же, как о ней открыто пишут сейчас, Солженицын призывал не лгать, не принимать

никакого участия в творимых всюду лжи и несправедливости. „Жить не по лжи!“ я держал в руках ровно столько времени, сколько понадобилось на его быстрое чтение, и выписок сделать не успел. Там были примерно такие слова: „Пусть кругом вершится ложь, пусть я не могу ей помешать, но пусть она вершится не через меня, не с моим участием!“ Если бы тогда хоть сколько-либо значительная часть общества последовала этому мужественному призыву! Но и это обращение Солженицына под наше молчание было объявлено „враждебным“, „антисоветским“ теми, кто едва ли не открыто воровал, давал и брал взятки, строил себе загородные дворцы и виллы...

Сознаюсь, я никогда не был особенно горячим поклонником именно творчества Солженицына, порой непререкаемость его суждений отталкивала меня, находил я у него и исторические неточности (в частности, в том же „Архипелаге“), но его гражданскую позицию я глубоко уважал и уважаю. Неловко выставлять себя в качестве примера, но, думается, так и надо подходить к необычным, непривычным явлениям: их можно не во всем принимать (или совсем не принимать), но всегда помнить при этом, что такое неприятие – лишь твое собственное мнение и ничего больше. Вершители наших судеб времен застоя решили иначе: не понимаем, не согласны – значит нет места этому человеку на „нашей“ земле. История быстро поставила все на свои места: земля эта не их, и правду мы о них узнали и сказали всему миру гораздо раньше, чем надеялись даже самые рьяные оптимисты.

Так чего же мы боимся сейчас в творчестве Солженицына? „Архипелага“? Но те мемуары, исторические факты и произведения литературы, которые сейчас открыто публикуются, по силе разоблачения не уступают этой многотомной книге, а в чем-то даже идут дальше нее. Смысл же их по сути дела тот же, что и у Солженицына, только он высказал все это первым и в беспощадных масштабах, с пугающими (но отнюдь не „очернительскими“, не „клеветническими“) обобщениями. Боимся образа Сталина-палача из „Круга первого“? Но

„рыбаковский“ Сталин, на мой взгляд, получился куда страшнее (он, впрочем, создавался примерно в одно время с „солженицынским“ – в середине 60-х годов), однако же общество наше это выдержало. Или боимся последних произведений Александра Исаевича? Но в конце концов никто нас не заставляет немедленно издавать „всего Солженицына“. Что-то мы уже в состоянии принять сейчас, что-то – позже, с чем-то, возможно, и позже не согласимся, но разве это причина для сохранения нынешнего унижительного положения? Унижительного не для великого писателя, а для всех нас, для нашей культуры. „Пора прекратить затянувшуюся распрю с замечательным сыном России“ – к этим словам Елены Чуковской я полностью присоединяюсь.

В наш век информация распространяется мгновенно. Если мое письмо будет опубликовано, Александр Исаевич, наверное узнает о нем, как уже узнал о статье Е. Чуковской. Не дожидаясь той печальной возможности, о которой упомянул Астафьев, я хочу от имени множества своих единомышленников сказать: простите нас, дорогой Александр Исаевич, за то, что в свое время мы не вступились за Вас, смирились как с неизбежностью с теми мерзостями, которые о Вас писали, с Вашей высылкой из пределов Отечества. Мы Вас помним и любим. И ждем домой. Я верю, что москвичи придут однажды в аэропорт „Шереметьево-2“. Вы сойдете с трапа самолета, мы протянем друг другу руки и скажем:

— Здравствуйте!

А с произведениями Александра Исаевича Солженицына подлинная интеллигенция никогда и не прощалась, они всегда были с ней.

Сергей Бурин,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории
АН СССР.

*

Сообщение ТАСС

Москва, 13 августа 1988 г. (ТАСС). „Издание книг Александра Солженицына, вышедших за рубежом, в СССР пока не предполагается“, – сообщила сегодня газета «Труд», отвечая на вопросы читателей. Она ссылается на сведения, полученные в Государственном Комитете СССР по делам издательств.

„Что же касается переиздания ранее напечатанных в СССР произведений Солженицына, то этот вопрос должны решать сами издательства“, – считает Комитет.

Станислав Куняев

Размышления на Старом Арбате*

„Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя моя религия...“

Из популярной песенки.

Где вы, несчастные дети Арбата?
Кто виноват? Или что виновато?..
Жили на дачах и в особняках —
только обжили дворянскую мебель:

* «Наш современник» № 7, июль 1988 г., Москва.

время сломалось —
и канули в небыль...
Как объяснить? — Не умею никак...

Сын за отца не ответчик, и все же
тот, кто восславил кровавое ложе, —
некогда должен запачкаться сам...
Ежели кто на крови поскользнулся
или на лесоповале очнулся —
пусть принесет благодарность
отцам.

Наша возникшая разом элита,
грозного времени нервная свита,
как вам в тридцатые годы спалось?
Вы танцевали танго и чарльстоны,
чтоб заглушить беломорские стоны:
треснула с хрустом
крестьянская кость.

Знать не желают арбатские души,
как умирают в Нарыме от стужи
русский священник и нищий кулак...
Счастливо длится
арбатское детство...

Где-то на Волге идет людоедство.
На Соловках расцветает Гулаг.

Дети Арбата свободою дышат
и ни проклятий, ни стонов
не слышат,
славят чекистов и любят Вождя, —
благо, пока что петух их не клюнул,
благо из них ни один не подумал,
что с ними станет лет семь погоды.
Рявкнет на полную мощность
машина,
ход набирая, и в этом причина,

что неожиданен будет итог...

Кронос, что делаешь?

Это же дети —
семья твоя! Упаси их от смерти!..
Но глух и нем древнегреческий рок.

Попировали маленько — и хватит.
Вам ли не знать, что история катит
не по коврам, а по хрупким костям.
Славно и весело вы погостили
и растворились
в пространствах России,
дачи оставили новым гостям.

Все начиналось

с детей Николая...

Что бормотали они, умирая
в смрадном подвале?
Все те же слова,
что и несчастные дети Арбата...
Что нам считаться — судьба
виновата.

Не за что — а воздается сполна!

Чадо Арбата! Ты местию дышишь,
но на грузинское имя не спишешь
каждую чистку и каждую пядь —
ведь от подвала
в Ипатьевском доме
и до барака в республике Коми,
как говорится, рукою подать.

Тетка моя Магадан оттрубила,
видела, как принимала могила
дочь командарма и внучку Шкуро.
Все, что виновно, и все, что невинно
все в мерзлоту опустили взаимно,

все перемолото — зло и добро.

Верили: строится прочное дело
лишь на крови. Но кровища
истлела,
и потянулся по воздуху смрад...
Все потому, что ошибка большая —
ежели кровь не своя, а чужая...
Так опустел довоенный Арбат.

Новое время шумит на Арбате,
всюду художники,
как на Монмартре,
льются напитки, готовится снедь...
Я прохожу по Арбату бесстрастно,
радуюсь, что беззаботно и праздно
можно на старые стены смотреть.

Помнишь Арбат,
социальные страсти,
хмель беззаконья, агонию власти,
храм,
что взорвали детишки твои,
чтоб для чиновника и для поэта
выстроить дом
с магазином „Диета“ —
вот уж поистине храм на крови...

Радуюсь, что не возрос на Арбате,
что обошло мою душу проклятье.
Радуюсь, что моя Родина — Русь —
вся: от Калуги и аж до Камчатки,
что не арбатских страстей
отпечатки
в сердце,
а великорусская грусть...

ПО ТЕЛЕФОНУ ИЗ МОСКВЫ

Из бесед В. Фефелова (Франкфурт-на-Майне) с председателем Совета Национально-патриотического фронта „Память“ Д. Васильевым (Москва), июнь-август 1988 г.

Д. Васильев. Цель нашего движения – возрождение русского национального самосознания, национальной истории, национальной культуры в содружестве со всеми народами, населяющими нашу страну. Русский народ находится в особенно тяжелом положении. И никто к нам не хочет прислушиваться. Более того, как только мы начинаем говорить о русском народе, нас начинают называть шовинистами, говорят, что мы проповедуем „теорию расовой исключительности“. Это все чепуха, бред и вранье...

Почему мы не имеем права жить в собственной стране так, как нам предписывают законы наших предков, жить по обычаям наших предков? Почему каждая республика имеет право на национальное самоопределение, а все, что касается русских, обливается грязью и помоями? Нам не дают вообще рта открыть. Если начинает выступать русский, то тут же натравливают толпу против него. Так было уже не раз на протяжении новейшей истории. И в результате – миллионы человеческих жертв. Теперь это называют „ошибками“. Но в сегодняшнем руководстве продолжают находиться люди, которые были в партийно-государственном аппарате Сталина. Если они ошибались, то почему они все еще находятся на своих местах?

Я не намереваюсь защищать Сталина. Но мог ли он один творить тиранические дела, беззакония, зло? Не мог! Как это он один мог обуять страхом всю страну? А где же был аппарат, где были все, куда они все смотрели? Теперь они, ковыряя пальцем в носу, говорят нам с экранов телевизоров, что им было ненавистно сталинское время, удивляются, как это все случилось...

Просто так ничего не бывает. С убийства Царской семьи все началось. Ложь началась с убийства Царской семьи, с уничтожения ни в чем неповинного Цесаревича, великих княжен-девочек, тоже ни в чем неповинных. А затем началось распятие самого народа, всей страны, всего отечества в целом. Вот откуда все началось!

А в наше время, что происходит? Методы одни и те же, только пока без физического уничтожения. Но если однажды кто-то из них захватит власть и начнется такое же физическое уничтожение, как при Сталине, то этому я не удивлюсь.

Мы видим, куда вели нас наши руководители на протяжении 70-ти лет и куда они нас завели. Кроме огромных разрушений и уничтожения национальной культуры похвастать они ничем не могут.

Сейчас мы видим окончательно опустошенные русские деревни, которые пытаются возродить. Мы предложили свою помощь по возрождению сельского хозяйства, готовы организовывать сельскохозяйственные кооперативы „Памяти“. Но все, что предлагают русские люди, отклоняется. А в то же время, сейчас, на практически опустошенные русские земли переселяют людей из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, чтобы по „Золотому кольцу“ они создавали колхозы. И это в тот момент, когда русские люди протягивают руку помощи, говорят, что они готовы помочь, готовы возродить. Власти же делают все для того, чтобы саботировать все наши добрые начинания.

Нам практически ничего не дают делать. Клевета льется мутным потоком из всех средств массовой информации. Все они захвачены людьми с узконациональными

интересами, которые не только не дают нам выступить, чтобы донести народу правду о Национально-патриотическом фронте, но делают все для распространения клеветы на „Память“. Партийные работники терроризируют нас. Первый секретарь МГК КПСС Зайков, выступая на собрании ЗИЛ (автозавод им. Ленина – прим. ред.) оклеветал и ошельмовал нас. Ответить ему мы не можем, кроме как подать в суд, что мы и сделали. В суд мы подали и на члена Политбюро ЦК КПСС Яковлева, после чего началась новая кампания клеветы и меня вызвали в КГБ. Председатель Моссовета Месяц тоже допускает оскорбительные выпады против нас в своих выступлениях.

Зайков, Месяц и другие – это люди, которые работали в партийном аппарате в период застоя, веры им никакой быть не может. Не им нас учить и не им говорить нам, что нужно делать и как нужно делать.

Зайков был в Ленинграде и положение там было ничуть не лучше; Месяц сидел в Министерстве сельского хозяйства в Москве и все развалил...

Короче говоря, практически те, кто душил и разваливал начинают сейчас делать то же самое по отношению к Национально-патриотическому фронту „Память“. Почему? Потому что мы называем их имена, потому что выступаем против тех, кто сидит в руководстве нашей страной, хотя не должен там сидеть, а должен уйти либо на пенсию, либо под суд за свою многолетнюю „деятельность“.

К этому хочу сказать, что в адрес ЦК КПСС было послано более 40 различных телеграмм и писем с требованием предоставить нам трибуну для того, чтобы ответить клеветникам, которые выступают против „Памяти“ в прессе. Ни на одно из этих писем ответа не поступило. Поэтому мы делаем вывод, что никакой демократии в стране нет, никакой гласности нет и никакой перестройки тоже нет. Все попирается, все принадлежит какой-то замкнутой группировке, которая управляет в настоящий момент всем. Только начинаешь открывать рот, тебя сразу называют антисоветчиком, начинают приклеивать различные ярлыки. Особенно свирепствует член

Политбюро Яковлев. А сын его, который работает в журнале «Политическое самообразование», просто обливает ядом „Память“. У них, видимо, семейная ненависть к нам только потому, что мы не хотим американизации нашего общества.

Мы способны поднять свое отечество сами, мы способны возродить сельское хозяйство сами, мы способны построить свое государство сами. Но нам не дают этого делать. Как только начинаешь выступать с предложениями – бьют по рукам, организывают преследования. Какие-то темные силы, которые все время движутся впереди нас, предупреждают того или иного начальника, что „Память“ – это якобы фашисты, что их нужно изгонять. Нас ставят вне закона! Сознательно ставят в такое положение, чтобы мы отказались от своего гражданства. Нас преследуют на работе. Райкомовские чиновники постоянно звонят по месту работы активистов „Памяти“ и требуют от администрации, чтобы по отношению к ним принимались определенные меры. Что это такое? Как это называется? Это самый настоящий разнузданный политический террор. Иначе это назвать нельзя. Самый настоящий геноцид!

Как только мы начинаем связываться с патриотами в каком-нибудь другом государстве, нам начинают говорить, что мы существуем на средства империалистических разведок. Старый, затасканный, жульнический прием!

Дело дошло до того, что даже „антисионистский комитет“ во главе с Драгунским разразился статьей против нас. Почему генерал Драгунский выступает против нас, если мы боремся с сионизмом? Возникает вопрос: что тогда защищает сам генерал Драгунский и весь его „антисионистский комитет“? Нас толкают на путь политической борьбы, потому что мы все более отчетливо видим те силы в нашем государстве, которые стремятся сделать из нашей страны колонию, а нас превратить в рабов в этой колонии.

Поэтому в ответ на травлю и гонения, которые сейчас осуществляются против Национально-патриотического

фронта „Память“, могу заявить: если власти не захотят в конце концов проявить благоразумие, если они не желают понять, что холуи и клерки, боящиеся потерять ныне свои привилегии, довели страну до состояния развала, если они не прекратят преследований Национально-патриотического фронта „Память“, мы вынуждены будем заявить, что мы – Партия, обнародуем нашу Программу и будем бороться за свое существование. Всем надоели демагогия и лицемерие.

В. Фефелов. Отделения Национально-патриотического фронта „Память“ сейчас существуют во многих городах СССР. Наблюдается ли оживление в создании подобных отделений в провинции?

Д. Васильев. Когда мне задают подобный вопрос, на него я отвечаю однозначно: все, кто любит свою родину, кто любит свое отечество, кто любит свой народ – они, естественно, с нами. И поддержка у нас среди народа огромная. И если бы мы смогли выступить в средствах массовой информации, – в печати, по радио, на телевидении, – то я уверен, что народ не только бы нас полностью поддержал, но многие бы стали в наши ряды.

У нас актив только в Москве насчитывает 20 тысяч. В зоне нашего влияния более 30 городов. Приток людей продолжается. Правда, мы сейчас не можем полностью его контролировать, да мы этого и не хотим делать.

Недавно ездил я в Ленинград, там был полутора-тысячный митинг в сквере у Академии художеств. На этом митинге выступали разные люди, в том числе выступил и я. Судя по тому, как люди рукоплескали, поддерживали нас своими аплодисментами, стало очевидно, что основная масса народа поддерживает Национально-патриотический фронт „Память“.

В. Фефелов. Кто был организатором этого митинга?

Д. Васильев. Его организовал наш Ленинградский филиал. Им был предоставлен даже микрофон – правда, не знаю с какой целью, потому что там наблюдается несколько провокационная ситуация. Собралась огромная толпа людей, все тянули руки к нашим воззваниям, к нашим обраще-

ниям, к нашим заявлениям, которые мы тут же раздавали людям. Это был такой момент, когда было четко видно, как люди относятся к нашим взглядам. Вообще, каждый порядочный и честный русский человек – это потенциальный член Национально-патриотического фронта „Память“.

В. Фефелов. В Мюнхене выходит эмигрантский журнал под названием «Страна и мир», который редактирует Кронид Любарский. Этот журнал публикует нападки на „Память“. Читают ли этот журнал у вас в Москве?

Д. Васильев. Мы не знаем, что это за издание, первый раз слышу название этого журнала и имя его редактора. Ну, а нападки – они естественны. К этому я могу сказать только одно: у нас есть одна „тусовка“ на Пушкинской площади и дали там возможность поболтать всем, кому не лень. И вот там собираются организации, созданные по указанию сверху. Во всяком случае им патронируют сверху. Это видно хотя бы потому, что им предоставляют помещения для собраний, а то, что они говорят на Пушкинской площади, то от этого можно просто с ума сойти. Их задача – это развалить окончательно страну и уехать в Израиль. А наша задача, наоборот, – восстановить страну. Но как только мы начинаем что-то говорить и делать, то нас сразу начинают обвинять в фашизме, шовинизме, антисемитизме.

Ну, а если мы с таких позиций будем подходить к проблемам, которые без конца поднимают евреи во всем мире? Все радиостанции говорят только об этих проблемах! А это что, – не шовинизм? Как и почему существуют только еврейские проблемы, которые муссируются во всем мире? Это и есть самый настоящий фашизм, ибо это – теория расового превосходства, подчинение всех народов интересам экономического и политического господства „богоизбранного“ народа.

Мы против антисемитизма, мы за методическую, целенаправленную работу, чтобы не вспыхнул антисемитский пожар, который они сами пытаются раздуть, потому что на таком пожаре они греют руки, уничтожая самую

лучшую часть любого народа.

В. Фефелов. В парижской газете «Русская мысль» однажды появилось сообщение о том, что правое крыло Национально-патриотического фронта призывает к еврейским погромам. Соответствует ли это действительности?

Д. Васильев. Эти слухи распространяются ими же самими. Они же распространяют и соответствующие листовки. Создается впечатление, что наверху существуют силы, которые заинтересованы, чтобы эти погромы состоялись. Это дало бы повод уничтожить национально мыслящих людей, уничтожить Национально-патриотический фронт. Несмотря на это, мы не теряем выдержки и самообладания.

Их основная задача сейчас – это уничтожить меня. Они сейчас распространяют всякие слухи и версии, что меня надо убить, они грозят мне по телефону. Все это властями поощряется.

В. Фефелов. Каким преследованиям подвергались лично Вы, Дмитрий Дмитриевич, в последнее время?

Д. Васильев. Лично против меня было выдвинуто обвинение со стороны КГБ СССР, которое было опубликовано в газете «Аргументы и факты» в №23 за этот год. Меня вызвали в КГБ, где со мной была проведена беседа, в ходе которой мне предложили подписать протокол, в котором значилось, что я занимаюсь антиобщественной деятельностью, могущей вызвать национальную рознь.

Надо сказать, что беседа проходила без грубости, тон был уважительный. Но против самого противоправного действия, которое было совершено против меня, я выразил самый решительный протест. Сейчас я подал в суд на КГБ, в частности, на беседовавшего со мной сотрудника Задорнова. Жалобы на противоправные действия КГБ посланы также в Прокуратуру СССР на имя генерального прокурора Сухарева, министру юстиции СССР и прокурору г. Москвы. Прошло уже полтора месяца, но ответов из этих организаций я не получил. Вот и выходит, что законы, которые они издают, они же и нарушают.

Я получил по почте два официальных письма. В одном

из этих писем мне прислали сообщение об исключении меня из кооператива, кстати, одним из организаторов которого я и был. Сегодняшний руководитель кооператива А. С. Конопляния до этого неоднократно приглашался для бесед в КГБ. И вот сейчас мы видим результат: я исключен из кооператива. Во втором письме я получил уведомление явиться в суд в связи с выселением меня за пределы Москвы.

Всю жизнь я прожил в центре Москвы, похоронил здесь свою мать, бабушку, похоронил близких мне людей. И вот теперь меня хотят выселить в район Солнцево. На это я уже высказал свое несогласие, и вот, в нарушение существующих у нас законов, я получаю письмо из суда. По закону мне должны были вначале вручить ордер на осмотр предлагаемой жилплощади и только после этого вопрос мог бы решаться в судебном порядке о добровольном или недобровольном выселении меня из моей квартиры.

В. Фефелов. Вы сказали, что Вас хотят выселить из Москвы. Допускаете ли Вы возможность насильственной высылки Вас из страны вообще?

Д. Васильев. Да, я допускаю такую возможность. Но я только в гробу выеду из своей страны. В последний момент перед самолетом они только мой труп получают, и только таким образом меня отправят за границу. Живого они меня не отправят.

Я люблю свою родину и я буду за нее драться здесь. Я за всех: за татар, за евреев, за казахов, но только чтобы никто не посягал друг на друга, никто не глумился друг над другом, а все свято уважали историю и культуру каждого народа. В этом и заключается культура нации. И я буду бороться против всякого насилия, против всех тех, кто пытается насильственным путем или обманом отнять у нас то, что принадлежит нам. Поэтому пусть меня высылают. Но, повторяю, высылать они будут мой труп.

У меня достаточно большое количество соратников, подвижников и последователей. Поэтому дело, которое мы начали не умрет, оно получит только более крепкую

основу и пойдет дальше. Народ пробудился, народ проснулся, народ очнулся и физическим истреблением уже вопрос не решить!

В. Фефелов. В западных газетах писали, что у Вас в комнате висит портрет Ленина. Правда ли это?

Д. Васильев. В западных газетах могут писать, что у меня рога и копыта. У меня в комнате висят – портреты царя, царицы, их невинно убитых детей, П. А. Столыпина, генерала Скобелева, Достоевского, Суворова, Ломоносова, распятого Христа, портрет матери. Висит также картина „На поле Куликовом“, изображение памятника Тысячелетия России и многочисленные иконы. Я православный христианин, и поэтому у меня все, что соответствует укладу русского человека. Я не хочу отрывать себя от истории России.

В. Фефелов. Интервью, проведенное с Вами 24 апреля этого года, было опубликовано в 30-м номере журнала «Вече». Этим расширилась и укрепилась Ваша популярность среди русских патриотов, проживающих сейчас не на своей родине.

Д. Васильев. В связи с этим я хочу сказать следующее: с русскими людьми, проживающими сейчас за рубежом, цели и задачи у нас одни. Хотя пресса будет писать, что я связался еще и с „эмигрантским отребьем“, но на такие обвинения плевать я хотел, по той простой причине, что русские люди, разбросанные волей судеб, принадлежат нашему народу. Поэтому сердцем я нахожусь с этими людьми целиком и полностью и считаю, что сердца русских людей, в силу каких-то причин живущих за пределами отечества, должны биться в унисон со всеми сердцами, которые бьются здесь в борьбе за справедливость и за процветание не только народа русского, но и всех народов, населяющих Россию.

Знайте о том, что Россия жива, Россия будет жить, Россия дышит и русский народ тоже. И что бы нам ни стоило, за справедливость, за прорыв к правде мы будем драться.

УНИКАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

28-го июля 1988 года в день
Святого Великого Князя **ВЛАДИМИРА**,
1000 лет тому назад основавшего
Христолюбивое воинство наше,
вышла в свет

П Л А С Т И Н К А

с записью как редчайших, так и популярных
п е с е н

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

в исполнении

Хора Российского Наследия

Единственное в своем роде собрание солдатских
полковых, традиционных и казачьих песен,
никогда не записанных на пластинку ни в
Царской России, ни в Европе и запрещенных
в Советском Союзе

Запись проведена на основе аранжировок
«Песенника Российского Воина»
согласно восстановленным подлинникам.

Цена пластинки 10 \$
пересылка: США - 2 \$, за границу - 4\$.

Заказы направлять по адресу:
Valentin N. Mantulin, P. O. Box 1166,
Pearl River, New York 10965.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

N. Y. 11379

Tel. (718) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

**P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.**

Tel. (03) 337-6880

**Просьба оформлять подписку на «Вече
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство,
по указанному выше адресу.**

**Стоимость подписки на 1 год (4 номера)
42.00 австралийских доллара.**

Цена одного номера - 12.40 австрал. доллара.

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

15 нм

подписка на 4 номера

50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

9 ам. долл.

подписка на 4 номера

30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе — 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу
приложенным чеком

почтовым переводом

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**